

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№3(53)
2022

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли – исторические науки.

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история; 5.6.3. – Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического Исследования; 5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№3(53)
2022

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№3 (53) 2022: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2022. 168 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** Артёмов Н. С., Денисов А. В.
ЦЕРКОВЬ И НЕКРОПОЛЬ КОСМЫ И ДАМИАНА В НИЖНИХ САДОВНИКАХ: ХРОНОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ
- 23** Боровская О.Н.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЭВАКУАЦИОННОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ 1921-1929 ГГ.
- 32** Власов А.Е., Штепа А.В.
СОЦИАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДЪЮТАНТОВ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.
- 43** Воробьев Д. Н.
ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ САМООБОРОНЫ «ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ» (1966-1982 ГГ.): ОТ ИСТОКОВ К ОСНОВНЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
- 51** Гончаров Е.В.
ОБРАЗ НЕМЕЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1870-1914 ГГ.
- 56** Журавская А.В.
ВЫДВИЖЕННОСТЬ В 1920-Е ГГ.: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)
- 63** Кулачков В.В.
МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНЕ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
- 70** Лохов А.Ю., Еремин Е.И., Нацвин А.В.
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. I
- 83** Мищенко Т.А., Мищенко В.В.
«ДЕТСКИЙ ОПЫТ» ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ: УСТНЫЕ ИСТОРИИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ ГОМЕЛЬЩИНЫ)
- 92** Мухина М.В.
ИСТОРИЯ СОЗЫВА И РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивоина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории кандидат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

99 Олейник С. А.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ НА РАБОТУ С КАДРАМИ В ВОЙСКАХ И ОРГАНАХ НКВД-НКГБ СССР В 1940-е гг. ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ И ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

106 Проконин Ф.И.

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА ОБ АНГЛО-ЯПОНСКОМ СОЮЗЕ 1902 ГОДА

114 Свиридова А.С.

КАРИКАТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1916 Г.)

124 Степанова О.Б.

К ИСТОРИИ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

131 Ткачёва М.В.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПЛЕМЕН КОЛОЧИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ)

138 Турыгин А.А.

ОТТО ЛЮБАРШ И ОБРАЗОВАНИЕ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

146 Цыбаков Д.Л.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ОРЛОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА В КИНБУРНСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1789-1791 гг.

154 Чекед Р.С., Кудланов К.Б.

РАССЕЛЕНИЕ ОДНОДВОРЦЕВ В УЕЗДЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЮЖНЕЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 3(53) 2022: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2022.
168 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhalchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Vol.3 – No.53 Scientific peer-reviewed journal SEPTEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Artemov N. S., Denisov A. V.**
THE CHURCH AND NECROPOLIS OF COSMAS AND DAMIAN IN THE LOWER GARDENERS: CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY.
- 23 Borovskaya O.N.**
THE ACTIVITIES OF THE POLISH-RUSSIAN-UKRAINIAN MIXED REEVACUATION AND SPECIAL COMMISSION ON THE TERRITORY OF BELARUS 1921-1929
- 32 Vlasov A.E., Shtepa A.V.**
SOCIO-BIOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF ADJUTANTS OF THE KALUGA PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY
- 43 Vorobyev D.N.**
THE IDEOLOGICAL FEATURES OF THE BLACK PANTHER PARTY FOR SELF-DEFENSE (1966-1982): FROM THE ORIGINS TO ITS MAIN ELEMENTS
- 51 Goncharov E.V.**
THE IMAGE OF A GERMAN WOMAN IN FRENCH SOCIETY IN 1870-1914.
- 56 Zhuravskaia A.V.**
PROMOTION IN THE 1920S: GOALS AND RESULTS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)
- 63 Kulachkov V.V.**
LOCAL AUTHORITIES AND PEASANTS IN THE PERIOD NEW ECONOMIC POLICY
- 70 Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V.**
HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. I
- 83 Mishchenko T.A., Mishchenko V.V.**
«CHILDREN'S EXPERIENCE» OF THE MILITARY GENERATION: ORAL STORIES ABOUT MILITARY

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);
Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

CHILDHOOD (BASED ON MATERIALS FROM THE SOUTH-WEST OF THE BRYANSK REGION AND EASTERN GOMEL REGION)

92 Mukhina M.V.

HISTORY OF CONVOCATION AND WORK OF THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

99 Oleynik S.A.

ABOUT SOME ASPECTS OF THE IMPACT ON WORKING WITH PERSONNEL IN THE TROOPS AND ORGANS NKVD-NKGB OF THE USSR IN 1940s. THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE AND THE MILITARY TRIBUNAL NKVD TROOPS OF ARKHANGELSK REGION

106 Prokonin F.I.

BRITISH PRESS ABOUT THE ANGLO-JAPANESE ALLIANCE OF 1902

114 Sviridova A.S.

CARICATURE AS A MEANS TO FORM AND REFLECT THE "ENEMY IMAGE" IN WORLD WAR I (BASED ON MATERIALS OF RUSSIAN PERIODICALS 1916)

124 Stepanova O.B.

TO THE HISTORY OF DRAFT DOG BREEDING OF THE NORTHERN SELKUPS

131 Tkacheva M.V.

CERAMIC PRODUCTION OF THE KOLOCHI ARCHAEOLOGICAL CULTURE TRIBES (BY MATERIALS FROM THE MOGILEV SUBDNIPER REGION)

138 Turygin A.A.

OTTO LUBARSCH AND THE FORMATION OF THE PAN-GERMAN LEAGUE

146 Tsybakov D.L.

PROBLEMATIC ISSUES OF THE PARTICIPATION OF THE OREL INFANTRY REGIMENT IN THE KINBURN DEFENSIVE OPERATION OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1789-1791

154 Cheked R.S., Kudlanov K.B.

SETTLEMENT OF THE ONE-COURTYARD PEOPLE IN COUNTIES, WHICH LOCATED TO THE SOUTH FROM THE BELGOROD LINE

УДК 902.2; 902.6

Артёмов Н.С., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

Денисов, А.В. заместитель директора по археологии ООО АРК ТСП (Россия)

ЦЕРКОВЬ И НЕКРОПОЛЬ КОСМЫ И ДАМИАНА В НИЖНИХ САДОВНИКАХ: ХРОНОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ

Статья посвящена результатам археологических раскопок на территории кладбища при московской церкви Космы и Дамиана в Нижней Садовой слободе. Объектом данного исследования являются церковь и некрополь Космы и Дамиана, предметом исследования является их историческая и социальная топография и хронология функционирования кладбища. Цель исследования – методом сличения данных исторических источников и вновь полученных археологических и естественнонаучных данных рассмотреть и уточнить историческую и социальную топографию изучаемого ритуального комплекса, уточнить датировку функционирования некрополя. Согласно данным письменных источников, церковь Космы и Дамиана в Нижней Садовой слободе известна с конца первой четверти XVII в. В 1930-х годах церковь была разрушена, как и надземная часть кладбища, а на его месте впоследствии было построено здание поликлиники. Кладбище было изучено археологически под руководством А.В. Денисова в 2016 и 2018 годах, в ходе проведения охранно-спасательных археологических раскопок на территории строительства здания Научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, расположенного по адресу: г. Москва, Космодамианская набережная 22, стр. 1-1а. Обнаруженные находки поступили в Музей Москвы. Антропологический материал был исследован антропологами ИА РАН д.и.н. М.В. Добровольской и м.н.с. И.К. Решетовой, после чего останки перезахоронили. Для двух погребений было проведено радиоуглеродное датирование, которое дополнило выводы о периоде функционирования кладбища. Научная новизна статьи заключается в том, что анализ данных, полученных в ходе археологических и естественнонаучных исследований 2016 и 2018 годов, позволил уточнить время существования некрополя при церкви Космы и Дамиана в Нижней Садовой слободе, а также выделить некоторые аспекты исторической и социальной топографии исследованного участка. Результатом стало определение хронологических границ функционирования некрополя и уточнение исторической и социальной топографии всей территории бывшего ритуального комплекса.

Ключевые слова: некрополь; кладбище; церковь Космы и Дамиана; ритуальный комплекс; погребение; захоронение; сооружение; археологические раскопки; хронология; топография; Садовническая слобода.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-07-22

1. Введение

Актуальность исследования заключается в анализе и сопоставлении новых данных, полученных в результате недавних археологических раскопок, с сохранившимися данными исторических источников и литературы, и публикации полученных результатов. В 2016 и 2018 годах охранными археологическими работами под руководством А.В. Денисова был исследован земельный участок на территории строительства здания Научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, расположенный по адресу: г. Москва, Космодамианская набережная 22, стр. 1-1а. По данным предварительных историко-архивных изысканий, на данном участке располагалось кладбище при церкви Космы и Дамиана Ассийских, что в Нижней Садовой слободе. Упоминания о церкви и кладбище встречаются в Строельной книге

Московским церквам 1657 г. [6], Переписных книгах города Москвы 1737-1745 гг. [14], а также в ряде позднейших сборников документов, исследований, энциклопедий: «Надгробная летопись Москвы» А.А. Мартынова [9], «Чёрная книга» А.А. Валентинова [4], «Москва в далёком прошлом» Г.П. Латышевой и М.Г. Рабиновича [8], «Сорок сороков» П.Г. Паламарчука [11], «История московских районов» [7], «Землевладения московских церковных приходов» О.П. Шенковой [18].

Одними из последних работ по данному ритуальному комплексу являются: предварительное сообщение В.В. Морозова и А.Л. Смирнова «Некрополь церкви Козьмы и Дамиана в Садовнической слободе» [10], опубликовавших краткие сведения об археологических раскопках 2016 г., каталог В.А. Берковича и К.А. Егорова «Московское белокаменное надгробие» [3],

в котором представлены описание, расшифровка и изображения белокаменных надгробий, найденных в ходе раскопок 2016 г. В 2019 г. на научно-практическом семинаре «Археология русского города» Н.В. Артёмовым был сделан доклад, обобщающий итоги археологических работ 2016 и 2018 гг. по исследованию некрополя при церкви Космы и Дамиана (илл. 1).

На основе доклада и материалов археологических исследований кладбища, выполненных под руководством А.В. Денисова, коллективом археологов (Н.С. Артёмовым, А.В. Денисовым, В.В. Морозовым и А.Л. Смирновым) была написана обобщающая статья «Некрополь при московской церкви Космы и Дамиана, что в Нижней Садовой слободе, по итогам археологических работ 2016-2018 гг.» [2], выход которой в составе сборника «Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2019 г.» [2] из-за эпидемиологических обстоятельств был вынужденно перенесён на 2022 г.

Вместе с тем, работа В.В. Морозова и А.Л. Смирнова [10] носит неполный и строго предварительный характер, а каталог В.А. Берковича и К.А. Егорова [3] рассматривает только белокаменные надгробия изученного кладбища. Статья «Некрополь при московской церкви Космы и Дамиана, что в Нижней Садовой слободе, по итогам археологических работ 2016-2018 гг.» [2] является наиболее полной на данный момент работой по теме исследования, однако носит обобщающий характер и не освещает подробно вопросы исторической и социальной топографии некрополя и шире, всего ритуального комплекса. Их рассмотрению, а также уточнению хронологии функционирования некрополя, и будет посвящена данная статья.

2. Постановка задач и методы исследования

Ввиду неполноты данных, имеющих по исследуемому ритуальному комплексу на текущий момент, целью данной статьи является уточнение и дополнение топографических и хронологических данных о некрополе: времени его активного функционирования, социальном составе погребённых и изменениях топографии занимаемого храмом и кладбищем участка.

Для достижения этой цели выполнены следующие задачи: анализ историко-архивных данных по изучаемому ритуальному комплексу и сравнение полученной информации с данными археологических раскопок. Кроме того, для уточнения хронологии функционирования исследуемого ритуального комплекса, привлечены результаты естественнонаучных исследований (радиоуглеродного анализа) некоторых погребённых, а также датировки погребальных сооружений (саркофагов) и могильных плит, найденных при археологических изысканиях. Таким образом, основными методами данного исследования являются описательный, аналитический, сравнительный и формально-логический, применённые к информации, полученной при помощи историко-архивного метода, археологических (сравнительно-типологический, стратиграфический) и естественнонаучного (радиоуглеродный анализ) методов.

3. Сравнение историко-архивных и археологических данных. Результаты и их анализ.

Садовые слободы (Верхняя, Средняя и Нижняя) располагались узкой полосой вдоль берега р. Москвы, в непосредственной близости от Кремля.

Летом значительная часть территории между р. Москвой и ее старицей использовалась как пастбище, и в ряде княжеских духовных конца XV в. упоминается «Великий луг у города у Москвы за рекой» [16]. В 1495 г. здесь был разбит «Государев сад», и возникли дворцовые Садовые (Садовнические) слободы. [5] «Садовая и Огородная слободы ... заведены очень рано, еще при первых Московских Князях: слобожане должны были ставить во дворец, в виде оброка, всякий огородный овощ и садовое *сливье*, т.е. плоды.» [5] В данном случае, учитывая возникновение слобод в конце XV в., имеются ввиду Великие Московские князья, именующие себя уже «государь земли русской», т.е. правители второй половины XV века. Сегодня о слободах напоминают современные Садовническая набережная (параллельная Космодамианской набережной), Садовнические улицы и переулок.

На их точное местоположение указывают приходские храмы. Два сохранились до наших дней: церковь Николая Чудо-

творца на Берсеневке, в Верхних Садовниках (на Берсеневской набережной, известен по письменным источникам с 1625 г.; ранее на его месте располагался Никольский на Берсеневке на Болоте монастырь, известный с 1390 г. [11]) и храм Софии Премудрости Божьей в Средних Садовниках (на Софийской набережной, первое упоминание о храме датируется 1495 г. [11]). Одна из церквей была разрушена: та самая церковь Космы и Дамиана в Нижних Садовниках [11]. По имени последней и была названа современная Космодамианская набережная.

Церковь Космы и Дамиана «в Нижних Садовниках» упоминается как деревянная с 1625 года, к 1657 г. она была перестроена в камне, а в 1932 г. снесена при постройке жилого здания. [7, 9, 11, 18] (илл. 2).

Возле церкви располагалась территория приходского кладбища, где хоронили прихожан этой церкви и стояли дворы церковнослужителей [8]. К 1657 году относится первое упоминание о некрополе, в связи с его расширением и огораживанием по приказу царя Алексея Михайловича [6].

В рукописи московского историка второй половины XIX – первой половины XX веков М.И. Александровского есть упоминание, что данная церковь "Существовала до Романовых - получала ругу» [11]. Руга (от греч. *ῥόγᾱ*, «жалование», в свою очередь от лат. *rogāre*) — выплаты духовенству, «ружникам» в Московском царстве и Российской империи, выдаваемые обычно из государственной казны или из собственных средств крупного землевладельца.

Таким образом, деревянное строение храма впервые упомянуто в 1625 году, но имеющаяся информация о ружных выплатах до начала царствования Романовых позволяла предположить более раннюю датировку возникновения церкви — не позднее начала XVII века. Достаточно ранние письменные датировки двух других ритуальных комплексов на территории Садовых слобод также дают основание для подобного предположения.

Одним из важных результатов археологических раскопок 2016 и 2018 гг. стало подтверждение более ранней датировки возникновения кладбища, а значит, и церкви. В предварительном сообщении по

результатам раскопок 2016 г. В.В. Морозовым и А.Л. Смирновым была предложена датировка периода активного функционирования некрополя концом XVI – третьей четвертью XVIII вв., однако авторы не исключили, что «нижняя дата некрополя будет отодвинута вплоть до начала XVI в.» [10]. Исходя из данных, полученных при археологических и естественно-научных исследованиях 2018 г., период активного функционирования некрополя можно датировать рубежом XV - XVI – серединой - второй половиной XVIII вв. На это указывают, во-первых, достаточно ранние датировки белокаменных надгробий, обнаруженных при раскопках кладбища — часть из них относится к первой четверти XVI в. [3]. Во-вторых, более раннюю датировку подтверждают данные радиоуглеродного анализа двух погребений (№№170, 190), совершённых в каменных саркофагах антропоморфной формы (илл. 3-4).

Согласно данным анализа, проведённого в Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А.И. Герцена, данные погребения были совершены в период между 1535 - 1602 гг. [2] Эти цифры хорошо укладываются в период бытования саркофагов, в которых были совершены исследуемые захоронения: основная масса известных саркофагов подобной формы датируется концом XIV – первой половиной XVII века [13]. Третьим, косвенным подтверждением более ранней датировки кладбища является ранний нумизматический материал, основное количество которого относится к концу XV – началу XVI века (московские и тверские пуло, «денга» Ивана III 1490-1505 гг.). [2] Часть монет найдена непосредственно в захоронениях — так, в погребении №32 на височной кости черепа погребенного зафиксировано медное московское пуло конца XV — начала XVI века (илл. 5).

Кроме этого случая, монеты ручного чекана зафиксированы ещё в трёх захоронениях, однако В.В. Морозов и А.Л. Смирнов считают попадание этих монет в могилы случайным [10].

Итак, кладбище уже активно функционирует в первой четверти XVI в., а возможно, и ранее. Таким образом, возникно-

вание деревянной церкви Космы и Доминана в Нижней Садовой слободе следует относить к рубежу XV – XVI вв. – периоду освоения данной территории. Эта датировка подтверждает письменные данные о начале освоения исследуемого участка Замоскворечья с 1495 г. и хорошо согласуется с первым упоминанием этим же годом другой слободской церкви – Софии Премудрости Божьей в Средних Садовниках [11].

Получив дату возникновения ритуального комплекса, обратимся к его дальнейшей истории и исторической топографии. Некоторые сведения известны нам из исторической литературы. Так, перестройкой в камне 1657 года изменения церковного здания не ограничились.

В 1662 г. к церкви пристроена однобокая трапезная с выделяющимся четвериком северного Никольского придела. Шатровая колокольня была возведена в 1689-1690 гг. В 1767 г. Космодамиановский придел перенесли в юго-восточную часть трапезной. Следующее, и последнее, поновление храма происходит уже в 1882 г. [11] Некрополь же перестаёт функционировать в середине – третьей четверти XVIII в., не позднее 1771 г., в связи указом Сената от 24 декабря 1771 г., который стал следствием эпидемии чумы и запрещал «хоронить умерших в городах при церквях» [1]. С уверенностью можно сказать, что во второй четверти XVIII века кладбище ещё функционировало, о чём свидетельствует фрагмент белокаменного надгробия жителя Садовнической слободы Ивана Лобканова, умершего и похороненного в 1733 году (илл. 6) [2] и захоронение в «склепе» второй четверти-середины XVIII в. (илл. 7) [10].

Таким образом, на основании археологического материала мы можем выделить верхнюю границу и получаем время активного функционирования некрополя: первая четверть XVI в. – вторая четверть-середина XVIII в., т.е. около 250 лет.

Сохранились данные о размерах некрополя на середину XVII в.: «213. Ц. деревянная Козмы и Домьяна что въ Садовникахъ. Подъ церковью земли и кладбища по нынешней мере вдоль отъ Москвы реки по улице 47 саж. съ полусаженью, поперегъ подле Москвы реки 9 саж. съ полусаженью, въ другомъ конце 5 саж. безъ чети, и то кладбище тесно; а въ писцовыхъ книгахъ

147 г. подъ тою церковью земли и кладбища мерами не написано» [6]. В пересчёте на современные меры площадь «под церковью земли и кладбища» составляла 1 427 м² или 14,27 соток.

Можно сказать, какую площадь из указанной занимало изначально каменное церковное строение. В фондах ГБУ «Центральный государственный архив города Москвы» сохранились планы и разрезы церковного здания и участка за 1841 г. и 1878 г. [17] (илл. 8 - 9).

Согласно эти планам, площадь церковного основания на 1841 г. составляла около 620 кв. м. Известно, что трапезную пристроили в 1662 г., колокольню 1689-1690 гг. На плане 1878 г. (илл. 9) видно, что к этому времени храм ещё расширили в южную сторону, нарастив объём трапезной. Таким образом, площадь церковного основания достигла около 700 кв. м. Кроме этих частей церковного здания, на плане 1878 г. выделяются одним цветом с помещением трапезной две каменные паперти, по всей видимости, пристроенные вместе с трапезной (илл. 10).

Интересно, что трапезная и паперти даны в условных обозначениях как «предполагаемые» строения, однако нам известно, что трапезная к этому времени уже должна была существовать. Можно допустить, что в данном случае «предполагалось» поновление церкви, произошедшее в 1882 г. [11].

Южное же крыльцо не отнесено на этом плане к «предполагаемым постройкам». Не исключено, что оно было воздвигнуто ранее и единственное из крылец храма сохранилось до 1841 г. (с запада и севера к каменному храму 1657 г. в 1662 г. пристроили здание трапезной, что могло стать причиной разбора западного и северного крылец). Таким образом, изначально площадь каменного основания церкви составляла всего около 173 кв. м (не считая площади южного крыльца, около 14 кв. м) и возможно существовавших других крылец. Вряд ли и деревянное строение храма изначально занимало большую площадь.

В дальнейшем церковный участок и, соответственно, кладбище, увеличились:

«И по государеву указу къ церкви Козмы и Домьяна, что въ Садовникахъ, къ

старому кладбищу взято вновь подь кладбища оть нового церковного каменного основанія церковные земли до святыхъ воротъ 25 саж. съ полусаженью, поперегъ оть двора садовника Якушка Володимерова оть старого кладбища 8 саж. безъ чети, въ другомъ поперечнике, что у святыхъ воротъ, по большой улице 7 саж.; да къ той же церкви взято вновь же подь кладбища по правую сторону церкви церковной же земли вдоль къ Москве реке 13 саж., поперегъ оть двора садовника Акулка Михайлова до старого кладбища 7 саж., въ другомъ поперечнике 7 саж. съ третью» [6].

В этом отрывке уже упомянуто «новое церковное каменное основание», то есть расширение кладбищенского участка государевым указом происходит уже в ходе 1657 г., когда уже строится или построено новое каменное здание церкви. Перестройка сопровождается расширением кладбищенского участка, к нему присоединяют два куска земли, 852 мІ (8,52 сотки) и 420 мІ (4,2 сотки), в общей сумме 12,72 сотки. Это значительно увеличило площадь кладбища. Даже вновь присоединённая кладбищенская территория уже превышает вскрытую раскопками площадь, на которой располагались погребения (около 800 кв. м). В дальнейшем кладбище, по-видимому, уже не претерпевало значительных территориальных изменений. Это подтверждается и тем фактом, что кладбищенскую территорию огородили, причём как отдельно старое кладбище (возможно, с целью более не хоронить на нём), так и новые, отданные под погребения площади: «А къ той церкви на городбу старого кладбища и около нового кладбища на надолбы лесу пошло: въ столбы 14 деревъ трехъ сажень да 100 бревень полутретьи сажени» [6]. Поскольку формулировка из источника ничего не говорит нам о «поновлении» ограды, а только лишь о её создании, можно предположить, что это было первое чёткое оконтуривание пределов данного некрополя. Это предположение подтверждается и тем, что в той же Строельной книге, при описании других церквей, например, церкви Преображения в Заяицком (ныне именуется храм Святителя Николая в Заяицком), имеющееся уже кладбищенское ограждение непременно упо-

минается: «а около той церкви старое и новое кладбища оть Москвы-реки огорожено заборами старыми» [6].

В результате раскопок 2018 г. удалось проследить южную, северную и восточную границы кладбища, что дало возможность примерно установить сохранившуюся площадь территории некрополя. Протяжённость с севера на юг составила около 30 м, с запада на восток около 26 м, площадь сохранившейся части, таким образом, составила около 780 мІ. Данная площадь явно меньше упомянутой в источниках. Однако, с западной стороны часть кладбища была разрушена при прокладке теплотрассы, в связи с чем определить точную западную границу и площадь некрополя археологическими методами не представляется возможным. По всей видимости, не вся территория, отведённая под кладбище, использовалась для захоронений — их концентрация велика лишь в центре участка, где погребения располагаются в несколько ярусов, перерезая друг друга. По периферии участка захоронения располагались спорадически, в удалении друг от друга (илл. 11).

Интересно, что при наличии свободной площади захоронения совершались в основном в центре кладбища. По-видимому, это может объясняться практикой подхоранивания умерших к ранее существующей могиле предка или родственника.

Территория же церковная впоследствии продолжала увеличиваться. Если на середину XVII в. она составила уже около 2 700 кв. м, то судя по плану второй четверти XVIII в. (Топографическая карта Москвы 1838 года, выполненная корпусом топографов) (илл. 12), церковная территория увеличилась к 1838 г. примерно до 7 000 кв. м. Однако, судя по плану А. Хотева (илл. 13), уже к 1852 г. она уменьшается (илл. 13), достигнув к 1878 г. площади около 5 400 кв. м (илл. 10).

В ходе археологических работ были выявлены остатки мощных белокаменных кладок (илл.14), в том числе с сохранившимся верхним рядом кирпичей на известняковом растворе (сооружение №1) (илл. 15).

Это сооружение располагалось с запада на восток в центральной зоне кладбища и Г-образно уходило в южный профиль раскопа №1. Длина сохранившейся части сооружения — 4,68 м, высота — 2,25

м, ширина – 0,85 м. Предварительная датировка фундамента сооружения №1 была дана, исходя из размеров кирпичей: первая четверть – середина XVIII в. [10]. Однако, учитывая выводы об активном функционировании кладбища ещё во второй четверти-середине XVIII века, можно предположить возникновение всех или части сооружений в 1772-1775 гг., опираясь на данные «Московского некрополя». В нём сказано, что со времени устройства загородных кладбищ в 1771-1772 гг., «приходские погосты стали постепенно уничтожаться. Погостная земля или распродавалась, или употреблялась церковными причтами подь собственные постройки. Но митрополитъ Платонъ Левшинъ, начавшій управлять Московскую епархіей с 1775 года, прекратилъ распродажу погостной земли и вменилъ въ обязанности благочиннымъ следить за темъ, чтобы бывшіе погосты не застраивались, сохранялись в чистоте и были обнесены оградами» [15]. Таким образом, можно предположить, что обнаруженные фундаменты могли быть воздвигнуты на территории некрополя при церкви Космы и Домиана именно в период 1772-1775 гг., когда на некрополях в черте города окончательно перестали хоронить умерших и церковные причты начали активно осваивать «освободившиеся» кладбищенские участки. Да, осуществление захоронений на московских некрополях запрещалось и до этой даты: Петром I указом от 10 октября 1723 года и Елизаветой Петровной указом от 2 июля 1748 года. Однако повеление Петра осталось без применения на практике, а указ Елизаветы «забывался» по её отъезду из Москвы [15]. Многочисленные нарушения и игнорирование данных запретов подтверждаются тем, что 1 ноября 1755 года «епархіальное начальство было вынуждено сделать строгое внушение священникамъ, не исполнявшимъ указа» [15]. И только устройство достаточного количества загородных некрополей в 1771-1772 гг., и самое главное, активное освоение кладбищенских площадей с 1772 по 1775 гг. ясно говорит о том, что захоронения на старых московских некрополях прекращаются.

На топографической карте Москвы 1838 года, выполненной корпусом топографов, на территории храма отмечены три прямоугольных здания (илл. 12). По пред-

положению В.В. Морозова и А.Л. Смирнова, обнаруженные в ходе раскопок 2016 гг. белокаменно-кирпичный фундамент (сооружение №1), мог принадлежать одной из этих построек [10]. С другой стороны, положение построек на плане 1838 г. (на восточной границе церковных владений) не соответствует расположению фундаментов сооружения №1, располагавшемуся в центральной зоне кладбища (илл. 11). На плане 1878 г. каменное строение на церковной территории отмечено и вовсе одно, соответствующее скорее постройке на плане А. Хотева 1852 г. (илл. 13), а площадь центральной зоны некрополя, где было выявлено сооружение №1, занимает большое одноэтажное деревянное здание (илл. 10). Таким образом, сооружение №1 могло быть воздвигнуто и после 1878 г., например, в 1882 г., когда обновляли в последний раз церковное здание, что не исключает датировку расположенных ближе к реке остальных фундаментов 1772-1775 гг., т.к. их расположение более соответствует положению каменного строения на плане 1878 г. (илл. 10, 14).

Позднее, уже в XX в., все здания на территории некрополя были уничтожены, как и сама церковь Космы и Дамиана, а на их месте была построена поликлиника и жилой дом.

В заключение стоит отметить некоторые аспекты социальной топографии исследованной территории.

В 1679 г. в трех Садовых слободах насчитывалось 403 двора. К концу XVII в. они теряют свой прежний характер и здесь появляются выходцы из других русских городов [7]. Кто же были эти люди, поселившиеся на территории Садовых слобод и впоследствии похороненные на погостах слободских церквей, в том числе и на изученном кладбище?

По данным переписи 12-ой команды Москвы за 1744 год, в приход церкви Космы и Домиана, «что в Нижнихъ Садовникахъ, по Болоту», входят: 30 купеческих дворов, 2 двора монетчиков, двор дворцового крестьянина Кондратия Васильева, двор бригадира Алексея Иванова и двор «комисара» Григорья Федорова, а также 8 дворов, сословная принадлежность хозяев которых не указана [14]. Итого, 43 двора

составляли приход церкви Космы и Доминана. Как видно из подсчётов, более 2/3 всех прихожан составляли люди из купеческого сословия. Можно предположить, что и слободчане, сословие которых не указано в переписи, принадлежали, скорее всего, к купцам, т.к. на страницах изученной переписной книги некоторые купцы сперва упоминаются без указания сословия, а потом встречаются повторно (например, при указании, кто является соседом очередного прихожанина), уже с указанием напротив своего имени купеческого статуса, и наоборот. Любопытно, что перепись и учёт хозяйств проводились не по слободам, а по приходам: так, к приходу церкви Космы и Доминана приписаны не только дворы Садовой, но также Кадашевской и других соседних слобод.

Исходя из этих данных, мы можем сделать вывод, что в XVIII в. население Садовой слободы, изначально состоявшее из государевых садовников, стало в основном купеческим. Соответственно, большинство захороненных на некрополе церкви Космы и Доминана в указанный период составляют купцы и члены их семей. Более ранние погребения, очевидно, принадлежат слободским садовникам.

Вскоре после Октябрьской революции, «6 апреля 1922 г. в храме изъято 14 пудов 18 фунтов золотых и серебряных изделий» [4], т.е. около 230 килограмм церковного реквизита из драгоценных металлов. Этот факт хорошо иллюстрирует состоятельность прихода, что и неудивительно, учитывая сословную принадлежность основной массы прихожан.

Всего на территории исследованного некрополя обнаружены 213 погребений и 6 скоплений костей (коллективных перезахоронений).

Данные антропологических экспертиз, сделанных для 228 индивидов, выглядят так:

Возрастные группы	Количество индивидов
0 – 2 года	12
2 – 12 лет	28
12 – 15 лет	4
15 – 25 лет	15
25 – 50 лет	126
После 50 лет	43
Итого:	228

Из данной таблицы следует, что возраст более половины погребенных колеблется между 25-ю и 50-ми годами.

У погребённых отмечен большой процент зубного кариеса, а также стёртость и прижизненная утрата зубов. Встречаются остеомиелит, остеопороз, грыжа на позвоночнике. Частая встречаемость заболеваний позвоночника может быть объяснена интенсивной физической нагрузкой в результате трудовой деятельности.

Некоторые из погребённых имеют на костях следы боевых травм, приведших к летальному исходу. На костяке одного из погребенных, мужчины 40 – 49 лет (погребение №156), в районе лобной кости прослеживалась травма рубящим оружием (длинна 50 мм) (илл. 16).

Также скопление костей №2 содержало череп, на височной части которого было обнаружено аккуратное круглое отверстие, диаметром около 8 мм, вероятно, пулевое (илл. 17).

Кроме того, в одном из ранних захоронений в центральной зоне кладбища, впущенном в материк, череп погребенного был найден отделенным от основного скелета и лежал рядом в контурах гробовины, причём её размеры указывали на то, что погребенный и был захоронен уже обезглавленным (илл. 18).

Таким образом, некоторые из погребённых могли принадлежать к служилым сословиям, принимавшим участие в боевых действиях.

Стоит отметить интересный феномен парных погребений, содержащих взрослый и детский костяки: по данным антропологической экспертизы, взрослый костяк в большинстве случаев принадлежал мужчине [10].

4. Заключение

Одним из важных результатов анализа данных, полученных в ходе археологических работ 2016 и 2018 гг. и последующих естественнонаучных исследований, стало уточнение датировки возникновения церкви Космы и Доминана, а также установление периода активного функционирования приходского кладбища. По-видимому, деревянную церковь возводят на рубеже XV – XVI вв., а захоронения на кладбище осуществляются в период с первой

четверти XVI по вторую четверть-середину XVIII в., может быть, и до начала 1770-х гг., т.е. около 250 лет.

Исследованная территория площадью 800 кв. м позволила выявить границы кладбища, кроме западной — там участок был повреждён теплотрассой. Общая площадь ритуального комплекса, согласно данным источников на середину XVII в. составляла около 2 700 кв. м, при этом из них не менее 187 кв. м должно было занимать само церковное здание с крыльцом. В дальнейшем площадь церкви и церковная территория увеличивались. К рубежу 1680-1690-х гг. церковь увеличилась примерно до 620 кв. м за счёт пристройки трапезной и колокольни, а к 1878 г. достигла площади 700 кв. м. Церковная же территория к 1878 г. имела площадь около 5 400 кв. м.

Вскрытая в ходе раскопок площадь, на которой фиксировались захоронения, составила 780 кв. м, однако территория, на которой совершались захоронения, очевидно, была больше — теплотрасса и жилой дом по адресу: Садовническая улица, 51с1 уничтожили западную оконечность некрополя. Это подтверждается данными источников, по которым изначально небольшая

площадь кладбища была увеличена, после перестройки храма в камне, почти на полторы тысячи кв. м. Всё же очевидно, что не вся земля, отведённая под кладбище, использовалась для захоронений — тогда как центр глубинной зоны некрополя перегружен погребениями, к окраинам их становится исчезающе мало.

Часть выявленных в ходе археологических исследований на территории некрополя белокаменно-кирпичных сооружений могла быть построена период с 1772 по 1775 гг., в любом случае, вряд ли ранее середины XVIII в. Однако сооружение №1, расположенное в центральной зоне кладбища, могло быть воздвигнуто позднее, в последней четверти XIX в.

Интересно также отметить, что по данным источников прослеживается социальный состав погребённых на кладбище в XVIII в. слободчан — в основном это были купцы и члены их семей. Кроме этого, археологические и антропологические исследования выявили несколько погребений, вероятно, принадлежавших представителям воинских сословий.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Звенигородский некрополь. Исторические кладбища города и округа. Звенигород: ГБУК МО «Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей», 2013. — 48 с.
2. Артёмов Н.С., Денисов А.В., Морозов В.В., Смирнов А.Л. Некрополь при московской церкви Космы и Дамиана, что в Нижней Садовой слободе, по итогам археологических работ 2016-2018 гг. // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2019 г. / Труды Столичного археологического бюро. Том IV. М.: САБ, 2022 (в печати).
3. Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2017. — 765 с.
4. Валентинов А.А. Черная книга: ("Штурм небес"): сборник документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. Париж: Изд. Рус. нац. студ. об-ния, 1925. - 294 с.
5. Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Часть II. М.: Тип. Грачева и К., 1873.
6. Забелин И.Е. Строельная книга Московским церквам 1657 г. // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Собр. и изд. руководством и трудами И.Е. Забелина. Ч. 2. М., Моск. гор. дума., 1891. - 16, 20, 1608 стб.
7. История московских районов: энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. М., Астрель: АСТ, 2005. - 830 с.
8. Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва в далёком прошлом. М.: Наука, 1966. — 248 с.
9. Мартынов А.А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. Кн. 7. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1895.
10. Морозов В.В., Смирнов А.Л. Некрополь церкви Козьмы и Дамиана в Садовни-

ческой слободе. По материалам археологических раскопок 2016 г. (Предварительное сообщение) // Материалы научно-практического семинара по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия имени А.Г. Векслера. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2017. - с. 167-174.

11. Паламарчук П.Г. Сорок сороков: краткая иллюстрированная история всех московских храмов. В 4-х т. Т. 2.: Москва в границах Садового кольца. М.: АСТ, 2004. - 744 с.

12. Памятники архитектуры Москвы: Замоскворечье / главный редактор Г.С. Макаревич. М.: Искусство, 1994. - 317 с.

13. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI – XVI веков. М.: Радуница, 2004. - 181 с.

14. Переписные книги Города Москвы 1737-1745 г.: Т. VII. М.: Моск. гор. дума, 1891.

15. Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. (сост.) Московский некрополь. Том первый. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28. 1907.

16. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813.

17. Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 54 Оп. 135 Д. 22 Л. 112-113а.

18. Щенкова О.П. Землевладения московских церковных приходов. "Поповка" конца XVII - начала XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2010. - 724 с.

THE CHURCH AND NECROPOLIS OF COSMAS AND DAMIAN IN THE LOWER GARDENERS: CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY

The article is devoted to the results of archaeological excavations on the territory of the cemetery at the Moscow Church of Cosmas and Damian in the Lower Sadovaya Sloboda. The object of this research is the church and necropolis of Cosmas and Damian, the subject of the research is their historical and social topography and chronology of the functioning of the cemetery. The purpose of the study is to examine and clarify the historical and social topography of the studied ritual complex by comparing the data of historical sources and newly obtained archaeological and natural science data, to clarify the dating of the functioning of the necropolis. According to written sources, the church of Cosmas and Damian in the Lower Garden Sloboda has been known since the end of the first quarter of the XVII century. In the 1930s, the church was destroyed, as was the aboveground part of the cemetery, and a polyclinic building was subsequently built in its place. The cemetery was studied archaeologically under the leadership of Denisov A.V. in 2016 and 2018, during the security and rescue archaeological excavations on the territory of the construction of the Scientific and Methodological Center for the Prevention and Control of AIDS, located at the address: Moscow, Kosmodamianskaya Embankment 22, p. 1-1a. The discovered finds were received by the Museum of Moscow. The anthropological material was studied by anthropologists of IA RAS, Doctor of Historical Sciences Dobrovolskaya M.V. and junior researcher Reshetova I.K., after which the remains were reburied. Radiocarbon dating was carried out for two burials, which supplemented the conclusions about the period of functioning of the cemetery. The scientific novelty of the article lies in the fact that the analysis of data obtained during archaeological and natural science studies in 2016 and 2018 made it possible to clarify the existence of the necropolis at the Church of Cosmas and Damian in the Lower Sadovaya Sloboda, as well as to highlight some aspects of the historical and social topography of the investigated site. The result was the determination of the chronological boundaries of the functioning of the necropolis and the clarification of the historical and social topography of the entire territory of the former ritual complex.

Keywords: necropolis; cemetery; church of Cosmas and Damian; ritual complex; burial; construction; archaeological excavations; chronology; topography; Sadovnicheskaya Sloboda.

References

1. Alekseev A.V. (2013). Zvenigorodskiy nekropol. Istoricheskie kladbisha goroda i okrugi [Zvenigorod necropolis. Historical cemeteries of the city and the surrounding area]. Zvenigorod: GBUK MO "Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum", 2013. - 48 p.

2. Artemov N.S., Denisov A.V., Morozov V.V., Smirnov A.L. (2022). Nekropol pri moskovskoy cerkvi Kosmi i Domiana, chto v Nizhney Sadovoy Slobode, po itogam arheologicheskikh rabot 2016-2018 gg. // Arheologiya russkogo goroda. Materiali nauchno-prakticheskogo seminar 2019 g. / Trudi Stolichnogo Arheologicheskogo Byuro [Necropolis at the church of Kosmas and Damian in the Lower Garden sloboda, following the results of archeological works in 2016th-2018-th. // Archeology of the Russian city. Materials of the 2019 scientific and practical seminar] / Proceedings of the Metropolitan Archaeological Bureau]. Tom IV. M.: SAB, 2022 (in print).

3. Berkovich V.A., Egorov K.A. (2017). Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog [Moscow white stone tombstone. Catalog]. M.: TM Production LLC, 2017. - 765 p.

4. Valentinov A.A. (1925). Chernaya kniga: sbornik document. dannih, harakterizuyushih borbu sovetsskoi kommunisticheskoi vlasti protiv vsyakoi religii, protiv vseh ispovedaniy i cerkvey [Black book: ("Storming the heavens"): collection document. data characterizing the struggle of the Soviet communist government against every religion, against all confessions and churches]. Paris: Ed. Rus. national Stud. ob-niya, 1925. - 294 p.
5. Zabelin I.E. (1873). Opiti izucheniya russkikh drevnostey i istorii. Chast II [Experiments in the study of Russian antiquities and history. Part II]. M.: Type. Gracheva and K., 1873.
6. Zabelin I.E. (1891). Stroel'nay kniga Moskovskim cerkvam 1657 g. // Materiali dlya istorii, arheologii i statistiki goroda Moskvi. Sobr. i izd. rukovodstvom i trudami I.E. Zabelina. Ch. 2 [The building book to Moscow churches of 1657 // Materials for the history, archeology and statistics of the city of Moscow. Collected and edited by the leadership and works of I.E. Zabelin. Ch. 2]. M., Moscow City Duma., 1891. - 16, 20, 1608 stb.
7. Istoriya moskovskikh raionov: enciklopediya / pod red. K.A. Averyanov (2005). [The history of Moscow districts: encyclopedia / edited by K.A. Averyanov]. M., Astrel: AST, 2005. - 830 p.
8. Latysheva G.P., Rabinovich M.G. (1966). Moskva v dalekom proshlom [Moscow in the distant past]. M.: Nauka, 1966. - 248 p.
9. Martynov A.A. (1895). Nadgrobnay letopis Moskvi // Russkii arhiv. Kn. 7 [The Grave-stone chronicle of Moscow // Russian Archive. Book 7]. Moscow: University Printing House, Strastnoy Boulevard, 1895.
10. Morozov V.V., Smirnov A.L. (2017). Nekropol cerkvi Kosmi i Domiana v Sadovnicheskoi Slobode. Po materialam arheologicheskikh raskopok 2016 g. (Predvaritelnoe soobshenie) // Materiali nauchno-prakticheskogo seminaru po sohraneniyu, ispolzovaniyu, popularizacii i gosudarstvennoi ohrane ob'ektov kulturnogo naslediya imeni A.G. Vekslera [The necropolis of the Church of Kozma and Damian in Sadovnicheskaya Sloboda. Based on the materials of archaeological excavations in 2016 (Preliminary report) // Materials of the scientific and practical seminar on the preservation, use, popularization and state protection of cultural heritage objects named after A.G. Vexler]. Moscow: Department of Cultural Heritage of the City of Moscow, 2017. - pp. 167-174.
11. Palamarchuk P.G. (2004). Sorok sorokov: kratkay illustrirovannaya istoria vseh moskovskikh hramov. V 4-h t. T. 2.: Moskva v granicach Sadovogo kolca [Forty sorokov: a brief illustrated history of all Moscow churches. In 4 vols. 2.: Moscow within the boundaries of the Garden Ring]. M.: AST, 2004. - 744 p.
12. Pamyatniki arhitekturi Moskvi: Zamoskvorech'e / Glavniy redaktor G.S. Makarevich (1994). [Architectural monuments of Moscow: Zamoskvorechye / Editor-in-chief G.S. Makarevich]. M.: Art, 1994. - 317 p.
13. Panova T.D. (2004). Carstvo smerti. Pogrebalniy obryad srednevekoviy Rusi XI – XVI vekov [The Kingdom of death. The funeral rite of medieval Russia of the XI – XVI centuries]. Moscow: Radunitsa, 2004. - 181 p.
14. Perepisnie knigi Goroda Moskvi 1737-1745 г.: T. VII (1891). [Census books of the City of Moscow 1737-1745: Vol. VII]. M.: Moscow City Duma, 1891.
15. Saitov V.I., Modzalevsky B.L. (comp.) (1907). Moskovskiy nekropol. Tom perviy [Moscow necropolis. Volume one]. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich. You. ostr., 5 l., 28. 1907.
16. Sobranie gosudarstvennih gramot i dogovorov, hranyashihsya v gosudarstvennoi kollegii inostrannih del. Chast pervay (1813). [Collection of state charters and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs. Part One]. M.: N.S. Vsevolozhsky Type, 1813.
17. Centralniy gosudarstvenniy arhiv g. Moskvi [The Central State Archive of Moscow]. F. 54 Op. 135 d. 22 l. 112-113a.
18. Schenkova O.P. (2010). Zemlevladieniya moskovskikh cerkovnih prihodov. «Popovka» konca XVII – nachala XX v. [Land ownership of Moscow church parishes. "Popovka" of the late XVII - early XX century]. M.: Monuments of historical thought, 2010. - 724 p.

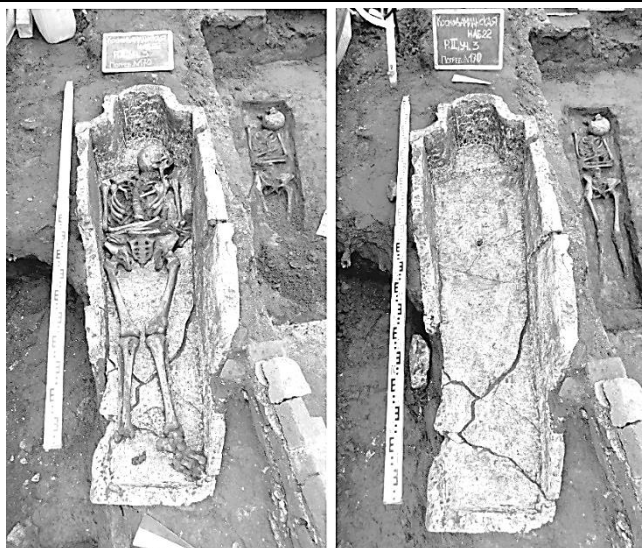
Список иллюстраций

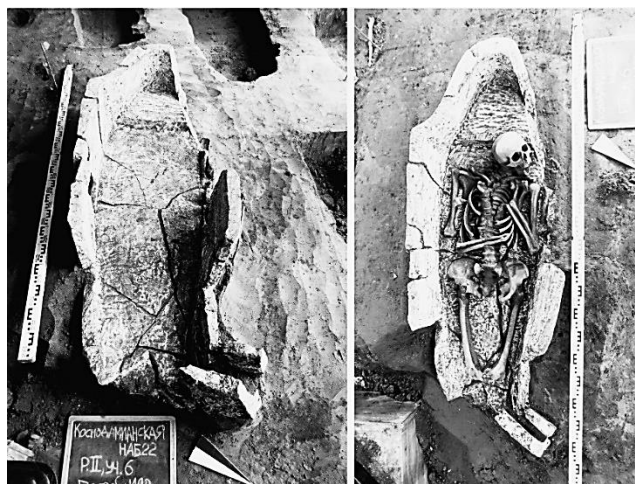
Илл. 1

Илл. 2

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

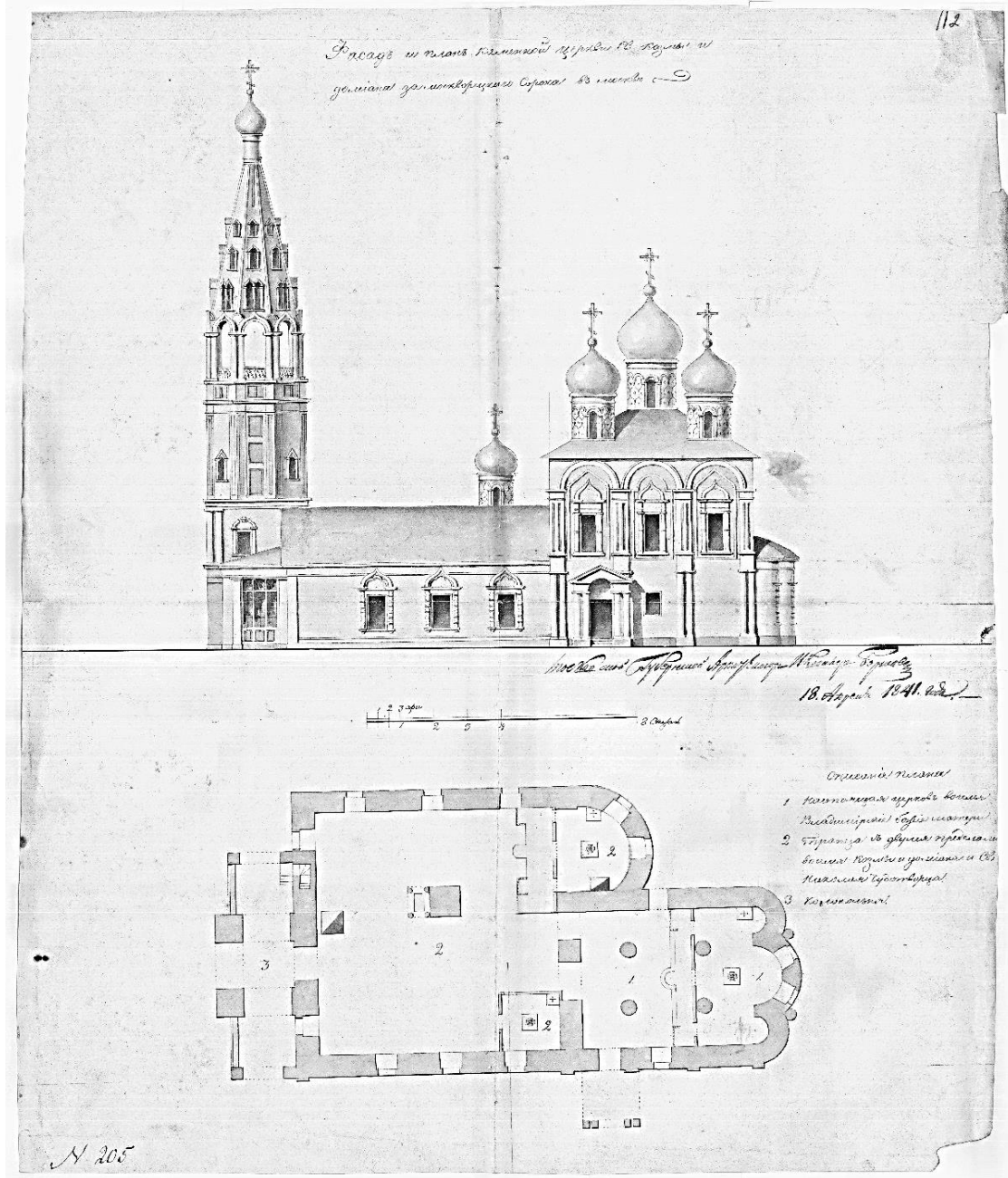

Илл. 6

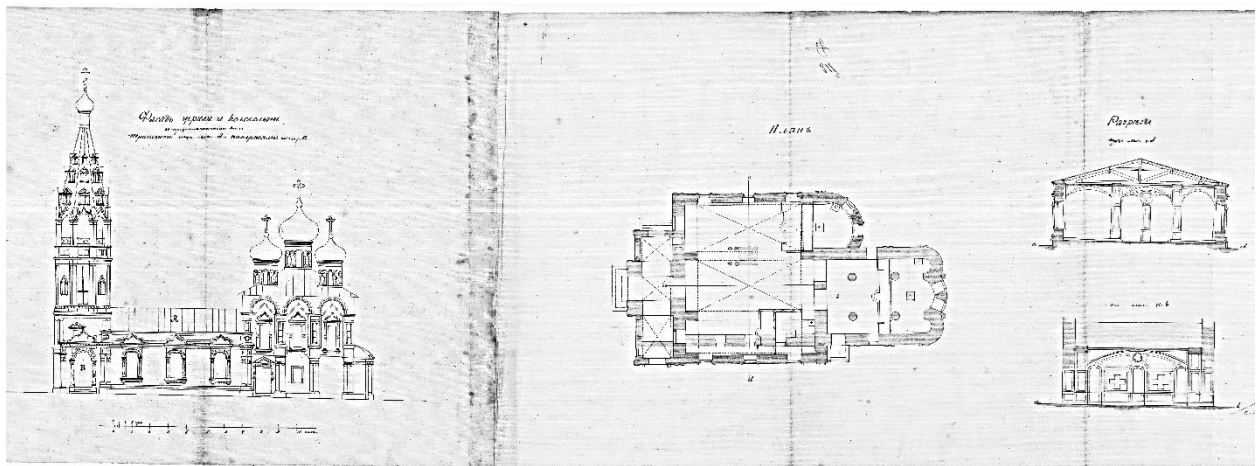

Илл. 7

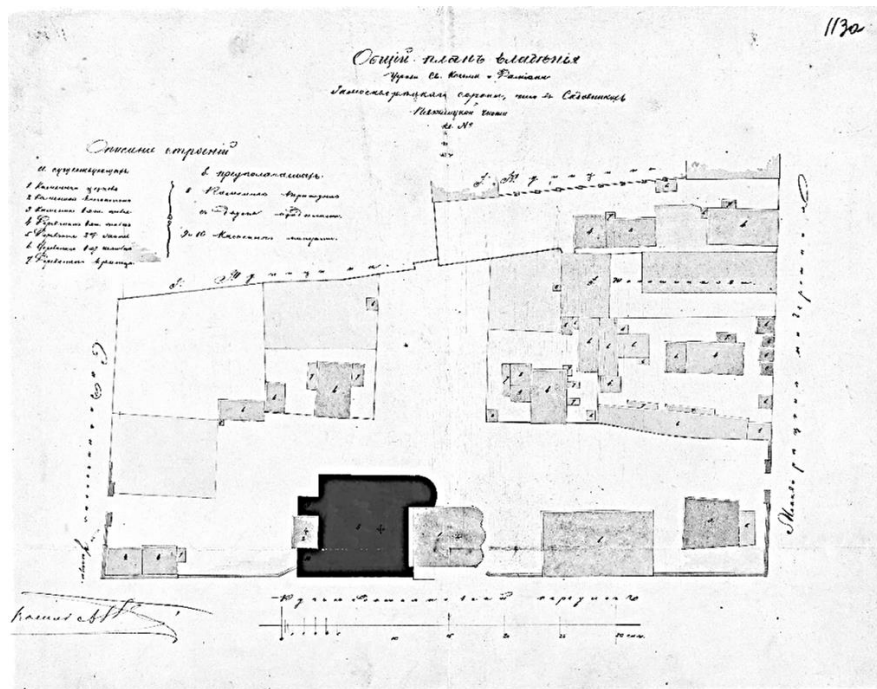

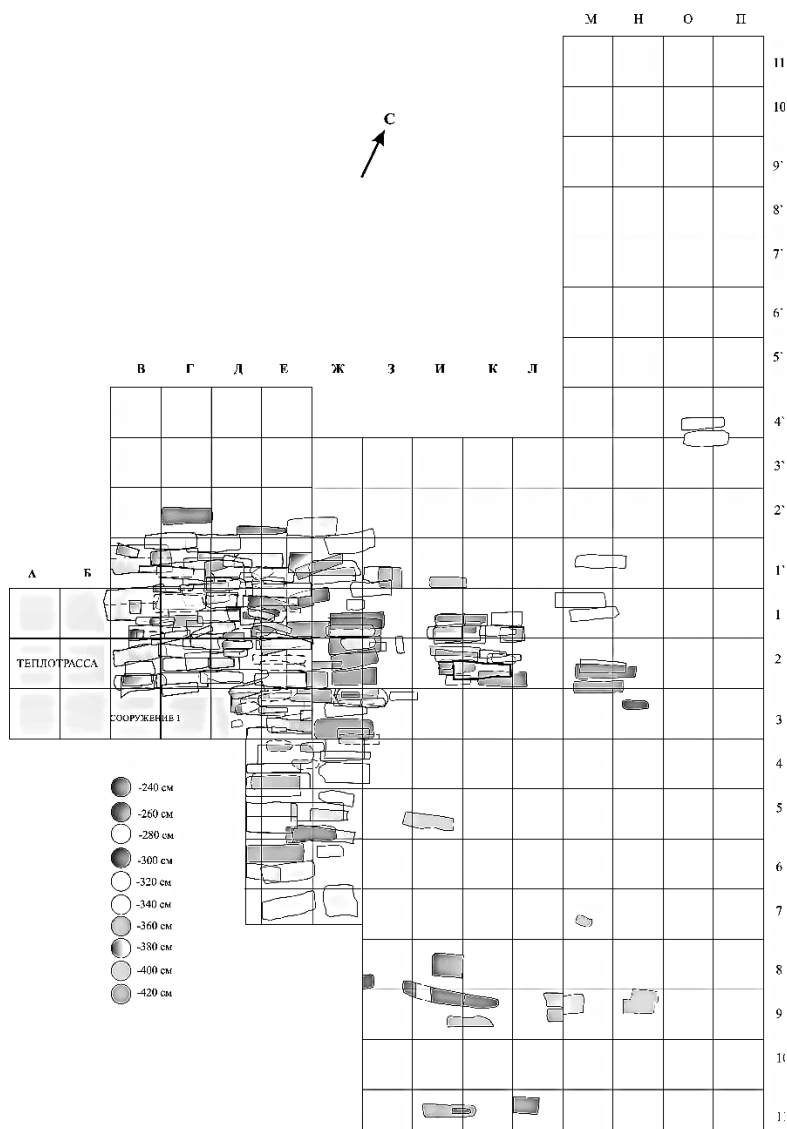
Илл. 8

Илл. 9

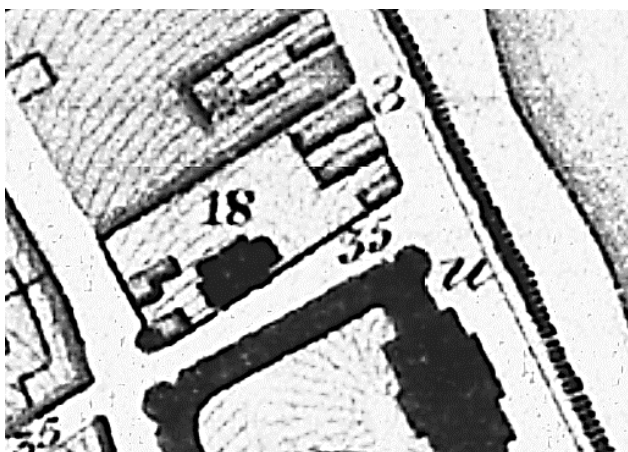

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Илл. 13

Илл. 14

Илл. 15

Илл. 16

Илл. 17

Илл. 18

Об авторах

Артёмов Николай Сергеевич - аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: frutsport@yandex.ru

Денисов Алексей Владимирович - заместитель директора по археологии ООО АРК ТСП (Россия), E-mail: arch2006@yandex.ru

Artemov Nikolai Sergeevich - Postgraduate student of the Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, (Russia), E-mail: frutsport@yandex.ru

Denisov Aleksei Vladimirovich - Deputy Director for Archaeology of ARK TSP LLC (Russia), E-mail: arch2006@yandex.ru

УДК 327 (476:4-470)''1921/1929''

Боровская О.Н., кандидат исторических наук, Институт истории НАН Беларуси, (Республика Беларусь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЭВАКУАЦИОННОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ 1921–1929 ГГ.

В статье рассмотрена работа Смешанной польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии в 1921–1929 гг., ее белорусская проблематика, обращено внимание на прямую связь ее деятельности с общим состоянием советско-польских отношений. Исследование проведено при использовании принципов историзма и объективности, специально-исторических методов, на основе широкой источниковой базы. Большинство использованных исторических источников была впервые введена в научный оборот. В ходе многочисленных заседаний комиссии были озвучены реэвакуационные претензии, представлены необходимые документальные доказательства. Частично требования сторон по возвращению того или иного имущества были удовлетворены, либо же компенсированы за счет соответствующих эквивалентов. На территории Беларуси Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия была представлена в рамках ее частей: подкомиссии по делам промышленности, имущества частных лиц, библиотечно-архивной подкомиссии, функционировании Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ РСФСР. Процесс реэвакуации имущества согласно статьям Рижского мирного договора спровоцировал стремление белорусского советского руководства вернуть промышленные предприятия и архивные фонды, эвакуированные в начале Первой мировой войны, и находящиеся на тот момент на территории других Советских республик.

Ключевые слова: реэвакуация, Смешанная комиссия, архивное наследие, реституция, Комитет по реэвакуации иностранных предприятий.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-23-31

Введение. Подписание Рижского мирного договора и других международно-правовых актов в феврале-марте 1921 г. польской и российско-украинской делегацией не принесли желаемого умиротворения и стабилизации в восточноевропейский регион. Длительный этап практической реализации основных статей договора, связанный с работой смешанных комиссий, желание сторон отказаться от его выполнения, состояние перманентного конфликта в приграничном регионе (до момента создания постоянного пограничного корпуса), состояние враждебности и недоверия в обществе и руководстве сторон привносили во взаимоотношения Польши и Советских республик напряженность, которая могла вылиться в новое военное столкновение.

Работа Смешанных комиссий, созданных для осуществления репатриации и оптации населения, обмена военнопленными и интернированными лицами, реэвакуации предприятий и другого имущества, проведение пограничной линии, осуществлялась со значительными задержками, тем самым, нарушая установленные Рижским договором сроки на их выполнение. Особенно это касалось статей финансово-экономического

характера, связанных с возвратом промышленных предприятий, сельскохозяйственных орудий, библиотечных и архивных сборов, культурных раритетов. Нестабильная ситуация на советско-польском приграничье, частые случаи политического бандитизма, наличие в Польше антисоветских формирований и организаций приводили к тому, что стороны фактически продолжали военное противостояние, откладывая процесс мирного регулирования. В итоге Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия провела свое первое заседание только в октябре 1921 г., после подписания в Варшаве Я. Домбским и Л.М. Караханом 7 октября «Протокола об условиях выполнения мирного договора» [4, с. 334–335].

Исследование специфики деятельности Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии происходит несколько поверхностно и однобоко. Так в польской научной мысли обращается внимание на вопрос реституции архивных и библиотечных сборов [16; 22; 20]. Польские специалисты впервые ввели в научный оборот рапорт П.Л. Войкова [18], воспоминания З. Мацерского [20]. В 1922–1924 гг. была начата печать отчетов комиссии [15], которые насчитывают девять томов. Также

польские эксперты, участвующие в ее работе, в 1920-е гг. активно печатали свои отчеты и мемуары [17; 23; 14; 21; 19]. Советская, а после российская историография представлена рядом обобщающих работ [12]. Белорусские исследования обращают свое внимание на вопросах реституции архивного наследия, изучению работы в смешанной комиссии М.К. Любавского и В.И. Пичеты [13; 2; 11].

Процесс реализации на практике статей Рижского мирного договора (IX, XIV, XV), реэвакуации предприятий промышленности, железнодорожного имущества, объектов сельского хозяйства, имущества частных лиц, реституции культурных ценностей так или иначе затрагивал интересы белорусского народа. В ходе работы комиссии по выявлению тех или иных объектов специалисты приходили к выводу, что часть предметов территориально и исторически связана не с польским народом, а с белорусскими и украинскими землями. В единичных случаях это приводило к передаче ценностей белорусской стороне.

В рамках исследования происходит всестороннее изучение деятельности смешанной реэвакуационной и специальной комиссии на территории Беларуси в 1921–1929 гг. путем исследования процесса реэвакуации промышленных предприятий и оборудования; характеристики работы Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии по возвращению железнодорожного и сельскохозяйственного имущества; анализа принципов определения территориальной принадлежности архивных коллекций.

Методы. Исследование основано на принципах историзма и объективности. В рамках работы была введена в научный оборот широкая база исторических источников (часть отчетов комиссии, переписка с центральными государственными органами, органами власти БССР; докладные записки и другие материалы официального делопроизводства). При использовании специально-исторических методов (историко-генетического, системного) было доказано, что в работе Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии как с российско-украинской, так и со стороны польской делегаций наблюдалось стремление к уменьшению числа финансово-экономических претензий. Это происходило за счет интерпретирования условий Рижского договора,

нахождения неточностей формулировок статей. В штате обеих делегаций трудилось немало талантливых юристов и других специалистов-экспертов, которые подготовили обширный аналитико-справочный материал. Деятельность смешанной комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением в советско-польских отношениях, что выливалось в многочисленные задержки в ее работе, добавляло противоречий и сложностей.

Результаты. Выполнение основных статей международно-правовых актов, подписанных в Риге, предусматривало создание отдельных смешанных комиссий, которые должны были провести территориальное разграничение, установить пограничную линию между сторонами (пограничная); осуществить реэвакуацию имущества и выплату контрибуции (золотом или другими ценностями); реституцию культурных раритетов (реэвакуационная и специальная); репатриировать военнопленных, беженцев, заложников, гражданских пленников, провести оптацию населения (комиссия по репатриации); решить спорные пограничные вопросы, возникающие между военными и гражданскими властями (военно-согласительная и согласительная комиссия по ликвидации пограничных конфликтов). Работа каждой смешанной комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением советско-польских отношений. Невыполнение финансово-экономических обязательств советской стороной вызывало замедление деятельности комиссии по репатриации, что приводило к приостановке процесса транспортировки беженцев, военнопленных.

7 октября 1921 г. начала свою работу Смешанная реэвакуационная и специальная комиссия. Во главе польской делегации стоял А. Ольшевский, российско-украинской – О.Ю. Шмидт (1 ноября его сменил П.Л. Войков). В ее составе существовало несколько подкомиссий: по делам промышленности, государственных железных дорог, частной железной дороги, сельскохозяйственного имущества, имущества частных лиц (которая не относилась к промышленности), имущество посольств, библиотечно-архивная, музейная. Центрами работы комиссии признавались Москва, с отделениями в Санкт-Петербурге и Харь-

кове, и Варшава. В тесной связи с комиссией находилась работа Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ РСФСР, под руководством С.И. Мрочковского.

Деятельность комиссии была направлена на удовлетворение претензий (или отказе) по реэвакуации того или иного имущества. Каждое требование должно было иметь солидный объем документальных доказательств. Далее оппонирующая делегация, после рассмотрения вопроса с привлечением значительного штата экспертов, осуществления поиска по местонахождению предмета спора, давала официальный ответ о возможности его возвращения. Данный процесс мог длиться годами, даже, если имущество было найдено, не было национализировано, находилось в хорошем состоянии, то с его возвращением могли возникнуть дополнительные сложности с логистикой. Так, например, при реэвакуации в Польшу оборудования графической фабрики Ю.Л. Гиршовича, возникли прения относительно того, кто должен оплачивать упаковку при транспортировке [15].

Как указывает П.Л. Войков в своем отчете, российско-украинская делегация в Смешанной комиссии не спешила с рассмотрением польских требований, даже, если это вызывало нарушение сроков выполнения Рижского договора. Согласно п. 5 ст. XV на процесс реэвакуации имущества полагалось 18 месяцев [3, с. 712]. В основу работы российско-украинской делегации был положен принцип детального изучения статей договора лучшими юристами страны с целью нахождения такой его интерпретации, которая позволяла уменьшить польские финансово-экономические требования, тем самым, сохранив государственное имущество в относительной целостности. Выставление условия по предоставлению широких документальных доказательств правообладания значительно сокращало количество претензий, так как за время многочисленных переездов и военных лет документы либо были утеряны полностью, либо отсутствовала какая-либо их часть. Кроме того, необходимо было подтвердить факт того, что владелец предприятия является гражданином Польши (касательно реэвакуации частного имущества). Часто это было сложно осуществить. Важно отметить, что Рижский мирный договор не содержал в своих условиях каких-

либо санкций по невыполнению тех или статей. Этим в свою очередь активно пользовались как российско-украинская, так и польская делегации.

Еще одним спорным моментом при возвращении промышленного комплекса стал вопрос модернизации. Если после эвакуации фабрики или завода из Польши на территорию Советских республик, она продолжила свою деятельность, ее оборудование было модернизировано, то она не могла быть реэвакуирована. Но случались исключения. Так, например, происходило с фанеро-лесопильным заводом М.М. Чуднера, который до 1915 г. располагался в Микошевичах, и был эвакуирован в Мозырь, частично Гомель. Оборудование завода было поставлено на другие аналогичные предприятия (заводы “Прима”, “Молния”, “Кеневича в Копцевичах”, “Каплана в Речице”). Вертикальный двигатель системы “Пиккер”, паровые котлы, древесошильные машины, распарочные котлы, штамповые станки и др. в ходе эксплуатации подвергались ремонту и усовершенствованию. Кроме того, при отступлении польских войск в 1920 г. значительная часть оборудования была разграблена или уничтожена. Но ввиду отсутствия доказательств этих процессов, имущество завода было предписано упаковать и вернуть бывшему владельцу, проживавшему на тот момент в Польше [6]. Хотя это решение и вызвало протесты со стороны Мозырьского управления “Западолеса”, в подчинении которого находилось бывший завод М.М. Чуднера [5, л. 162]. И только при непосредственном участии председателя российско-украинской делегации П.Л. Войкова и полномочного представителя БССР в Москве М.И. Мороза была осуществлена транспортировка динамашины и паровых двигателей.

Согласно отчету польской делегации в Смешанной реэвакуационной комиссии, в ходе работы польская сторона смогла вернуть 23 промышленных предприятия, на общую сумму 1 895 000 злотых. На 17 мая 1924 г. в Польшу было направлена 29 вагонов с фабриками акционерного общества “K. Rudzki i S-ka (Рудский и компания)”, 19 вагонов акционерного общества “Rohn, Zielinski i S-ka”, оборудование фабрики “Ю.Л. Гиршовича”, “М. Русевича и Л. Кривицкого”, “Cerata”, “Gettlich, Geyer i Herbst”, “A. Fajgenbaum”, “M. Czudner”,

“G. Szyller”, “Wola”, 4 винокурни. Претензии польской делегации по возвращению частной собственности насчитывали 352 единицы (промышленные предприятия), 29 заявлений на реэвакуацию частной железной дороги (фабрично-лодзьская, дорога Хербы-Кельц), 1000 сельскохозяйственных заявлений на 40 000 коней и крупного рогатого скота, 720 заявлений частной собственности домохозяйств, 47 паровых механизмов, 38 автомобилей, 4 велосипеда были удовлетворены советской стороной [15].

Для осуществления поиска по местонахождению объектов промышленности Комитетом по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНХ была разработана “Анкета о предприятиях, эвакуированных в период 1914–1917 гг. с территории Латвии, Литвы и Польши”. Владельцам заводов необходимо было заполнить 13 пунктов, приложить имеющиеся документы и данные об эвакуированном имуществе, после отослать анкету на адрес ВСНХ. При помощи рассылки анкет на места были разысканы завод щетины Х. Шварцберга и Э. Бравермана (из Белостокской губернии), гидротехническое оборудование компании “Рыхловский Вер и Ко”, винокуренный завод Я. Невельского, фабрика коньяка “Империал” [6, л. 120–124].

Что же касается реэвакуации железнодорожного имущества, то во время работы Рижской мирной конференции было решено, что российско-украинская сторона передаст полякам 300 паровозов, 260 пассажирских вагонов, 8100 товарных вагонов (Варшавско-Веденская железнодорожная линия, часть Надвисленской и Северо-Западной линий). Содержалось требование вернуть все паровозы стандартной колеи. В свою очередь состав широкой колеи оставался за советской стороной. В ходе заседаний Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии число реэвакуированного железнодорожного имущества было уменьшено. В итоге в Польшу должны быть направлены 124 паровоза, 5 почтовых паровозов, 15 шасси локомотивов, 2 комплекта железнодорожных колес, 27 товарных вагонов. Как отмечает П.Л. Войков, паровозы были очень повреждены, разграблены, “их ремонт с переоборудованием на стандартную колею являлся бы не только техническим, но и экономическим абсурдом” [18]. “Паровозный лом” не

представлял интереса ни для РСФСР, ни для УССР, его себестоимость в лучшем случае составляла 6 по 2 р. за пуд. Часть паровозов было зачислено в инвентарь российских железных дорог, так как не могла быть реэвакуирована.

Относительно имущества частных железных дорог (железнодорожных обществ и объединений: Лодзьская фабричная линия, линия Хербы-Кельце, узкоколейная железная подъездная дорога акционерного общества “Варшавская подъездная железная дорога”, акционерное общество строительства и эксплуатации подъездной железной дороги, общество Блонской подъездной железной дороги и др.) на заседаниях комиссии разгорелись жаркие споры. После многочисленных прений и отказов со стороны российско-украинской делегации вернуть железнодорожного имущества на общую сумму 16 723 243 р. 39 к., сумма была сокращена, что составило 18,4 % от первоначальных требований.

Реэвакуация сельскохозяйственного имущества была еще более проблемной. Первоначальные требования польской стороны в 40 000 коней, в том числе 8000 коней чистой породы, 14 000 единиц расовой скотины, 9500 расовых овец, возвращение Государственной конюшни из Яново с питомником (в 1915 г. был эвакуирован в Харьковскую область). Как отмечает П.Л. Войков, так как Рижский договор не указывает каким образом должна происходить выплата компенсации за падеж скота во время военных лихолетий, то число польских претензий может быть значительно уменьшена или отвергнута вовсе. Ввиду сложности поиска по местонахождению данного вида сельскохозяйственного имущества, было решено отказаться от выполнения требований польской делегации.

Особой спецификой отличалась работа библиотечно-архивной части Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии. Она потребовала не только значительного временного промежутка (до 1929 г.), но и привлечение значительного количества экспертов, дополнительного финансирования для отбора, реставрации и дальнейшей подготовки к транспортировке ценнейших культурных артефактов. В итоге: большинство претензий польской делегации было удовлетворено или решено полюбовно путем предоставления равно-

ценного эквивалента. Вместе с тем на некоторые польские требования было отказано. Это касалось, в частности, Литовской Метрики, Киевского центрального исторического архива. Эксперт российско-украинской делегации В.И. Пичета, в своих записках отмечал, что Литовская Метрика для белорусов и литовцев является таким же памятником былых времен, как и Коронная Метрика для поляков [1, л. 13–17].

Среди архивных сборов, перечисленных в “Меморандуме к требованиям польской делегации в Смешанной польско-российско-украинской специальной комиссии по выдаче архивов бывшей Гродненской, Виленской и части Волынской и Минской губерний”, подготовленного в марте 1922 г. [7, л. 63], указываются управление Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства (включая часть, касающейся Ковенской губернии), канцелярии генерал-губернатора Виленского, Гродненского; губернские правления и их отделения, губернские присутствия, губернские статистические комитеты, полицейские управления губерний Виленской и Гродненской, а также в части, касающейся польской территории Волынской и Минской губерний; канцелярий губернских предводителей дворянства и Дворянских депутатских собраний губерний Виленской, Гродненской и части, касающейся польской территории Волынской и Минской и др.

Центральный архив при ВЦИК РСФСР 19 июня 1924 г. сообщал в Центральный архив БССР, что “перед СССР стал вопрос о передаче польскому правительству архивов государственных и общественных организаций Минской губернии в той части, касающейся современной Польши”. Для проведения экспертизы ценности реэвакуированного материала в Минск командировался сотрудник Централархива РСФСР С.К. Богоявленский [8, л. 59]. Согласно донесениям последнего в Центральный архив БССР 27 июня 1924 г., произошло обследование архивного фонда и выделено значительное количество документов бывшей Минской губернии (Новогрудский и Пинский уезды), которые должны быть переданы Польше по ст. XI Рижского договора. “Возлагаю на ведомство ответственность (Централархив БССР), в распоряжение которого находится этот материал, считаю, что ему необходимо будет провести сложную работу по выборке

необходимого архивного материала с общей массы архивных фондов” [8, л. 446].

Российско-украинская делегация в Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии сообщала в Централархив БССР, что на основе Постановления Смешанной специальной комиссии от 27 июня 1923 г. и Соглашения Председателей делегаций СССР и Польши от 10 июля, будут возвращены в БССР, вывезенные из Минска архивные материалы бывшего Минского управления Государственного имущества. “Отмеченные материалы в настоящее время польской стороной уже отобраны и находятся в Варшаве. Польская делегация предлагает следующий план их передачи: представитель Польши и уполномоченный делегации СССР – сотрудник полномочного представительства СССР в Польше опечатывают – без предварительного осмотра – этот материал своими печатями, после чего они отправляются в Минск на адрес Белорусского Централархива” [9, л. 153].

29 декабря 1928 г. Центральное архивное управление сообщала в Президиум ЦИК БССР об окончании работы по подготовке архивных документов для передачи их польской стороне (“сшиты в 255 кулей, запломбированы таможней и находятся в Централархиве до получения разрешения от НКВД СССР на их отправку за границу”) [10, л. 22]. Передача документов произошла 11 января 1929 г. на ст. Негорелое в присутствии представителя от советской стороны М.А. Цевелюка и польской – В. Кожуховского, заместителя заведующего Централархива БССР М.В. Мелешко, Негореловской таможи – М.И. Даниловича, Главлита БССР – А.В. Крыловича. В общем количестве 44 связки и 7621 дела, упакованных в 259 дорожных кулей и опломбированы [10, л. 17].

Польская делегация в отчете комиссии отмечала сложности, с которыми столкнулась, что стало причиной того, что значительная часть архивного, библиотечного и музейного наследия осталось на территории СССР. Среди препятствий отмечают: 1) формалистическое интерпретирование статей Рижского договора советской стороной, которая даже при представлении поляками достаточной документальной базы, требовала указать точное местонахождение той или иной коллекции,

предмета; 2) негативные отношения советской делегации к Польше, различные задержки в работе, уход от рассмотрения дела. 3) оспаривание права Польши на возвращение части Коронной Метрики (Волынская метрика, сборы Кременецкого лицея, Народного дома *Staurorijga* во Львове и др.). В итоге деятельности комиссии произошло 235 заседаний с оформлением протоколов, из них – 48 пленарных. К этому числу необходимо добавить встречи в ежедневном формате председателей делегаций, членами и экспертами [15].

В Польшу вернулись рукописи В. Кадлубка, Я. Длугоша, Р. Гайденштейна, Я. Ожельского, Ю. Лубенского, Я. Кобежицкого, М. Раддивилла, А. Нарушевича, Я. Лелевеля и других. В Польшу было направлено 31,5 вагонов, 4019 коробок и связок: 1) исторические архивы – 710 коробок и связок – *Archiwum "Generale Regni"*, часть Коронной метрики, *Libri Legationum*; 2) административные архивы – 2702 коробки и связки. Государственные акты по крестьянским делам, гминной и губернской администрации по всем губерниям Королевства Польского, акты магистратов городов, акты канцелярии Варшавского генерал-губернаторства, документы из *Archiwum Akt Dawnych* в Варшаве, документы судовых инстанций, почтово-телеграфных учреждений, фабричных инспекторов Западного Горного округа, частично железной дороги, Варшавского комитета по делам цензуры, церковское имущество; 3) часть неадминистративных архивов – 607 коробок и связок [18, s. 86].

Обсуждение. В рамках исследования удалось доказать, что деятельность Польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии в 1921–1929 гг. на территории Беларуси находилась в прямой зависимости от существующего расклада советско-польских отношений. Напряженность двусторонних связей отображалась в работе комиссии. Процесс реэвакуации имущества не был односторонним, как это было принято считать в польской историографии. Польская делегация вместе с выставлением требований по возвращению того или иного предмета активно участвовала в процессе реституции архивного и библиотечного наследия. Несмотря на тот факт, что многие польские претензии так не были удовлетворены, в ходе работы

Смешанной реэвакуационной и специальной комиссии были найдены пути решения спорных вопросов путем предоставления равноценного эквивалента.

Несмотря на значительную источниковую базу исследования, ее частичную публикацию, не произошло научного осмысления деятельности Смешанной комиссии, не были введены в научный оборот многие архивные материалы. Проблемный и во многом спорный характер работы комиссии накладывал свой отпечаток. Незученными оставались документы Комитета по реэвакуации иностранных предприятий при ВСНГ РСФСР по причине их разрозненности и несистематизированности. Проблема имеет широкий исследовательский потенциал за счет привлечения новых источников.

Заключение. Рижский мирный договор заложил основы мирного сосуществования Советских республик и Польши. Понятно, что одним юридическо-правовым актом нельзя выстроить систему дружеских и стабильных двусторонних связей, для этого потребовались годы существования на грани войны и мира, с наличием величайшего чувства враждебности в обществе и руководстве двух стран. Внешнеполитические ведомства Польши и РСФСР (СССР), учитывая общий курс страны и общую ситуацию в Центрально-восточноевропейском регионе, пытались наладить взаимоотношения, снять напряженность и построить эффективную модель решения проблем. Деятельность Смешанных комиссий (реэвакуационной и специальной, репатриационной, пограничной, военно-согласительной и др.), предусмотренных для практического выполнения Рижского договора и Соглашения о репатриации, явно демонстрировала не стремление сторон к компромиссу, отсутствие схемы решения спорных вопросов. Это вызывало не только задержки в их работе, но и угрожали разрывом дипломатических отношений. Несмотря на данные тенденции, польской стороне были возвращены многие промышленные и сельскохозяйственные объекты, имущество железных дорог и частных лиц, библиотечные, музейные и архивные коллекции.

В ходе функционирования Польско-российско-украинской реэвакуационной и специальной комиссии на территории Бе-

ларуси в 1921–1929 гг. заметно желание белорусского советского руководства не подчиниться решениям советской делегации, уклониться от реэвакуации того или иного имущества. БССР, экономически истощенная последствиями военных действий, остро нуждалась в средствах для восстановления. Поэтому извлечение из ее недр тех

или иных богатств требовало аналогичной замены. После передачи польской стороне промышленного имущества и архивных сборов, руководство страны инициировало процесс возвращения на ее территорию эвакуированных заводов и фабрик, архивных материалов с других Советских республик.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0384. Оп. 1. П. 102. Д. 17658.
2. Гернович Т. Д. Роль М. К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2013. № 8. С.204–209.
3. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. Москва, 1959. 723 с.
4. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 4 : 19 марта – 31 декабря 1921 г. Москва, 1960. 836 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 122.
6. НАРБ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 325.
7. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 1.
8. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 6.
9. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 7.
10. НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 8.
11. XI статья Рижского мирного договора в судьбе белорусского архивного наследия // Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня утварэння БССР): матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 549 с. С.213–220.
12. Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. Москва: Наука, 1974. 288 с.
13. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Минск, 1997. С.212–223.
14. Borowy W, Batowski Z. Odzyskane zbiory rękopisów i grafiki w Bibliotece Uniwersyteckiej w Warszawie. Warszawa, 1925. 12 s.
15. Dokumenty dotyczące akcji Polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. T. 1–9. Warszawa, 1922–1924.
16. Grochowska M., Nykiel Kinga B. Krosnowski Stanislaw Maciej // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/krosnowski-stanislaw-maciej> (дата обращения: 15.01.2022).
17. Handelsman M. Z dziejów walki o zabytki polskie w Moskwie. Biblioteka Załuskich // Przegląd Współczesny. 1922. № 7–8. S. 267–278.
18. Kumaniecki J. Tajny raport Wojkova czyli radziecka taktyka zwrotu mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim. Warszawa, 1991. 194 s.
19. Kuntze E. Układy o zwrot Biblioteki Załuskich, karta z dziejów odzyskania z Rosji Polskiego mienia kulturalnego. Lwow, 1930. 129 s.
20. Matelski D. Losy Polskich dybr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych: archiwa, księgozbiory, dzieła sztuki, pomniki. Poznań, 2003. 663 s.
21. Suchodolski W. Wykonanie art. XI traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych // Archeion. T. 1. 1927. S. 67.
22. Tomkowiak K. Udział Zygmunta Mocarskiego w pracach rewindykacyjnych polskich zbiorów bibliotecznych z Rosji (1922–1923) // Folia Toruniensia. 2018. № 18. S. 57–87.
23. Tyszkowski K. Z dziejów rewindykacji. Lwow, 1924. 34 s.

THE ACTIVITIES OF THE POLISH-RUSSIAN-UKRAINIAN MIXED REEVACUATION AND SPECIAL COMMISSION ON THE TERRITORY OF BELARUS 1921-1929

The article considers the work of the Mixed Polish-Russian-Ukrainian re-evacuation and special commission in 1921-1929, its Belarusian problems, draws attention to the direct connection of its activities with the general state of Soviet-Polish relations. The study was carried out using the principles of historicism and objectivity, special historical methods, based on a wide source base. Most of the used historical sources were first introduced into scientific circulation. During numerous meetings of the commission, re-evacuation claims were voiced, and the necessary documentary evidence was presented. Partially, the requirements of the parties for the return of this or that property were satisfied, or compensated for by appropriate equivalents. On the territory of Belarus, the Mixed Re-evacuation and Special Commission was represented as part of its parts: the subcommittee on industry, property of individuals, the library and archive subcommittee, the functioning of the Committee on the Re-evacuation of Foreign Enterprises under the Supreme Economic Council of the RSFSR. The process of re-evacuation of property in accordance with the articles Riga Peace Treaty provoked the desire of the Belarusian Soviet leadership to return industrial enterprises and archival funds evacuated at the beginning of the First World War and located at that time on the territory of other Soviet republics.

Keywords: re-evacuation, Mixed Commission, archival heritage, restitution, Committee for the Re-evacuation of Foreign Enterprises.

References

1. Archiv vneshej politiki Rossijskoj Federacii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. F. 0384. Op. 1. P. 102. D. 17658.
2. Gernovich, T.D. (2013). Rol' M.K. Lubavskogo v reshenii problem peremeshennykh archivov [The role of M.K. Lyubavsky in solving the problems of displaced archives]. *Istochnikovedenie i specialnye istoricheskie discipliny [Source study and special historical disciplines]*, 8, 204–209.
3. Dokumenty vneshej politiki SSSR [Foreign policy documents SSSR]. (1959). V 24 t. T. 3: 1 July 1920 – 18 March 1921. Moskow. 723 s.
4. Dokumenty vneshej politiki SSSR [Foreign policy documents SSSR]. (1960). V 24 t. T. 4 : 19 march – 31 decembre 1921. Moskow. 836 s.
5. Nacyonalnyj archive Respubliki Belarus [National Archives of the Republic of Belarus] (NARB). F. 15. Op. 1. D. 122.
6. NARB. F. 63. Op. 1. D. 325.
7. NARB. F. 249. Op. 4. D. 1.
8. NARB. F. 249. Op. 4. D. 6.
9. NARB. F. 249. Op. 4. D. 7.
10. NARB. F. 249. Op. 4. D. 8.
11. IX statja Rigskogo mirnogo dogovora v sud'be belorusskogo archivnogo nasledija. (2008). [Article XI of the Riga Peace Treaty in the fate of the Belarusian archival heritage]. *Belarus: etapy stanovlenija gosudarstvnnosti (k 90-letiu so dnja sozdanija BSSR) [Belarus: stages of the formation of statehood on the occasion of the 90th anniversary of the creation of the BSSR]*, 549, 213–220.
12. Olshanskij, P.N. (1974). Rigskij dogovor i razvitie sovetsko-polskich otnoshenij 1921-1924 [The Treaty of Riga and the development of Soviet-Polich 1921-1924]. Moskow. 288 s.
13. Restitucija kulturnych cennostej: problem vozvrachenija i sovmesnogo ispolzovanija (urudicheskije, nauchnyje i moralnyje aspekty). (1997). [Restitution of cultural property: problems of return and sharing (legal, scientific and moral aspects)], 212-223.
14. Borowy, W, Batowski, Z. (1925). Odzyskane zbiory rękopisyw i grafiki w Bibliotece Uniwersyteckiej w Warszawie. Warszawa. 12 s.
15. Dokumenty dotyczące akcji Polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. (1924). T. 1–9. Warszawa.
16. Grochowska, M., Nykiel Kinga, B. (2017). Krosnowski Stanislaw Maciej. Retrieved 15 January, 2022 from <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/krosnowski-stanislaw-maciej>.
17. Handelsman, M. (1922). Z dziejw walki o zabytki polskie w Moskwie. Biblioteka Załuskich. *Przegląd Współczesny*, 7–8, 267–278.
18. Kumaniecki, J. (1991). Tajny raport Wojkowa czyli radziecka taktyka zwrotu mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim. Warszawa. 194 s.
19. Kuntze, E. (1930). Układy o zwrot Biblioteki Załuskich, karta z dziejw odzyskania z Rosji Polskiego mienia kulturalnego. Lwow. 129 s.
20. Matelski, D. (2003). Losy Polskich dybr kultury: od czasyw nowożytnych do współczesnych: archiwa, księgozbiory, dzieła sztuki, pomniki. Poznań. 663 s.

21. Suchodolski, W. (1927). Wykonanie art. XI traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych. *Archeion*, 1, 67.
22. Tomkowiak, K. (2018). Udział Zygmunta Mocarskiego w pracach rewindykacyjnych polskich zbiorów bibliotecznych z Rosji (1922–1923). *Folia Toruniensia*, 18, 57–87.
23. Tyszkowski, K. (1924). Z dziejów rewindykacji. Lwów. 34 s.

Об авторе

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр всеобщей истории, международных отношений и геополитики, Институт истории НАН Беларуси (Беларусь), E-mail: Borovskaya-olga@mail.ru.

Borovskaya Olga Nikolaevna – PhD of History, Institute of History the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus), senior researcher Center of World History, International Relations and Geopolitics, E-mail: Borovskaya-olga@mail.ru.

УДК 351.742/351.749

Власов А.Е., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

СОЦИАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДЪЮТАНТОВ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье рассматривается социально-биографический портрет жандармских офицеров, служивших в Калужской губернии в последней трети XIX века: социальное происхождение, образовательный уровень, служебный путь от присвоения первого офицерского чина и поступления на службу в Отдельный Корпус жандармов. Произведён анализ поощрений и получаемых по службе наград, ежемесячного содержания, семейного положения. Установлено, что для 8 офицеров из 13 служба в Отдельном Корпусе началась с должности адъютанта именно в Калужской губернии. Среди этих лиц был и участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (А.Н. Ваулин). Служба четырёх офицеров проходила в период правления императора Александра II (1855–1881). Причём, служба одного из них (С.Н. Шмакова) прошла на стыке царствования двух императоров: Александра II и Александра III (1881–1894). В правление последнего прошла служба семерых человек. Двое затронули время правления императора Николая II (1894–1917). С опорой на широкий круг опубликованных источников авторы прослеживают дальнейшую судьбу некоторых из этих людей после революционных событий 1917 г., в период Гражданской войны и в годы эмиграции.

Ключевые слова: адъютант, жандарм, Калужское губернское жандармское управление, Отдельный Корпус жандармов, ротмистр, поручик, капитан

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-32-42

В настоящее время сохраняется устойчивый исследовательский интерес к изучению жизненных судеб представителей офицерского корпуса России имперского периода. Сказанное относится и к тем, кто служил Отечеству в структурах политической полиции. Авторы уже обращались к данной проблематике в статье об офицерах, возглавлявших Калужское губернское жандармское управление (далее – КГЖУ) [2, с. 33–43].

В данной статье речь пойдет об адъютантах КГЖУ, служивших в управлении в последней трети XIX века. Источниковая база и литература, проанализированные в данной статье, дали авторам возможность выяснить как осуществлялась ротация офицеров Отдельного Корпуса жандармов (далее – ОКЖ), служивших в должности адъютантов КГЖУ. Важнейшим источником служат опубликованные в исследуемый период «Приказы по Корпусу жандармов», отражающие обстоятельства перемещения жандармских офицеров с должности на должность, их карьерного роста, получения различного вида правительствен-

ных наград, монарших благоволений. Авторами привлекались «Списки общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов...» за 1880-е – 1900 гг., в которых представлены наименования чинов ОКЖ по старшинству: от корнетов до генералов. Использовались и «Списки... по старшинству» (майоров, подполковников, полковников, издававшиеся российским военным министерством по второй половине XIX – начале XX вв., содержащие краткие сведения о служебной биографии того или иного лица с указанием даты поступления на военную службу, получения первого офицерского чина, занимаемой должности на момент опубликования «Списков...», имеющихся наградах, полученном образовании и т.п. В «Памятных книжках» Калужской губернии указаны функционировавшие в губернии государственные учреждения, в том числе и КГЖУ, отражены фамилии адъютантов управления. В таблице 1 в хронологическом порядке представлены фамилии офицеров Отдельного Корпуса жандармов, служивших в КГЖУ с момента его образования в середине 60-х гг. XIX века и до 1900 года.

Адьютанты Калужского губернского жандармского управления в 1860-е – 1900 гг.

Ф.И.О. (годы жизни)	В Корпусе жандармов	Откуда переведён	Период службы (чин)	Куда переведён
Алексей Ильич Палтов ? - ?	?	?	1867 (?) – 02.05.1869 поручик	Прикомандирован к КЖ
Владимир Николаевич Першин ?-?	28.07.1865	Адьютант Владимирского ГЖУ	12.08.1869–29.08.1871 капитан	Начальник Московско-Рязанского Отделения ЖПУ Московско-Рязанской ж. д.
Николай Фёдорович Тумило-Денисович (1842 - ?)	30.10.1871 вновь 28.12.1884	Окружное интендантское управление Одесского военного округа	30.10.1871–04.04.1876 штабс-капитан	В 1885-1886 гг. числился в ОКЖ
Сергей Николаевич Шмаков (1856 - ?)	13.06.1879	служба ОКЖ началась с настоящей должности	15.06.1879–20.07. 1884 поручик	Адьютант Воронежского ЖПУЖД
Пётр Николаевич Соловьёв (04.01.1858 - ?)	05.11.1884	служба ОКЖ началась с настоящей должности	12.11.1884– 31.12.1885 штабс-капитан	Помощник начальника Либавского пограничного отделения Минского ГЖУ
Владимир Иванович Смирницкий (17.10.1861 - ?)	17.04.1886	служба ОКЖ началась с настоящей должности	21.04.1886 –20.05.1887 поручик	Адьютант Московского ГЖУ
Ананий Николаевич Ваулин (17.12.1855 – 1907)	09.12.1883	Адьютант Пермского ГЖУ	20.05.1887– 24.07.1889 поручик	Помощник начальника Гродненского ГЖУ
Владимир Александрович Патараки (1862 - после 1922)	21.07.1889	служба ОКЖ началась с настоящей должности	24.07.1889–17.09. 1891 поручик, с 30.08.1890 – штабс-ротмистр	и. д. начальника Бакинского отделения Тифлисского ЖПУЖД
Василий Михайлович Шевяков (19.08.1866 - ?)	04.11.1891	служба ОКЖ началась с настоящей должности	11.11.1891– 02.10.1892 поручик	Помощник начальника Саратовского ГЖУ
Александр Арсеньевич Олсуфьев (? - ?)	?	?	1892 – вакансия, поручик; предположительно, с октября 1892 по февраль-март 1893	?
Герасим Львович Терентьев (04.03.1864 - 23.12.1927)	03.03.1893	служба ОКЖ началась с настоящей должности	04.03.1893–30.09.1894 штабс-ротмистр 1895 – вакансия	В резерве при Виленском ГЖУ
Алексей Евграфович Казак (09.02.1870 - ?)	25.05.1896	служба ОКЖ началась с настоящей должности	31.07.1896– 09.12.1897 Ротмистр	Адьютант СПб ГЖУ
Владимир Константинович Кипатуло (03.09.1870 -?)	08.01.1898	служба ОКЖ началась с настоящей должности	13.01.1898–11.05.1900 ротмистр	начальника Средне-Уссурийского отделения ЖПУ Уссурийской железной дороги

После подавления восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. вступивший на престол Николай I (1825–1855) приступил к реформированию системы безопасности государственной власти. Для этого было образовано III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) во главе с А.Х. Бенкендорфом. 10 мая 1827 г. было издано «Положение о Корпусе жандармов», согласно которому вся территория Российской империи была разделена на 5, а с 1837

г. – на 8 жандармских округов. Центральные губернии, включая Калужскую, входили в состав 2-го округа с центром в Москве. Жандармские округа, в свою очередь, делились на отделения, на которые приходилось 2-3 губернии. Главным начальствующим жандармским лицом в губернии до 1867 г. был назначаемый приказом по Корпусу жандармов жандармский штаб-офицер. Непосредственными заместителями жандармских штаб-офицеров в губернии были адъютанты. В «Положении

о Корпусе жандармов» на законодательном уровне и была определена роль адъютанта в системе Корпуса жандармов. Однако его деятельность подробно не регламентировалась. Предусматривалось, что в случае отсутствия начальника жандармской команды в губернии по болезни, в отпуске, по служебным делам или смерти, жандармский штаб-офицер поручает своему адъютанту руководство жандармской командой, о чём информирует шефа корпуса. Если адъютант был занят и не имел возможности взять на себя командование жандармской командой, то эту обязанность выполнял жандармский вахмистр [1, с. 188]. Последствием террористического акта, совершённого весной 1866 г. в отношении императора Александра II, стала реорганизация органов политического сыска по всей империи. Этот факт был закреплён в «Положении о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г., согласно которому в каждой губернии России образовывались специальные жандармские управления. Не стала исключением и Калужская губерния. Документ определял структуру личного состава политической полиции в каждой губернии. Во главе губернского жандармского управления стоял начальник. Вторым по должности человеком в жандармерии был помощник (заместитель) начальника, третьим — адъютант. В документе было законодательно закреплено, что в отсутствие на месте начальника жандармского управления его обязанности исполнял адъютант управления с правами исполняемой должности. Предусматривалось также занятие адъютантом губернского жандармского управления должности помощника в случае отсутствия последнего по тем или иным причинам. По сути, именно адъютант исполнял обязанности помощника руководителя губернского жандармского управления. Не случайно при аттестации, которую в обязательном порядке проходили все жандармские офицеры, указывалось, может или не может данный офицер в будущем занимать должность помощника или начальника губернского жандармского управления. Заместитель руководителя губернской жандармерией руководил унтер-офицерами дополнительного штата. Функции адъютанта жандармского управления были следующие:

1. Контроль за проведением рекрутских наборов.
2. Исполнять, при необходимости, обязанности начальников управления.
3. Контроль за ходом проведения ярмарок, выставок.
4. Ведение делопроизводства управления, включая секретное. Адъютант вёл лично, либо контролировал ведение послужных списков офицеров и классных чиновников; приёмные формулярные и послужные списки; журналы взысканий нижних чинов; адресную книгу; книгу о больных; опись делам; списки по старшинству офицерских чинов и классных чиновников; ведение контроля правильного распределения бумаг по делам, а также следить за правильным подшиванием бумаг в дела; правильно хранить секретную переписку; контролировать порядок описи делам; производить уничтожение дел по истечении срока их хранения; содержание в порядке законов, указов, приказов военного ведомства, штаба корпуса жандармов; контролировать дела и отчётность по выданные рекомендательных свидетельств.
5. Ведение дознаний по государственными преступлениям: ведение учёта производства дознаний; знать, сколько обвиняемых проходит по дознаниям, сколько лиц содержится под стражей; кто какие дознания ведёт; что выяснено дознаниями; своевременно ли послана отчётность в штаб Корпуса жандармов, а далее в Департамент полиции и т.д. [1, с. 190]. Таковы были обязанности адъютантов Калужского губернского жандармского управления в рассматриваемый период. Рассмотрим личный состав калужской жандармерии. С момента образования и до 1874 года в Калужском губернском жандармском управлении служили: 1 начальник, 1 помощник, 1 адъютант, 2 писаря и 15 унтер-офицеров (из них 9 человек составляли дополнительный штат) [13, с. 74]. В 1884 г. число нижних чинов в управлении увеличилось до 19 человек: 1 вахмистр, 10 унтер-офицеров в основном, 1 вахмистр, 7 унтер-офицеров в дополнительном штате. Штатная численность остального личного состава с 1884 г. и до конца исследуемого периода не менялась [10, с. 25, с. 356]. На рассматриваемой должности предусматривалось наличие воинских званий (от поручика до капитана включительно). Состав Корпуса жандармов мог

комплектоваться офицерами их всех имевшихся в изучаемый период родов войск.

Авторами выявлено, что первым адъютантом Калужского губернского жандармского управления в исследуемый период значился поручик Алексей Ильич Палтов. До своего вступления в должность Алексей Ильич служил в 13 гусарском Нарвском полку им. великого князя Константина Николаевича. Позже, он был переведён в армейскую кавалерию, и прикомандирован к штабу Корпуса жандармов [16. Приказ по КЖ за № 158 от 29.12.1866]. Вероятно, после образования КГЖУ в 1867 г., Палтова перевели на службу в Калужскую губернию. Свои обязанности он исполнял до 2 мая 1869 г. После отъезда из Калуги Палтова прикомандировали к Корпусу жандармов. Дальнейшую судьбу проследить не удалось [17. Приказ по КЖ за № 45 от 02.05.1869].

Следующим офицером, принявшим дела от Палтова, стал Владимир Николаевич Першин. 27 июля 1865 г. лейб-гвардии Павловского полка подпоручик Першин в новом чине штабс-капитана был переведён в КЖ и направлен для прохождения службы к Архангельскому жандармскому штаб-офицеру [15. Приказ по КЖ за № 100 от 29.07.1865]. Через несколько месяцев, 17 сентября 1865 г., штабс-капитана Першина перевели адъютантом жандармского штаб-офицера в Астраханскую губернию. Следующим местом службы В. Першина стала Владимирская губерния, где он работал на аналогичной должности. 12 августа 1869 г. он прибыл в Калужскую губернию [17. Приказ по КЖ № 87 от 12.08.1869], где и прослужил последующие 2 года. Приказом по КЖ за № 72 от 29 августа 1871 г. уже капитан В.Н. Першин был назначен начальником Московско-Рязанского Отделения Жандармского Полицейского Управления (ЖПУ) Московско-Рязанской железной дороги, с ветвями к Моршанску и Саратову [18. Приказ по КЖ за № 72 от 29.08.1871].

1 января 1878 г. В.Н. Першину был присвоен чин майора. На тот момент Першин, числясь в армейской кавалерии чиновником VIII класса, занимал должность заведующего Петербургским вещевым складом. Имел две награды: Св. Анны 3 ст.,

Св. Станислава 2 ст. [20, с. 320].

Почти 3 месяца должность адъютанта жандармского управления Калужской губернии оставалась вакантной. 30 октября 1871 г. приказом по КЖ за № 88 чиновник окружного интендантского управления Одесского военного округа штабс-капитан Николай Фёдорович Тумило-Денисович был переведен в Корпус жандармов и одновременно назначен адъютантом КГЖУ [18. Приказ по КЖ от 30.10.1871]. Он родился в 1842 г., а в феврале 1865 г. получил первый офицерский чин. Далее служил в вышеуказанном учреждении, после чего его перевели на работу в Калужскую губернию, где прослужил 5 лет. Последние сведения о его службе в Калуге датированы 4 апреля 1876 г. [19. Приказ по ОКЖ¹ от 04.04.1876]. В этот день приказом ОКЖ за № 36 адъютант КГЖУ, штабс-капитан Н.Ф. Тумило-Денисович был удостоен ордена Св. Анны 3 ст. 1 апреля 1879 г. он получил чин ротмистра. Затем, видимо, выводился из состава ОКЖ, поскольку, судя по некоторым источникам 28 декабря 1884 г., в возрасте 42 лет ротмистр Тумило-Денисович был вновь переведён в ОКЖ, где и числился по состоянию на 31 июля 1885 г. Женат не был. Далее следы теряются [6, с. 26, с. 215].

С 1879 до 1900 гг. жандармскую службу прошли 10 офицеров, для 8 из которых Калужская губерния стала первым местом службы после перевода в ОКЖ (за исключением А.Н. Ваулина, служившего изначально в Пермском ГЖУ и А.А. Олсуфьева, имеющиеся весьма скудные данные о персоне которого не позволяют нам утверждать, что он начинал службу именно в КГЖУ).

Из указанных 9 офицеров, поручик Сергей Николаевич Шмаков родился в 1856 г. Первый офицерский чин получил 28 августа 1877 г. 13 июня 1879 г. подпоручик Шмаков был переведён в ОКЖ, а уже 15 июня он был назначен адъютантом в жандармское управление Калужской губернии. 24 сентября того же года Сергею Николаевичу был присвоен чин поручика [5, с. 425]. В 1883 г. ему был пожалован орден Св. Станислава 3 ст. 20 июля 1884 г. поручика Шмакова направили на должность адъютанта в Воронежское ЖПУ железных дорог (ЖПУЖД), которую он занимал последующие 3 года [7, с. 291].

¹ С 29 января (10 февраля) 1875 г. Корпус Жандармов (КЖ) получил официальное название Отдельный Корпус Жандармов (ОКЖ).

Чуть больше года, с 20 февраля 1887 г. по 20 марта 1888 г., занимал должность начальника Козловского отделения Московского ЖПУЖД, 5 апреля 1887 г. повышен в звании до штабс-ротмистра. [8, с. 294]. С 22 марта 1888 по 1892 г. С.Н. Шмаков служил начальником Кременчугского отделения Кременчугского ЖПУЖД. 30 августа 1888 г. стал ротмистром, [10, с. 281], а 26 февраля 1898 г. повышен в чине до подполковника [22, с. 329].

12 ноября 1884 г., т.е. почти через 5 месяцев после отбытия поручика Шмакова к новому месту службы, его обязанности на посту адъютанта Калужского ГЖУ стал исполнять Пётр Николаевич Соловьёв (родился 04.01.1858 г.). После окончания Нижегородской классической гимназии 25 мая 1877 г. поступил на военную службу, а 16 апреля 1878 г. был выпущен из Московского юнкерского пехотного училища по 1 разряду (с отличием). Последующие 6 лет будущий жандармский офицер провёл на службе в Рижском местном полку, а потом в 15 пехотном резервном кадровом полку. 5 ноября 1884 г. Соловьёв был переведён в ОКЖ с производством в штабс-ротмистры и получил должность адъютанта в КГЖУ, куда прибыл 12 ноября. В канун нового 1886 г. штабс-капитан Соловьёв стал помощником начальника Либавского пограничного отделения Минского ГЖУ. Вся последующая служебная деятельность П. Н. Соловьёва была связана с железной дорогой: и. д. начальника, а затем начальник (30.08.1887) Московского отделения Московско-Брестского ЖПУЖД, начальник Славянского отделения Харьковского ЖПУЖД (28.12.1893), начальник Курского отделения Орловского ЖПУЖД (23.06.1895), начальник Московско-Веневского отделения Московско-Камышинского ЖПУЖД (02.07.1898), начальник Московского отделения Смоленского ЖПУЖД (04.11.1899), начальник Харьковско-Царицынского ЖПУЖД (27.03.1902), начальник ЖПУ Закавказских железных дорог (11.07.1903), начальник ЖПУ Северо-Западных железных дорог (14.12.1905), начальник Московско-Архангельского ЖПУЖД (01.08.1914 – 15.04.1917). В середине апреля 1917 г. П.Н. Соловьёв был назначен в резерв чинов при штабе Московского военного округа. Состоя на службе в ОКЖ, прошёл путь от

подпоручика (30.05.1879) до генерал-майора (29.03.1909). Имел награды: Св. Анны 2-й ст. (1905), Св. Владимира 3-й ст. (1908), Св. Станислава 1-й ст. (1912), Св. Анны 1-й ст. (06.12.1915). Православный. Был женат. Воспитывал двух дочерей [12, с. 218 с.].

Третьим офицером ОКЖ, прошедшим службу в КГЖУ на должности адъютанта, стал поручик Владимир Иванович Смирницкий, родившийся 17 октября 1861 г. Православного вероисповедания. После окончания гимназии в Петербурге, 29 ноября 1878 г. поступил в Тверское кавалерийское училище, из которого выпущен в 1880 г. по 2-му разряду в 13-й драгунский Военного ордена полк. Прапорщик (28.05.1881), корнет (18.08.1882). 17 апреля 1886 г. переведён в ОКЖ, а 21 апреля назначен адъютантом Калужского ГЖУ. Через год с небольшим (20.05.1887) В.И. Смирницкий уже числился адъютантом Московского ЖПУ, а в декабре 1890 г. был назначен помощником начальника СПб ЖПУ. За это время получил чины штабс-ротмистра (30.08.1890) и ротмистра (30.08.1892). Затем служил в должности начальника Московского ЖПУ (30.12.1897). В феврале 1901 г. повышен в чине до подполковника. Занимал должности начальника Ореховского отделения Екатеринбургского ЖПУ (с 22.03.1906), Гришинского отделения Екатеринбургского ПУ (с 10.03.1907), Ярославского отделения Московско-Архангельского ЖПУ (с 28.01.1908), Привислинского отделения Варшавского ЖПУЖД (с 16.07.1911); исполнял должность начальника Витебского отделения Московско-Рижского ЖПУЖД (17.11.1914 – 02.05.1917). В марте 1912 г. за отличие произведен в полковники. Уволен от службы за болезнью с пенсией. Женат. Православный. Награды: орден Св. Станислава 3-й (1895), Св. Анны 3 ст. (1899), Св. Станислава 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й ст. (1906), Св. Анны 2-й ст. (18.06.1916) [12, 299 с.].

Следующим адъютантом Калужского ГЖУ стал потомственный дворянин Полтавской губернии Ананий Николаевич Ваулин (1855–1907). Получив образование в Полтавской классической гимназии, он затем с отличием закончил Чугуевское пехотное юнкерское училище, и принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В качестве заведующего обозом подвижного дивизионного лазарета Ваулин принимал

участие в осаде Плевны, за что ему был пожалован орден Св. Анны 3 ст. (за храбрость). 10 июля 1877 г. присвоен первый офицерский чин прапорщика, с 28.03.1881 г. — подпоручик. 9 декабря 1883 г. переведён в ОКЖ и через 8 дней получил назначение адъютантом в Пермское губернское жандармское управление. Там ему довелось работать 3,5 года. В сентябре 1884 г. А.Н. Ваулин был произведён в поручики, а 20 мая 1887 г. переведен в Калужское ГЖУ, где прослужил адъютантом чуть более 2 лет. В апреле 1889 г. А.Н. Ваулину присвоен чин штабс-ротмистра и вскоре он стал исполнять обязанности помощника начальника Гродненского ГЖУ в Белостокском и Соколовском уездах. Проведя на этой должности 9 лет 10 месяцев, 30.12.1899 г. ротмистр А.Н. Ваулин был назначен секретарём штаба ОКЖ. В 1900 г. Ваулин, уже в чине подполковника (26.02.1900), по собственной инициативе издал пособие «Справочную книгу о правах и обязанностях унтер-офицеров губернских и областных жандармских управлений с дополнительным штатом; уездных жандармских управлений, крепостных жандармских команд и унтер-офицеров резерва». В канун нового 1904 г. полковник (26.02.1904) Ананий Николаевич Ваулин стал начальником Рязанского ГЖУ и занимал эту должность до самой смерти. Скончался в 1907 году на 52-м году жизни [4, с. 19]. За годы службы был награждён орденами: Св. Анны 4 ст. за храбрость (1878); Св. Станислава 3 ст. с мечом и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечом и бантом и Румынский железный крест (1879) [21, с. 972].

Семья: отец — Ваулин Николай Иванович (коллежский асессор), мать — Ваулина Евдокия Федотовна. Имел 4 братьев: Василия, Николая (генерал-майор, 1915), Андрея (генерал-лейтенант, 1910), Константина и сестру Александру. Они внесены в родословную книгу: ч. 2, литера 2, с. 159. Указ. Герольдии об утверждении в дворянстве от 23 марта 1864 г. № 1810. Дело по архиву № 309. Полтавский уезд [3]. Был женат на Наталье Ивановне Ваулиной, воспитывал дочь Марию.

Следующим офицером, для которого служба в корпусе жандармов началась с должности адъютанта КГЖУ, стал поручик, а впоследствии штабс-ротмистр Владимир Александрович Патараки (1862 —

после 1922). Родился в 1862 г. Первый офицерский чин присвоен в августе 1883 г. 21 июля 1889 г. В. Патараки переведён в ОКЖ, а 24 июля переведён на работу в Калужскую губернию адъютантом ГЖУ. Свои обязанности он исполнял до 17.09. 1891 г. После этого исправлял должность начальника Бакинского отделения Тифлиского ЖПУЖД [9, с. 304]. Затем служил помощником Волынского ГЖУ в Ковельском и Владимиро-волыньском уездах (1905), а в 1907 г. занимал должность помощника начальника Волынского ГЖУ в Виленском уезде. Имел орден Св. Станислава 3 ст. (1895). По имеющимся данным был холост (на 1892 г.). Братья: Сергей Александрович (псевдоним Терзаев) — писатель-юморист (28.01.1860—12.02.1919), Николай Александрович генерал-майор (04.08.1863—13.08.1933).

Штабс-ротмистра Патараки сменил поручик Василий Михайлович Шевяков. Родился 19 августа 1866 г., православный. По окончании кадетского корпуса, поступил в 1-е Павловское военное училище, которое закончил в 1885 г. с отличием и был выпущен в 13-й Белозерской пехотный полк. Из полка 04.11.1891 г. переведён в ОКЖ, а 11 ноября поручик Шевяков начал службу в Калужском ГЖУ, будучи адъютантом в нём 10 месяцев. Последующие 23 года занимал должности: адъютанта Псковского ГЖУ (с 02.10.1892; с 30.08.1893 г. — штабс-ротмистр); помощника начальника Саратовского ГЖУ в Царицынском и Камышинском уездах (с 29.04.1894; с 30.08.1894 — ротмистр); помощника начальника Ковенского ГЖУ в Поневежском, Вилькомирском и Новоалександровском уездах (с 05.05.1895), а с 21.05.1899 — в Шавельском, Россиенском и Тельшевском уездах; старшего помощника начальника Петроковского ГЖУ в Лодзинском и Ласском уездах (с 11.01.1903). В феврале 1903 г. получил чин подполковника, с 23.08.1905 г. состоял в распоряжении варшавского обер-полицмейстера. В мае 1906 г. произведён в полковники (за отличие), с 1906 по июль 1915 г. состоял в резерве при Петербургском ГЖУ, Донском областном жандармском управлении, Кутаисском ГЖУ (28.11.1910), затем опять при столичном ГЖУ. На 01.08.1916 в списках ОКЖ уже не значится. За свою служебную деятельность был награждён орденами: Св. Станислава 3 ст. (1894), Св. Станислава 2 ст. (1904), Св. Анны 2 ст. Состоял в браке [11, с. 238].

В 1892 г. калужская жандармерия впервые столкнулась с кадровой проблемой, касающейся штатной должности адъютанта, которая значилась вакантной в 1892 г. (с 02.10.1892 г.); в 1895 г.; во второй половине 1911 г.; в первые пять месяцев 1912 г. и в течение 1915–1917 гг. В «Памятной книжке Калужской губернии» за 1893 г. адъютантом КГЖУ значится поручик Александр Арсеньевич Олсуфьев [14, с. 9]. Авторы предполагают, что именно этот жандармский офицер и был адъютантом КГЖУ, замещая вакантную должность с октября–ноября 1892 г. и в первые 3 месяца 1893 года.

3 марта 1893 г. в ОКЖ был переведён поручик Герасим Львович Терентьев (04.03.1864–23.12.1927), который уже на следующий день назначается в Калужское жандармское управление. Известно, что Г.Л. Терентьев родился 4 марта 1864 г., православный, учился в Елисаветградской военной прогимназии, затем поступил в Одесское юнкерское пехотное училище, которое закончил в 1885 г. с отличием, получив назначение в 135-й Керчь-Еникальский пехотный полк. Г.Л. Терентьев прослужил в Калужском ГЖУ чуть более 1,5 лет. В дальнейшем состоял в резерве при Виленском ГЖУ (с 30.09.1894; с 06.12.1895 – ротмистр); служил помощником начальника того же управления в Виленском уезде (с 31.10.1897); помощником начальника Харьковского ГЖУ (с 13.08.1902). В феврале 1905 г. получил чин подполковника, а с 03.09.1912 г. состоял начальником Орловского ГЖУ. В полковники произведён в декабре 1912 г. (за отличие). В дальнейшем занимал должность начальника Екатеринославского ГЖУ (с 28.01.1914 и как минимум до 01.08.1916 г.). За время службы был награждён орденами: Св. Станислава 3-й ст. (1898), Св. Анны 3-й ст. (1903), Св. Анны 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й ст. (22.04.1907), Св. Владимира 3-й ст. [12, с. 305]. Активный участник Белого движения на юге России. В составе ВСЮР и Русской армии барона Врангеля до эвакуации войск из Крыма состоял в управлении госбезопасности по г. Ялте. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Жил во Франции, умер в Ницце, похоронен на кладбище Кокад (могила № 814). Семья: жена Елизавета Михайловна Терентьева (14.04.1870 – 03.01.1935), похоро-

ронена рядом с мужем. Дети: Ольга Герасимовна Терентьева (по мужу – Александровская, 28.04.1897–25.08.1985). Похоронена на кладбище Кокад (участок № 667) и Татьяна Герасимовна Терентьева (по мужу – Бильдеринг, 18.05.1900–11.07.1973). Могила на участке № 547 [23].

С 31 июля 1896 г. по 9 декабря 1897 г. адъютантом КГЖУ был ротмистр Алексей Евграфович Казак. Родился 09.02.1870 г., православный. Окончил Александровский кадетский корпус, в 1888 г. поступил в Павловское военное училище, которое окончил в 1890 г. с отличием, и в чине подпоручика гвардии был направлен в 122 Тамбовский пехотный полк, а потом в лейб-гвардии резервный батальон (штаб-ротмистр с 10.08.1894). Оттуда его 25 мая 1896 г. перевели в ОКЖ, а 31 июля в Калужское ГЖУ (ротмистр с 06.12.1896). После почти полуторагодовой работы в Калужской губернии А.Е. Казак служил адъютантом в СПб ГЖУ (с 09.12.1897); помощником того же ГЖУ в Лужском уезде (с 12.02.1899); помощником того же ГЖУ в Кронштадте (с 03.10.1901); начальником Очаковской крепостной жандармской команды (с 12.05.1902); помощником начальника Финляндском ЖУ в г. Або (с 23.01.1904) и по Абоскому пограничному району (с 11.10.1905). В ноябре 1905 г. был прикомандирован к ЖПУ Сибирской ж. д., 26 февраля 1906 г. произведён в подполковники, а затем переведён на должность помощника начальника Харьковского ГЖУ по г. Харьков (с 17.09.1906); служил помощником начальника Харьковского ГЖУ в Харьковском, Богодуховском, Змиёвском, Волчанском уездах (с 19.07.1913); помощником начальника Ярославского ГЖУ в г. Ярославле (с 24.02.1914). Имел ордена: Св. Станислава 3 ст. (29.03.1909), Св. Анны 3 ст. (30.08.1912), Св. Станислава 2 ст. (30.07.1915) [12, с. 372].

С 13.01.1898 по 11.05.1900 г. освободившееся место адъютанта жандармского управления Калужской губернии занимал ротмистр Владимир Константинович Кипатуйло. Он родился 3 сентября 1870 г., православный. Выпускник Воронежского Михайловского кадетского корпуса и 2-го военного Константиновского училища (с отличием). После окончания училища получил назначение в 19-й Костромской пехотный полк (подпоручик с 10.08.1889). Прослужив в означенном полку в течение

почти 8 лет, был переведён в ОКЖ. Через несколько дней, 13 января 1898 г. прибыл в Калужскую губернию, где проработал 2 года 4 месяца (штабс-ротмистр с 6.12.1899). Наступление нового XX века (ротмистр с 06.12.1900) Кипатуйло встретил в качестве начальника Средне-Уссурийского отделения ЖПУ Уссурийской железной дороги, а 3 ноября того же года стал начальником Никольского отделения того же управления, и служил там до 26.02.1904 г. Затем В.К. Кипатуйло возглавил Белгородское отделение Харьковского ЖПУЖД. В феврале 1911 г. произведён в подполковники. Последней должностью жандармского офицера, на которой он и застал февральскую революцию, стала должность начальника Чугуевского отделения Харьковского ЖПУЖД (09.06.1912–16.02.1916). За годы службы был награждён орденами: Св. Станислава 3 ст. (1907), Св. Анны 3 ст. (06.12.1910), Св. Станислава 2 ст. (22.03.1915). Состоял в браке [12, с. 444].

Таким образом, с момента образования Калужского губернского жандармского управления в 1867 г. и до 1900 г. службу в нём прошли 13 офицеров. Установлены даты рождения 7 человек (Н.Ф. Тумило-Денисовича, С.И. Шмакова, П.Н. Соловьёва, В.И. Смирницкого, В.М. Шевякова, А.Е. Казака, В.К. Кипатуйло). Даты смерти этих жандармских офицеров установить не удалось. Доподлинно установлены дата рождения и смерти двух офицеров (А.Н. Ваулин и Г.Л. Терентьев). Нет никаких сведений о дате рождения и смерти двух жандармов (А.И. Палтова и В.Н. Першина). Фамилия поручика А.А. Олсуфьева упоминается в «Памятной книжке Калужской губернии» за 1893 г., однако в других источниках его фамилия нигде не встречается. Вопрос о вероисповедании первых шести офицеров (А.И. Палтов, В.Н. Першин, Н.Ф. Тумило-Денисович, С.Н. Шмаков, А.Н. Ваулин, В.А. Патараки) остаётся открытым, однако осмелимся предположить, что как минимум четверо из них были православными. Доподлинно установлено вероисповедание ещё шестерых человек (П.Н. Соловьёв, В.И. Смирницкий, В.М. Шевяков, Г.Л. Терентьев, А.Е. Казак, В.К. Кипатуйло). Анализ источников позволяет констатировать, что из 13 адъютантов КГЖУ лишь трое (П.Н. Соловьёв, В.И. Смирницкий, А.Н.

Ваулин) имели классическое гимназическое образование. Ещё 3 офицера (В.М. Шевяков, А.Е. Казак, В.К. Кипатуйло) имели чисто военное образование: учёба в кадетских корпусах. Один офицер (Г.Л. Терентьев) учился в военной прогимназии. Практически все офицеры имели за плечами ещё и высшее военное образование.

Обязательным составляющим для перевода всех жандармских офицеров в ОКЖ была действительная военная служба в различных родах войск. Документы показывают, что 3 офицера (А.И. Палтов, В.Н. Першин и В.И. Смирницкий) до перевода в ОКЖ служили в кавалерии, ещё шестеро (П.Н. Соловьёв, А.Н. Ваулин, В.М. Шевяков, Г.Л. Терентьев, А.Е. Казак, В.К. Кипатуйло) – в пехоте. В каких войсках до перевода в Корпус жандармов служили С.Н. Шмаков, В.А. Патараки и А.А. Олсуфьев установить не удалось. Семерым офицерам потребовалось 7 лет прежде чего быть переведёнными в ОКЖ, а двум – 8. Шестеро офицеров, служившими адъютантами в калужской жандармерии, носили чин поручика, четверо – штабс-капитана, двое – ротмистра и ещё один – капитана. Только Владимир Патараки за 2 года службы в жандармском управлении получил повышение в чине – от поручика до штабс-капитана. Возрастной контингент зачисления в ОКЖ установлен у 10 адъютантов КГЖУ из 13 и составляет в среднем 26,5 лет. Средняя продолжительность пребывания офицеров Корпуса жандармов в Калужской губернии на должности адъютанта КГЖУ составляла от 1 до 2 лет. Дольше всех на указанной должности прослужили С.Н. Шмаков, Н.Ф. Тумило-Денисович (5 лет 1 месяц; 4 года 5 месяцев соответственно). Адъютанты КГЖУ имели государственные награды. Сведений о наградах поручика Палтова и Олсуфьева не сохранилось. Всего в общей сложности, адъютанты КГЖУ имели 33 ордена. Больше всего наград – по 5 орденов – было у трёх офицеров: В.И. Смирницкого, А.Н. Ваулина, Г.Л. Терентьева. Из них Ваулин единственный обладатель ордена иностранного государства – румынского железного креста. Этот же офицер участник боевых действий в юго-восточной Европе, за что был награждён двумя орденами за храбрость. Кавалером 4 орденов был П.Н. Соловьёв. Трое офицеров были кавалерами 3 орденов (В.М. Шевяков, А.Е.

Казак, В.К. Кипатуйло). Обладателем двух орденов был В.Н. Першин. По одному ордену было у Н.Ф. Тумило-Денисовича и С.Н. Шмакова.

Семейное положение двоих (А.И. Палтова и В.Н. Першина) на сегодняшний день неизвестно. Н.Ф. Тумило-Денисович, по имеющимся источникам и в 42 года оставался холостым. Такое же семейное положение было у В.К. Патараки и у А.Е. Казака. Все остальные жандармы были женаты и имели семьи. П.Н. Соловьёв воспитывал двух дочерей. Отцом двух дочерей был и

Г.Л. Терентьев. О служебной и личной жизни последнего авторы предоставили исчерпывающую информацию. Удалось установить его дальнейшую судьбу в годы Гражданской войны, а также дату смерти его самого и его близких, включая место их погребения. А.Н. Ваулин был отцом одного ребёнка (дочери). Изучение социально-биографических характеристик адъютантов Калужского губернского жандармского управления, исполнявших свои обязанности в последние предреволюционные десятилетия XX века, будет нами продолжено.

Список литературы

1. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Правовые основы деятельности адъютантов Отдельного Корпуса жандармов во второй половине XIX в – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 2. С. 187-194.
2. Власов А.Е., Штепа А.В. Начальствующий состав корпуса жандармов в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. №4 (50). С. 33-43.
3. Дворяне, сопричисленные и вновь внесённые в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии с 10 апреля 1901 г. по 1 июля 1904 г. Полтава. 1904.
4. Лавренова А.М. Архив Штаба Отдельного Корпуса Жандармов // История и архивы. 2019. № 2. С. 12 – 21.
5. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1884 г. СПб., 1884. 484 с.
6. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1886 г. СПб., 1886. 332 с.
7. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 сентября 1887 г. СПб., 1887. 342 с.
8. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 20 мая 1888 г. СПб., 1888. 345 с.
9. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 сентября 1891 г. СПб., 1891. 358 с.
10. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1892 г. СПб., 1892. 356 с.
11. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 июня 1914 г. – СПб., 1914. 496 с.
12. Общий состав чинов управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 февраля 1916 г. СПб., 1916. 816 с.
13. Памятная книжка Калужской губернии на 1873-1874 годы. Калуга: Типография Губернского Правления, 1874. 366 с.
14. Памятная книжка Калужской губернии на 1893 год. Калуга: Типография Губернского Правления, 1893. 177 с.
15. Приказы по корпусу жандармов за 1865 г.: №№ 1-172. СПб., 1865. 453 с.
16. Приказы по корпусу жандармов за 1866 г.: №№ 1-160. СПб., 1866. 385 с.
17. Приказы по корпусу жандармов за 1869 г.: №№ 1-142. СПб., 1869. 482 с.
18. Приказы по корпусу жандармов за 1871 г.: №№ 1-111. СПб., 1871. 596 с.
19. Приказы по корпусу жандармов за 1876 г.: №№ 1-151. СПб., 1876. 648 с.
20. Список майорам по старшинству: исправлено по 1-е ноября 1881 г. СПб: Военная типография, 1881. 750 с.
21. Список полковникам по старшинству: исправлено по 1-е сентября 1904 г. СПб: Военная типография, 1904. 972 с.
22. Список подполковникам по старшинству: исправлено по 1-е января 1905 г. СПб: Военная типография, 1905. 765 с.

23. Терентьев Герасим Львович // Генеалогический форум ВГД. URL: https://forum.vgd.ru/341/106567/0.htm?a=stdforum_view&o= (дата 26.03.2022).

SOCIO-BIOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF ADJUTANTS OF THE KALUGA PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

The article examines the socio-biographical portrait of gendarmier officers who served in the Kaluga province in the last third of the XIX century: social origin, educational level, career path from the assignment of the first officer rank and entry into service in a Separate Corps of gendarmes. The analysis of incentives and awards received in the service, monthly maintenance, marital status was carried out. It is established that for 8 officers out of 13, service in a Separate Corps began with the post of adjutant in the Kaluga province. Among these persons was a participant in the Russian-Turkish War of 1877 – 1878 (A.N. Vaulin). The service of four officers took place during the reign of Emperor Alexander II (1855 – 1881). Moreover, the service of one of them (S.N. Shmakov) took place at the junction of the reigns of two emperors: Alexander II and Alexander III (1881-1894). Seven people served on the board of the latter. Two touched upon the reign of Emperor Nicholas II (1894 – 1917). Relying on a wide range of published sources, the authors trace the fate of some of these people after the revolutionary events of 1917, during the Civil War and during the years of emigration.

Keywords: adjutant, gendarme, Kaluga Provincial Gendarmerie Department, Separate Corps of Gendarmes, captain, lieutenant, captain

References

1. Bril G.G., Zaitsev L.N. (2021) Pravovye osnovy deyatelnosti adjutantov Otdel'nogo Korpusa zhandarmov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Bril G.G., Zaitsev L.N. The legal foundations of the activities of adjutants of a Separate Corps of gendarmes in the second half of the XIX – early XX century. // Bulletin of Kostroma State University. 2021. Vol. 27, No. 2. pp. 187-194.]
2. Vlasov A.E., Shtepa A.V. (2021) Nachalstvuyushchiy sostav korpusa zhandarmov v Kaluzhskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [The commanding staff of the gendarmes' corps in the Kaluga province in the second half of the XIX – early XX centuries] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. № 4. Ss. 33-43.
3. Dvoryane, coprichislennyye i vnov' vnes'onnyye v dvoryanskuyu rodoslovnuyu knigu Poltavskoi gubernii s 10 aprelya 1901g. po 1 iyulya 1904 g. Poltava. 1904. [Noblemen, co-numbered and re-entered in the noble genealogy book of the Poltava province from April 10, 1901 to July 1, 1904, Poltava]. 1904.
4. Lavrenova A.M. Arkhiv Shtaba Otdelnogo korpusa zhandarmov // Istoriya i arkhivy. 2019. № 2 S. 19. [Lavrenova A.M. Archive of the Headquarters of a Separate Corps of Gendarmes // History and archives]. 2019. No. 2 p. 12 – 21.
5. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 maya 1884 g. (1884) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of the Separate Corps of gendarmes: corrected on May 15, 1884]. St. Petersburg. 484 s.
6. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 maya 1886 g. (1886) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of the Separate corps of gendarmes: corrected on May 15, 1886]. St. Petersburg. 332 s.
7. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 sentyabrya 1887 g. (1887) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of the Separate Corps of gendarmes: corrected on September 15, 1887]. St. Petersburg. 1887. 342 s.
8. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 20 maya 1888 g. (1888) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of the Separate corps of gendarmes: corrected on May 20, 1888]. St. Petersburg. 345 s.
9. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 sentyabrya 1891 g. (1891) [The general composition of the ranks of the departments and the ranks of the Separate corps of gendarmes: corrected on September 15, 1891]. St. Petersburg. 1891. 358 s.
10. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 yanvarya 1892 g. (1892) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of the Separate corps of gendarmes: corrected on January 15, 1892] St. Petersburg. 356 s.
11. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 iyunya 1914 g. (1914) [The general composition of the departments and ranks of the Separate Corps of gendarmes: corrected on June 15, 1914]. St. Petersburg. 496 s.
12. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 fevralya 1916 g. (1916) [The general composition of the ranks of the departments and ranks of

the Separate corps of gendarmes: corrected on February 15, 1916] St. Petersburg. 816 s.

13. Pamyatnaya knizhka Kaluzhskoy gubernii na 1873-1874 gody [Memorial book of Kaluga province for 1873-1874] (1874.) / sost. Kaluga Printing House of the Provincial Government. 366 s.

14. Pamyatnaya knizhka Kaluzhskoy gubernii na 1893 god [Memorial book of Kaluga province for 1893] (1893.) / sost. Kaluga Printing House of the Provincial Government. 174 s.

15. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1865 god: №№ 1-172 (1865) [Orders for the gendarmes' corps for 1865: No. 1-172.] St. Petersburg. 453 s.

16. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1866 god: №№ 1-160 (1866) [Orders on the gendarmes' corps for 1866: No. 1-160] St. Petersburg. 385 s.

17. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1869 god: №№ 1-160 (1869) [Orders on the gendarmes' corps for 1869: No. 1-142] St. Petersburg. 482 p.

18. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1871 god: №№ 1-111 (1871) [Orders on the gendarmes' corps for 1871: No. 1-111] St. Petersburg. 596 s.

19. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1876 god: №№ 1-151 (1876) [Orders on the gendarmes' corps for 1876: No. 1-151] St. Petersburg. 648 p.

20. Spisok mayoram po starshinstvu: sostavlenn po 1-e noyabrya 1881g. (1881) [List of majors by seniority: corrected by November 1, 1881] St. Petersburg. 750 s.

21. Spisok polkovnikam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e sentyabrya 1904 g. (1904) [List of colonels by seniority: corrected by September 1, 1904] St. Petersburg. 972 p.

22. Spisok podpolkovnikam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e yanvaryu 1905 g. (1905) [List of lieutenant-colonels by seniority: corrected by January 1, 1905] St. Petersburg. 765 p.

23. Terentyev Gerasim Lvovich // Geneologicheskii forum [Genealogical forum] VGD. URL: https://forum.vgd.ru/341/106567/0.htm?a=stdforum_view&o = (data obrashcheniya 10.05.2022).

Об авторах

Власов Александр Евгеньевич – аспирант кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Vlasov Aleksandr Evgen'evich – Postgraduate Student of the Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Shtepa Alexey Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Kaluga State Institute named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Воробьев Д.Н., кандидат исторических наук, научный сотрудник центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ САМООБОРОНЫ «ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ» (1966-1982 ГГ.): ОТ ИСТОКОВ К ОСНОВНЫМ ЭЛЕМЕНТАМ

Статья посвящается анализу идеологии афроамериканской политической организации партия самообороны «Черные пантеры», существовавшей с 1966 по 1982 год. Основной упор делается на поиске идейных истоков мировоззрения лидеров «Черных пантер», а также рассмотрении главных элементов идеологии данной организации. Созданная в середине 1960-х гг. чернокожими студентами Хьюи Ньютоном и Бобби Силом, партия самообороны «Черные пантеры» стала самым известным представителем афроамериканского движения «Власть черных». Сторонники данного движения, придерживавшиеся идеи революционного национализма, верили, что лишь радикальная перестройка социально-экономической и политической системы в США, может привести к значительному улучшению положения чернокожего населения в стране. Особенностью «Черных пантер» стало сочетание идей черного национализма, свойственного движению «Власть черных» в целом, с идеологией левого движения. Эта необычная черта организации стала следствием того, что на мировоззрение лидеров «Черных пантер» оказали влияние не только такие известные деятели черного национализма, как Малкольм Икс или Стокли Кармайкл, но и крупнейшие теоретики социализма и антиколониализма вроде философа Франца Фанона или главы КНР Мао Цзэдуна. Как следствие, необходимость проведения «культурной революции», радикальных социально-экономических и политических изменений в социалистическом направлении, сочеталась в идеологии «Черных пантер» с важностью борьбы с институциональным расизмом в США, а также продвижением принципов феминизма для ликвидации патриархального уклада в афроамериканском сообществе.

Ключевые слова: история США, межрасовые отношения, партия самообороны «Черные пантеры», Хьюи Ньютон, Бобби Сил, маоизм, черный национализм, движение «Власть черных»

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-43-50

Партия самообороны «Черные пантеры» (годы деятельности: 1966 – 1982) является одной из самых известных организаций чернокожих американцев в истории США, деятельность которой оказала огромное влияние на дальнейшую эволюцию афроамериканского движения. «Черные пантеры» с такими неотъемлемыми атрибутами их имиджа, как черные береты, кожаные куртки, солнцезащитные очки, а также поднятый вверх кулак, стали неотъемлемой частью современной американской поп-культуры. Более того, многие исследователи отмечают идейную преемственность одного из самых влиятельных современных афроамериканских общественных движений «Жизни черных имеют значение» не с движением за гражданские права чернокожего населения 1950-1960-х гг. во главе с Мартином Лютером Кингом, а именно с радикальной идеологией «Черных пантер» [5, Р. 3; 11, Р. 11; 18, Р. 2]. Данная политическая организация, основанная чернокожими студентами Хьюи Ньютоном и Бобби Силом в 1966 г. в городе Окленд, штат Калифорния, объединила в своей идеологии элементы как левого, так и правого толка, что сделало ее ярчайшим представителем афроамериканского движе-

ния «Власть черных» (Black Power Movement), наибольшее влияние которого пришлось на вторую половину 1960-х гг.

Безусловно, деятельность «Черных пантер» не осталась без внимания отечественных исследователей. Например, А.П. Королева, автор одной из наиболее известных советских работ по афроамериканскому движению XX в. «Расовые войны и расовые компромиссы», исходя с позиций марксистско-ленинского подхода, видела причиной создания данной партии кризис американской демократии, возникший в том числе и по причине угнетения широких масс чернокожей бедноты. В свою очередь, доминирование реакционных буржуазных элементов среди «Черных пантер», по мнению исследователя, не позволила активистам данной организации добиться поставленных целей в борьбе с расизмом, капитализмом и империализмом [1, С. 141]. Известный отечественный специалист по изучению чернокожего населения США Э.Л. Нитобург также касался вопроса деятельности «Черных пантер» в своей работе «Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк», выпущенной в 2009 г. В отличие от Королевой, делавшей акцент на рассмотрении левых аспектов

идеологии данной организации, Нитобург также отмечал глубокое влияние идей черного национализма на мировоззрение членов этой партии [2, С. 382].

В то же время важно отметить, что проблема идеологии партии «Черные пантеры» продолжает требовать дальнейшего подробного изучения. В этой связи в данной статье будет сделан особый акцент на рассмотрении идейных истоков мировоззрения лидеров «Черных пантер», а также на определении корневых элементов идеологии данной организации.

Партию самообороны «Черные пантеры» часто именуют леворадикальной политической организацией [22, Р. 2], что с одной стороны подчеркивает высокую степень влияния социалистических идей на ее программу, но с другой игнорирует важную роль идеологии черного национализма в мировоззрении ее членов. Несмотря на то, что 1960-е гг. ознаменовались достижением чернокожим населением долгожданного гражданского равноправия в США, невозможность быстрого улучшения его социально-экономического положения привело к росту разочарования в афроамериканском сообществе в стратегии либеральных сил под руководством Мартина Лютера Кинга, делавших ставку на интеграцию «цветных» американцев в существующую систему общественных институтов в стране. Как следствие значительная часть афроамериканского сообщества вновь обратила свой взор в сторону идеологии черного национализма, находившейся в кризисе со времен упадка движения «Назад – в Африку» во главе с Маркусом Гарви в конце 1920-х гг. Период 1960-х гг. стал поистине эпохой рассвета черного национализма в США, когда данная идеология проявилась сразу в нескольких направлениях [10, Р. 164]:

1. Образовательного национализма (его представители считали, что существующая система образования оказывает деструктивное воздействие на афроамериканское сообщество, для противодействия которому следует создавать независимые учебные заведения, в которых бы делался упор на изучение «настоящей» черной истории и культурологии);

2. Религиозного национализма (его суть заключалась в отрицании традиционного христианства, как религии белых

угнетателей в пользу ислама, народных африканских верований, а также собственной «черной» церкви с верой в черного Христа и черную Богоматерь);

3. Культурного национализма (упор на уникальность культуры афроамериканцев, обособленной от культуры белого населения США);

4. Революционного национализма (представители данного направления считали, что улучшение положения чернокожего населения невозможно в рамках существовавшей в США политической и социально-экономической системы, для чего все общественные институты, пронизанные расизмом, должны быть радикально трансформированы).

Ярче всего направление революционного национализма проявилось в лице движения «Власть черных», получившего название в честь одноименного лозунга, который был впервые озвучен лидером Студенческого координационного комитета ненасильственных действий Стокли Кармайклом на марше за право голоса в штате Миссисипи в июне 1966 г. Военственный клич Кармайкла «мы хотим власть черных!» резко контрастировал с такими традиционно мирными лозунгами митингов сторонников Мартина Лютера Кинга, как «мы хотим свободу!». В ответ на убийство Кинга белым супрематистом в 1968 г., приведшего к массовым беспорядкам в более чем ста городах США, Кармайкл громогласно заявил о несостоятельности ненасильственного сопротивления расизму, так как лишь ведение партизанской войны могло позволить чернокожему населению добиться реальной политической власти в стране [20, Р. 24].

В том же году чернокожий деятель становится почетным президентом основанной в 1966 г. афроамериканской партии самообороны «Черные пантеры». Благодаря известности Кармайкла в афроамериканском сообществе на молодых активистов обратили внимание, однако пути «Черных пантер» и афроамериканского активиста быстро разошлись: в том же 1968 г. Кармайкл, увлекавшийся идеями панафриканизма, переехал в Гвинею, где принял новое имя Кваме Туре. Несмотря на это обстоятельство, идеи Кармайкла сумели оказать существенное влияние на деятельность «Черных пантер». Одно из центральных мест в идеологии данной организации

заняла выдвинутая Кармайклом концепция институционального расизма, который определялся афроамериканским деятелем как коллективная неспособность общественных институтов предоставлять надлежащие услуги в равном порядке вне зависимости от цвета кожи, культурных особенностей или этнического происхождения. Кармайкл был уверен в том, что институциональный расизм пронизывал все до единого общественные институты США, но при этом имея тонкий и не сразу бросающийся в глаза характер, в следствие чего меньше осуждался обществом в сравнении с открытыми формами проявления расизма [20, Р. 63].

Другим афроамериканским деятелем, оказавшим огромное влияние на идеологию «Черных пантер», был Малкольм Икс. Фактически являясь голосом популярной в первой половине 1960-х гг. религиозной и политической организации «Нация ислама», он был одним из самых популярных борцов за права чернокожего населения, а также известным критиком ненасильственной тактики Кинга в борьбе с расизмом в США. Выдвинутая Малкольмом Иксом, погибшим от рук своих противников в 1965 г., концепция самозащиты, как необходимости ответного насилия, была поддержана Кармайклом, а затем доработана лидерами «Черных пантер» Бобби Силом и Хьюи Ньютоном. Для противостояния насилию со стороны полиции, которую «Черные пантеры» считали общественным институтом наиболее подверженным расизму в США, члены организации создавали группы вооруженной самообороны в «черных» кварталах. По словам Ньютона, данная идея заключалась в том, что вооруженные «Черные пантеры» должны были следить за тем, чтобы органы правопорядка не превышали свои законные полномочия [13]. «Черные пантеры» использовали и другую программную установку Малкольма Икса о требовании выплаты репараций афроамериканскому сообществу за приобретенное ранее за счет рабского труда чернокожих рабов экономическое благополучие белого населения [12, Р. 67]

Помимо идеологии черного национализма, продвигаемой Малкольмом Иксом и Стокли Кармайклом, на мировоззрение основателей «Черных пантер» оказали значительное воздействие левые взгляды другого

известного чернокожего деятеля – социального философа и революционера Франца Фанона, выходца с заморского департамента Франции остров Мартиника, расположенного в Карибском море. Будучи одним из вдохновителей движения новых левых в 1960-е гг., он заявлял о важности радикального изменения менталитета «цветного» населения колоний, как шаг к его внутреннему освобождению, который должен был предшествовать началу повстанческой борьбы. Более того Фанон считал, что революционная борьба с колониализмом в регионах Третьего мира должна сопровождаться ответным насилием в отношении угнетателей, так как лишь через подобный «коллективный катарсис» угнетенные могли полностью освободиться от собственной неполноценности [8, Р. 47].

По приказу Ньютона и Сила абсолютно каждый член «Черных пантер» был обязан ознакомиться с главной работой Фанона «Проклятые земли», законченной незадолго до смерти революционера в 1961 г. «Черные пантеры», рассматривавшие афроамериканцев, как подобие колонизированного населения внутри США, верили в необходимость достижения радикальных изменений в сознании чернокожего населения, в первую очередь, через систему образования, чтобы раскрыть «истинную природу упадка американского общества» [16, Р. 25]. Подобного рода «культурная революция» должна была предшествовать началу повстанческой борьбы афроамериканского сообщества против власти белого населения в стране.

Несмотря на то, что Фанона часто обвиняли в проявлении излишней маскулинности, философ в своих работах отмечал важность вовлеченности «цветных» женщин в антиколониальную борьбу наравне с мужчинами, без чего нельзя было добиться глобальных изменений в психологии и поведении колонизированного общества в целом [7, Р. 55]. «Черные пантеры» также учитывали важность привлечения женщин в свои ряды, став первой афроамериканской организацией, поставившей борьбу с сексизмом среди чернокожего населения, воспринимавшимся как результат белой гегемонии, в число своих приоритетных задач. С точки зрения лидеров организации, афроамериканское сообщество должно было покончить не только с капиталистической, но и патриархальной эксплуатацией, без чего полное освобождение черной расы

было невозможным. Признавая право чернокожих женщин «быть свободными» Хьюи Ньютон в своем эссе «Ева, мать всех живых» отмечал: «Первая вещь, которую необходимо понимать — черные мужчины поработаны белым человеком, в той же степени, как и белые и черные женщины. В этой связи тщетно делать черного мужчину врагом черной женщины. Тщетно и контрпродуктивно!» [14, Р. 316]. Другой лидер «Черных пантер» Бобби Сил заявлял о наличии взаимосвязи между сексизмом и расизмом, считая, что если человек заражается одним проявлением шовинизма, то он безусловно подвержен и его другим формам и проявлениям: «От фразы держите женщину на ее месте лишь небольшой шаг до держите ниггера на его месте» [9, Р. 86], — предостерегал он.

В момент своего появления в 1966 г. молодая организация «Черные пантеры» испытывала серьезные проблемы с финансами, в следствие чего ее члены занимались продажей различного рода радикальной политической литературы, преимущественно левой направленности. Одной из таких продаваемых чернокожими активистами книг был цитатник лидера Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна, известный как «Маленькая красная книжечка». Эта работа лидера коммунистического Китая стала своего рода «настойной книгой» членов «Черных пантер», а сама идеология маоизма, отличавшегося от классического марксизма-ленинизма возможностью лучшей адаптации к условиям времени и разных регионов мира, оказала существенное влияние на программу чернокожих активистов.

Мао Цзэдун был уверен, что гибкость маоизма должна была способствовать успеху международного революционного движения в самых разных частях света [19, Р. 35]. Согласно «теории трех миров» председателя КНР мир времен «Холодной войны» был разделен на три части: империалистический Первый мир сверхдержав США и СССР, промежуточный Второй мир, куда, например, входили Западная Европа, Канада и Япония, а также Третий мир, к которому относились ранее колонизированные народы, включая и сам Китай [6]. Тем самым, КНР должна была взять на себя роль покровителя левых революционных сил «цветных» народов Третьего мира в их борьбе с белыми угнетателями.

В то же время поддержка Китая распространялась и на левых радикалов западных стран, заявлявших о революционной борьбе против империализма и капитализма, что позволяло лидерам «Черных пантер» надеяться на прямой контакт с китайскими властями. Первым чернокожим общественным деятелем, пытавшимся соединить идеи маоизма и черного национализма, был Максвелл Стэнфорд-младший, известный как Мухаммад Ахмад. Покинув движение «Нация ислама», он основал собственную организацию «Движение революционных сил» в 1963 г., которая активно сотрудничала с «Черными пантерами». Ахмад заявлял, что в случае США расовая эксплуатация превалировала над классовой, по причине чего именно расизм являлся главной проблемой XX века. Для освобождения «черной колонизированной Америки» от «белой американской империи» активисты, по мнению Ахмада, должны были принять участие в международной революционной борьбе «цветных народов» под руководством Китая [21, Р. 93]. Таким образом, противостояние рас заменяло собой классовую борьбу в США. Более того, исходя из права народов на самоопределение, «Черные пантеры» считали возможным создание собственного афроамериканского государства после победы мировой революции, если так решит чернокожее население [15, Р. 13].

Вдохновившись призывами Мао Цзэдуна «служить людям», руководство «Черных пантер» обратило пристальное внимание на социально-экономические проблемы афроамериканского сообщества, требуя введения системы бесплатного образования и медицинского обслуживания, решения жилищной проблемы чернокожего населения, а также освобождения черных мужчин от военной службы, чтобы прекратить их гибель «в войнах белого человека». С конца 1960-х гг. организация принялась за реализацию собственных социальных программ в бедных «черных» районах на бесплатной основе, включая оказание таких услуг, как медицинская помощь, реабилитация алко- и наркозависимых, юридическая консультация, организация поездок родственников заключенных в места лишения свободы, а также предоставление бесплатных завтраков для чернокожих детей из малообеспеченных семей в более чем 10 городах в разных частях страны [4, Р. 315]. В

свою очередь, идея важности начала революционной борьбы безудержно продвигалась в афроамериканском сообществе посредством соответствующей агитации на митингах и собраниях, на страницах партийной газеты «Черная пантера» (The Black Panther), а также путем раздачи «Маленькой красной книжечки» Мао Цзэдуна для личного ознакомления.

Таким образом, в идеологии партии самообороны «Черные пантеры», представлявшей собой сплав различных аспектов черного национализма и левого движения, в особенности маоизма, можно выделить следующие основополагающие элементы, на которые опиралась принятая в 1966 г. «Программа десяти пунктов» организации [19]:

1. Вера в существование в США системы институционального расизма. По мнению членов организации, чернокожее население страны находилось в положении повсеместно дискриминируемой расы, что закреплялось существовавшей системой общественных институтов в стране. Данный статус-кво, позволявший белым людям оставаться в качестве «эксплуататорского класса», сохранялся благодаря репрессивной машине во главе с полицией. Фактически, борьба с полицией воспринималась «черными пантерами», как борьба с истэблшментом. В свою очередь, все афроамериканцы должны были быть освобождены из мест заключения, так как они воспринимались как жертвы заведомо несправедливой расистской системы;

2. Необходимость проведения «культурной революции» в афроамериканском сообществе, с целью радикальной перестройки мировоззрения чернокожего населения в США. Находясь под большим впечатлением теорий Франца Фанона, а также социокультурных перемен в маоистском Китае, лидеры «Черных пантер», лично посещавшие КНР, верили, что посредством работы членов организации с широкими народными массами, афроамериканцы поддержат идею о глубинных преобразованиях, а также необходимости начала партизанской войны для их достижения;

3. Черный феминизм, выражающий необходимость чернокожих женщин бороться не только с институциональным расизмом в целом, но и с сексизмом в афроамериканском сообществе, в частности. Для изменения гендерного восприятия женщины среди афроамериканцев, «Черные

пантеры» продвигали образ защитницы дома, семьи и общины равного по своей важности мужчине [17, Р. 92]. В качестве доказательства того, что организация приветствовала вступление в ее ряды представителей обоих полов, женщины, становившиеся членами партии, обучались самозащите, включая умение пользоваться огнестрельным оружием, а также занимали важные посты в руководстве. Например, секретарем по связям с общественностью «Черных пантер» была Кэтлин Кливер, а Элейн Браун с 1974 по 1977 г. занимала пост председателя партии, в условиях, когда мужское руководство организации оказалось в местах лишения свободы. Однако несмотря на то, что руководство «Черных пантер» стремилось продемонстрировать прагматичный подход в отношении женщин, проявление сексизма в организации на низовом уровне оставалось обыденностью [3, Р. 60];

4. Антиколониализм и участие в мировом революционном левом движении «цветных» народов Третьего мира в их общей борьбе против белых колонизаторов. В этой связи также придавалось большое значение идее panaфриканизма, как единству черных народов в противостоянии расовому угнетению;

5. Улучшение положения афроамериканского сообщества возможно лишь посредством радикальных левых преобразований в социально-экономической и политической сферах, что должно привести к отказу от капиталистической системы, перераспределению богатств и утверждению реального общественного контроля над властью. Более того, репарации за узурпацию белым населением богатств страны, было важным условием для прекращения межрасовой вражды и достижения социальной справедливости.

В реальности практическая деятельность «Черных пантер», несмотря на наличие безусловно полезных для афроамериканского сообщества социальных программ, имела довольно противоречивый характер. Важно отметить, что мировоззрение членов организации было пропитано ненавистью в отношении к полицейским, которых «Черные пантеры» именовали не иначе как «свиньи», что приводило лишь к эскалации взаимоотношений с органами правопорядка. Более того, на заглавных страницах газеты «Черная пантера» допус-

кались рисунки с явными насильственными призывами в отношении правоохранительных органов, как, например, изображение чернокожего мужчины, перерезающего горло свиньи в полицейской форме. Белая общественность США преимущественно отрицательно относилась к «Черным пантерам», считая их деятельность агрессивной и антиправительственной. Как и прочие представители афроамериканского радикального движения «Власть черных», организация Хьюи Ньютона и Боба Сила стала целью контрразведывательной программы ФБР (COINTELPRO). Партия, которую развели внутренние противоречия, доходившие до кровавых столкновений, чему безусловно способствовала и ФБР, значительно ослабла в результате постоянных полицейских рейдов против ее членов.

В условиях, когда более ста членов организации оказались в местах заключения, включая Ньютона и Сила, многие члены партии приняли решение эмигрировать, а среди оставшихся сторонников произошел раскол в середине 1970-х гг. В то время как нью-йоркская ячейка «Черных пантер», имевшая среди своих членов значительное число деклассированных и безработных элементов и возглавляемая радикалом Элдриджом Кливером, продолжала ратовать за начало партизанской борьбы в американских городах, калифорнийская ячейка выбрала путь выживания путем приспособления к существовавшей в США социально-экономической и политической системе, веря, что афроамериканское сообщество постепенно поддержит выдвигаемую организацией программу [2, С. 382]. Большинство лидеров «Черных пантер» со временем отошло от непримиримой позиции противопоставления себя американскому истеблишменту: Бобби Сил баллотировался в мэры, а Элейн Браун – в городской совет Окленда, но оба проиграли, в то время как Элдридж Кливер и вовсе совершил неожиданный поворот в своей политической карьере, вступив в ряды Республиканской партии в 1980-е гг. Активная деятельность

«Черных пантер», чья партия формально продолжала существовать до 1982 г., закончилась уже в середине 1970-х гг., ознаменовавших закат и всего движения «Власть черных». Отказываясь от идей революционной борьбы, большинство афроамериканских общественных деятелей ставило задачу мирного прихода к власти посредством выборов в духе социал-демократии.

Партия самообороны «Черные пантеры», являвшаяся частью афроамериканского радикального движения «Власть черных», объединила в своей идеологии принципы черного национализма и левого движения. На формирование идеологии организации непосредственно повлияло мировоззрение не только ряда крупных афроамериканских деятелей 1960-х гг., таких как Малкольм Икс или Стокли Кармайл, являвшихся сторонниками черного национализма, но и важнейших теоретиков левого революционного движения, в первую очередь, Франца Фанона и Мао Цзэдуна. Идеология «Черных пантер» основывалась на повсеместной борьбе с различными проявлениями расизма, сексизма, капитализма и колониализма, наличие которых не позволяло улучшить положение афроамериканского сообщества. Как результат, основополагающие идейные установки «Черных пантер» можно выложить в логическую цепочку: члены организации должны были провести «культурную революцию» в афроамериканском сообществе, в том числе через продвижение принципов черного феминизма, убедив чернокожее население США стать частью мирового революционного движения, с целью успешной борьбы с институциональным расизмом и проведения радикальных социально-экономических и политических изменений в стране. Невозможность достижения поставленных целей ввиду так и несостоявшейся массовой партизанской войны в США, привела к упадку «Черных пантер» уже в 1970-е гг., а также необходимости очередной идейной эволюции афроамериканского сообщества в поисках решения стоящих перед чернокожим населением проблем и задач мирным путем.

Список литературы

1. Королева А.П. Расовые войны и расовые компромиссы. М., 1987. 168 с.
2. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк. М., 2009. 583 с.
3. Alameen-Shavers A. The Woman Question: Gender Dynamics within the Black Panther Party // Spectrum: A Journal on Black Men. Vol. 5, No. 1, Fall 2016. Pp. 33-62.

4. Bloom J., Waldo M.E. Jr. *Black against Empire: The History and Politics of the Black Panther Party*. N.Y., 2013. 568 pp.
5. Célestine A., Martin-Breteau N., Recoquillon C. Introduction - Black Lives Matter: a transnational movement? // *Slaveries & Post-Slaveries*. Vol. 6, 2022. 1-19 pp.
6. Editorial Department of Renmin Ribao (People's Daily). Chairman Mao's Theory of the Differentiation of the Three Worlds is a Major Contribution to Marxism-Leninism // *People's Daily*. 1 November 1977. URL: <https://www.marxists.org/history/erol/ncm-5/theory-3-worlds/index.htm>
7. Fanon F. *Decolonization Perspectives from Now and Then*. London, 2004. 312 pp.
8. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. Translated By Constance Farrington. N.Y., 1966. 320 pp.
9. Foner P.S. *The Black Panthers Speak*. Philadelphia, 1970. 318 pp.
10. Harris J.C. Revolutionary Black Nationalism: The Black Panther Party // *The Journal of Negro History*. Vol. 85, No. 3, Summer 2000. Pp. 162-174.
11. Lewis R. From the Black Panther Party to Black Lives Matter: Lessons from the Arab Spring and the Prospects for Social and Political Change in the Post-Ideological World. N.Y., 2021. 61 pp.
12. Malcolm X. *By Any Means Necessary: Speeches, Interviews, and a Letter by Malcolm X*. N.Y., 1970. 184 pp.
13. Newton H.P. Panthers. August 1969 // *Ebony Magazine*.
14. Newton H.P. *The Huey P. Newton reader*. N.Y., 2002. 368 pp.
15. Pickney A. *Red, Black, and Green: Black Nationalism in the United States*. N.Y., 1979. 272 pp.
16. Seale B. *Seize the Time: The Story of the Black Panther Party and Huey P. Newton*. N.Y., 1970. 429 pp.
17. Spencer R. C. Engendering the Black Freedom Struggle: Revolutionary Black Womanhood and the Black Panther Party in the Bay Area, California // *Journal of Women's History*. Vol. 20, No. 1, 2008. Pp. 90-113.
18. Srishti D. Parallels and Tangents between the Black Panthers Party and the Black Lives Matter Movement // *Asian Journal of Language, Literature and Culture Studies*. Vol. 1, 2021. Pp. 43-48.
19. The Black Panther Party Ten-Point Program, 1966 // *Blackpast*. URL: <https://www.blackpast.org/african-american-history/primary-documents-african-american-history/black-panther-party-ten-point-program-1966/>
20. Ture K. *Black Power: The Politics of Liberation in America*. N.Y., 1992. 256 pp.
21. Van Deburg W.L. *Modern Black Nationalism: From Marcus Garvey to Louis Farrakhan*. N.Y., 1996. 396 pp.
22. Williams D. M. Black Panther Radical Factionalization and the Development of Black Anarchism // *Journal of Black Studies*. Vol. 46, No. 7, October 2015. Pp. 678-703.
23. Zedong M. *Problems of Strategy in China's Revolutionary War*. Beijing, 1968. 107 pp.

THE IDEOLOGICAL FEATURES OF THE BLACK PANTHER PARTY FOR SELF-DEFENSE (1966-1982): FROM THE ORIGINS TO ITS MAIN ELEMENTS

The article is devoted to the analysis of the ideology of the African-American political organization the Black Panther Party for Self-Defense, which was active between 1966 and 1982. The main emphasis is placed on the search for the ideological origins of the Black Panthers leaders' worldview, as well as the consideration of the main elements of the ideology of this organization. Created in the mid 1960s by black students Huey P. Newton and Bobby Seale, the Black Panther Party for Self-Defense became the most famous representative of the Black Power movement. Supporters of this movement, who adhered to the ideas of revolutionary nationalism, believed that only a radical restructuring of the socio-economic and political system in the United States could significantly improve the position of the black population in the country. The peculiarity of the Black Panthers was in combination of the ideas of black nationalism, inherent the Black Power movement in general, with the left ideology. This specific feature of the organization's ideology was the result of the fact that the worldview of the leaders of the Black Panthers was influenced not only by such famous figures of black nationalism as Malcolm X or Stokely Carmichael, but also by the most prominent theorists of socialism and anti-colonialism, such as the philosopher Frantz Fanon or the head of the PRC Mao Zedong. As a result, the ideology of the Black Panther Party for Self-Defense combined the need for a cultural revolution or radical socio-economic and political changes in a socialist direction with the importance of fighting institutional racism in the USA, as well as of promoting the principles of feminism to eliminate the vestiges of the patriarchal way of life in the African American community.

Keywords: the US history, Race Relations, the Black Panther Party for Self-Defense, Huey P. Newton, Bobby Seal,

References

1. Korolyova A.P. (1987) Rasovye voyny I rasovye kompromissy [Race Wars and Race Compromises]. M. 168 s.
2. Nitburg E.L. (2009) Afroamerikantsy SShA. XX vek: etnoistoricheskiy ocherk [African Americans of the USA: 20th Century: Ethnohistorical Essay]. M. 583 s.
3. Alameen-Shavers A. (2016) The Woman Question: Gender Dynamics within the Black Panther Party // Spectrum: A Journal on Black Men. Vol. 5, No. 1. Pp. 33-62.
4. Bloom J., Waldo M.E. Jr. (2013) Black against Empire: The History and Politics of the Black Panther Party. N.Y. 568 pp.
5. Célestine A., Martin-Breteau N., Recoquillon C. (2022) Introduction - Black Lives Matter: a transnational movement? // Slavery & Post-Slavery. Vol. 6, 2022. 1-19 pp.
6. Editorial Department of Renmin Ribao (People's Daily). (1977) Chairman Mao's Theory of the Differentiation of the Three Worlds is a Major Contribution to Marxism-Leninism // People's Daily. 1 November. URL: <https://www.marxists.org/history/erol/ncm-5/theory-3-worlds/index.htm>
7. Fanon F. (2004) Decolonization Perspectives from Now and Then. London. 312 pp.
8. Fanon F. (1966) The Wretched of the Earth. Translated By Constance Farrington. N.Y. 320 pp.
9. Foner P.S. (1970) The Black Panthers Speak. Philadelphia. 318 pp.
10. Harris J.C. (2000) Revolutionary Black Nationalism: The Black Panther Party // The Journal of Negro History. Vol. 85, No. 3, Summer. Pp. 162-174.
11. Lewis R. (2021) From the Black Panther Party to Black Lives Matter: Lessons from the Arab Spring and the Prospects for Social and Political Change in the Post-Ideological World. N.Y.. 61 pp.
12. Malcolm X. (1970) By Any Means Necessary: Speeches, Interviews, and a Letter by Malcolm X. N.Y. 184 pp.
13. Newton H.P. (1969) Panthers. August // Ebony Magazine.
14. Newton H.P. (2002) The Huey P. Newton reader. N.Y. 368 pp.
15. Pickney A. (1979) Red, Black, and Green: Black Nationalism in the United States. N.Y.. 272 pp.
16. Seale B. (1970) Seize the Time: The Story of the Black Panther Party and Huey P. Newton. N.Y. 429 pp.
17. Spencer R. C. (2008) Engendering the Black Freedom Struggle: Revolutionary Black Womanhood and the Black Panther Party in the Bay Area, California // Journal of Women's History. Vol. 20, No. 1. Pp. 90-113.
18. Srishti D. (2021) Parallels and Tangents between the Black Panthers Party and the Black Lives Matter Movement // Asian Journal of Language, Literature and Culture Studies. Vol. 1. Pp. 43-48.
19. The Black Panther Party Ten-Point Program (1966) // Blackpast. URL: <https://www.blackpast.org/african-american-history/primary-documents-african-american-history/black-panther-party-ten-point-program-1966/>
20. Ture K. (1992) Black Power: The Politics of Liberation in America. N.Y. 256 pp.
21. Van Deburg W.L. (1996) Modern Black Nationalism: From Marcus Garvey to Louis Farrakhan. N.Y. 396 pp.
22. Williams D. M. (2015) Black Panther Radical Factionalization and the Development of Black Anarchism // Journal of Black Studies. Vol. 46, No. 7, October. Pp. 678-703.
23. Zedong M. (1968) Problems of Strategy in China's Revolutionary War. Beijing. 107 pp.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН (Россия), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Vorobyev Dmitry Nikolayevich – candidate of historical sciences, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Гончаров Е.В., Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ОБРАЗ НЕМЕЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1870-1914 ГГ.

Франко-прусская война 1870-1871 годов изменила традиционное французское мнение о немецком обществе. Французы, деморализованные поражением, были вынуждены изменить свое представление о немецком народе. К началу 1914 года во Франции сложилось противоречивое восприятие всего, что связано с Германией. В течение нескольких десятилетий, предшествовавших Великой войне, каждая из этих двух стран формировала определенные взгляды, стереотипы о национальном характере соперника, создавая определенный образ «врага» в своем обществе. Проецирование негативных черт на другой народ также было важным шагом в укреплении национальной идентичности. Представления о Германии во французском общественном мнении создавались и укреплялись на самых разных культурных уровнях. Враждебные мифологемы в сочетании с растущей международной напряженностью способствовали распространению ненавистных образов. В данной статье была предпринята попытка исследования сложившихся стереотипов о Германии во Франции в период с 1870-1914 гг. на примере образа немецкой женщины. Рассмотрен ряд визуальных и письменных источников, в которых этот образ находил свое воплощение. Выявлена его связь с массовыми представлениями. Изучение образа немецкой женщины, сформированного во французском обществе, поможет пролить свет на особенности взаимного восприятия народов в предвоенные годы.

Ключевые слова: Первая мировая война, пропаганда, гендер, стереотип, женский образ, карикатура, общественное мнение, Франция, Германия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-51-55

Задолго до начала Первой мировой войны во Франции сформировалось негативное отношение к Германии и её народу. Причина этого, с одной стороны, кроется в различии культур. В то время как для немцев важен был внутренний мир, стремление дойти до сути, французы гораздо больше ценили внешний эффект. С другой стороны, французская пропаганда, используя различные средства, формировала отрицательный образ немца. Это стало возможным благодаря тому, что французы реже посещали другие страны, а немецкие туристы далеко не всегда являлись лучшими представителями своего народа.

Стоит отметить, что материалы средств массовой информации (в том числе сатирических изданий) сыграли важную роль в визуализации образа немца как врага, который в дальнейшем был использован пропагандой против Германии. В этом плане примечательны такие журналы, как «*Fliegenden Blättern*», «*Meggendorfer Blättern*», «*Lustigen Blättern*», «*Jugend*», «*Simplizissimus*». Образы, созданные в них, нашли отражение в значительном по объему томе карикатур, вышедшем в Париже в 1916 году [8].

Французские художники также создали большое количество карикатур и рисунков, которые имели, прежде всего, пропагандистскую ценность и были востребованы обществом. Например, карикатуры, созданные эльзасским художником Жан-Жаком Вальцем (под псевдонимом Анси),

стали настолько популярны, что вряд ли нашлась во Франции газета, иллюстрированный журнал или книга анекдотов, в которых не были опубликованы его работы.

Одним из направлений пропагандистской работы по созданию сниженного образа жителя Германии стало подчеркивание специфики образа немки, существенного для гендерного восприятия женщины как носительницы национальных черт. И среди наиболее известных и распространенных образов во Франции стоит отметить немецкую «Гретхен». Жорж Фуад в одной из своих работ, посвященных Германии, дает следующую характеристику немкам: «Что касается женщин, то довольно трудно определить, к какому классу они принадлежат. Их наряды, внешний вид и манеры приводят к путанице. Многие баронессы и графини, обвешанные драгоценностями и кружевами, напоминают крестьянок в праздничном наряде. Они носят неброские, но пышные платья, причудливые шляпки, украшенные перьями. Немки стремятся, прежде всего, привлечь к себе внимание, не заботясь об эстетике. Однако в различных классах женского общества встречаются представительницы с правильными чертами лица и красивым цветом кожи, но эти черты не согласуются с остальной частью тела. В любом случае они всегда неэлегантны. Однако немецкая женщина — хорошая домохозяйка. Она довольствуется заботой о домашнем хозяйстве, из чего следует, что не

всегда можно провести точное различие между служанкой и ее хозяйкой. И, все же, немка считает себя выше всех остальных женщин: англичанку она считает ничтожной, с отсутствием эстетического вкуса, умеющей говорить только о спорте; русская для неё – восточная, которая заботится только о своем внутреннем «я», мечтающая позаимствовать у американок большую степень свободы во внешности, которые те позволяют себе. Немецкие женщины не скрывают своего восхищения вкусом и элегантностью французов. Однако отрицают их духовные и внутренние качества, считают легкомысленными, проводящими свой досуг в распутстве и пороке» [3, с. 68].

На низкие моральные качества немецких женщин указывает в своей книге «Ненависть немцев к французам» Поль Верье: «Я не советую стыдливым людям гулять по площадям и улицам Гейдельберга ночью и даже вечером, а тем более по окрестным лесам. Гретхен, увы, не всегда скромны. У них ярко выраженный интерес к студентам в цветных фуражках и к военным. Солдаты, бедняги, слишком сильно нуждаются в утешении» [15, с. 9].

Эти взгляды разделяет в своей работе «Немецкий менталитет и война» Поль Готье, который называет Берлин «столицей порока» и «современным Вавилоном» [5, с. 14]. «Проституция растет невероятными темпами с каждым годом. Как и до войны, Берлин мог бы гордиться титулом «столица порока». Рука об руку с этим идет пристрастие к удовольствиям и развлечениям, которых нет ни в одной другой стране. Это влечет за собой то, что продавцы, офисные работники и другие граждане посещают казино, бары, таверны и амурные залы, где за несколько часов спускают заработок многих «кислых» рабочих дней...» [16, с. 248].

Ж. Фуад приводит статистику, показывающую, что в «целомудренной и священной Германии» происходит больше всего измен в процентном соотношении, а именно: семь измен на каждые 100 браков, в то время как во Франции измены составляют всего лишь 1% ...» [3, с. 72].

Эльзасские писатели Жанна и Фредерик Регамей в книге «Враждебная Германия» отмечают, что статистические данные о брошенных женах, разводах и незаконнорожденных опровергают утверждения немцев о превосходстве домашней

добродетели [10, с. 48-49]. Кроме того, авторы обращают внимание на негативные последствия большого потребления алкоголя немецкими мужчинами и женщинами, в силу чего они не уделяют должного внимания своей семье и детям [10, с. 59-61].

Французские авторы показывают, что после франко-прусской войны навязчивой темой среди немцев был предполагаемый «декаданс» Франции. Немногие туристы из Германии упускали возможность прогуляться по Монмартру, чтобы увидеть последние проявления морального упадка французской цивилизации [2, с. 508-509]. Путеводители по ночному городу можно было легко приобрести у уличных лавочников с адресами модных «притонов беззакония». Так, в одном из них приводился список таких мест, но отмечалось, что, поскольку такая информация меняется из года в год, туристу лучше всего поинтересоваться в отеле [14, с. 46-47]. Олицетворение Монмартра со всей Францией в то время владело воображением немцев. Однако писатель Фриц Фридман отмечал, что многие «жрицы Венеры» сами были представительницами немецкой нации, а «международный культ Афродиты» распространен не только в Париже, но и в Лондоне, Вене, Берлине или Будапеште, а также не связан с менталитетом народа [4, с. 12].

Создавая сниженный образ немецких женщин, французские карикатуристы в своем творчестве часто подчеркивали отсутствие у них вкуса в одежде. Немки отдавали предпочтение платьям с большими карманами и глубоким разрезом, доходящим до лодыжек, что, по мнению французов, подчеркивало полное отсутствие талии. Обувь, которую носили немецкие дамы, напоминала скорее грубые сапоги солдат, нежели изящные лоферы француженки.

При этом в начале войны в Германии были предприняты многочисленные усилия по созданию собственной, вполне независимой от Парижа немецкой моды. Это дало французской прессе долгожданный повод для сатиры: «Мими Пинсон, моя Ми, тебе будет это интересно, но сначала пообещай мне хранить молчание. Дело очень непростое, ибо «Gazette de Lausanne» не имеет привычки сообщать обманчивые новости. Вы знаете, что в Берлине только что был сформирован Национальный комитет – из великих дам, кутюрье и профессоров, для установления и направления

женской моды. Подожди! Это еще не все. «Comite imperial des forms allemandes» (так его называют) поставил перед ведущими франкфуртскими ателье задачу запустить целую серию оригинальных моделей чисто немецкого стиля» [7].

«La Baionnette» 12 августа 1915 года выпустил специальный номер, посвященный исключительно «элегантным» жительницам Берлина. На обложке журнала изображена гуляющая женщина, за которой наблюдают стоящие рядом мужчины. Особый акцент художника сделан на ее одежде: травянисто-зеленый костюм, состоящий из жакета, подходящий более на мужской фрак, который украшен двумя рядами пуговиц, и длинная юбка, доходящая до лодыжек. Вдобавок из-

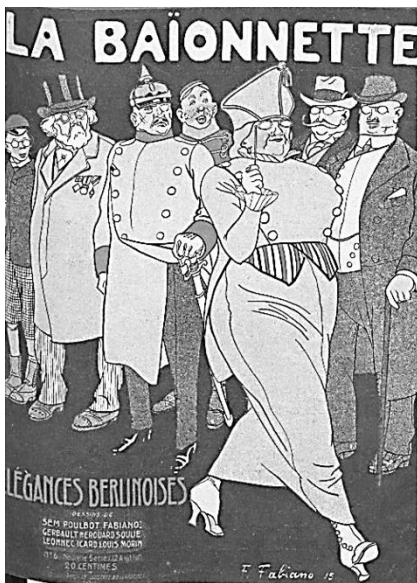

Рис.1. Обложка журнала «A la Baionnette» от 12 августа 1915 г.

Рис.2. Рисунок Луи Морина «Военная мода на пике популярности в Берлине» в «A la Baionnette»

Рис.3. Рисунок Герды Вегенер «Пивная ночь в Берлине» в «A la Baionnette»

В 1914 году в Париже вышел комикс под названием «Мода в Германии: Лига против дурного англо-французского вкуса». Изображенные в нем немецкие женщины выглядели вульгарно. Стоит отметить, что это была некая насмешка над немцами, над их безвкусицей, и в то же время авторами комикса подчеркивалось превосходство французов в сфере моды. По мнению авторов, чувство стиля было внутренне присуще исключительно французам и больше никому. «Коренастые немки попросту делают себя посмешищем, тщетно пытаясь копировать врожденное изящество стройных французенок. Этим пухлым Гретхен никогда не быть по-настоящему элегантными» [9, с. 6].

В 1915 году, словно в отместку, вышло

под жакета высвечивается черно-бело-красный жилет в полоску. Все это придает женщине неуклюжий вид (см. рис. 1).

На других рисунках немецкие женские наряды адаптированы под армейскую униформу. Например, на одной из карикатур Луи Морина изображены немки, которые в качестве головного убора носят пикельхауб (остроконечный кожаный шлем, носившийся в XIX и XX веке военными, русскими, германскими и английскими вооруженными силами, пожарными и полицейскими), солдатские и матросские фуражки (см. рис. 2).

На других пропагандистских работах ткань платья расписывается в качестве узора мелкими шлемами и даже человеческими черепами (см. рис. 3).

в свет двухтомное сочинение немецкого автора Норберта Штерна, посвященное моде и культуре. В своем исследовании Н. Штерн упрекал французских модельеров за «наглые» и «развратные» фасоны. Он отмечал, что бесстыдство французской моды развратило высоконравственных немцев, а французская косметика испортила их красоту. По мнению автора, немецкие женщины должны были избавиться от всего, что исходило от Франции, иначе нравственный упадок был бы неизбежен [13].

В 1916-1917 гг. женское отделение молодежного движения «Вандерфогель» утверждало, что одежда, созданная в Германии, должна быть исключительно «немецкой», «практичной» в плане использования и

«радовать глаз», в отличие от французской, которая была «непостоянной, как флюгер» [6, с. 150-151]. Национализм, поднявшийся с началом Первой мировой войны, безусловно, сыграл центральную роль в этих дебатах. В одной из статей, вышедшей в 1915 году, утверждалось, что для немецких женщин было бы государственной изменой носить платья во французском стиле, туфли на высоких каблуках, когда их братья, отцы и мужья сражаются на фронте [11, с. 56]. В том же году был опубликован каталог одежды, которую немцы должны были носить на работе и дома [11, с. 56].

Однако создание собственной моды в Германии было обусловлено не только социально-политическими факторами, не менее важными оказались факторы экономические. Немецкие модельеры всегда черпали вдохновение в Парижских салонах, но в годы, предшествовавшие Великой войне, они предприняли активные попытки развить собственную индустрию моды, при этом избежать французского влияния. Их усилия увенчались успехом. Немецкая одежда, включая дизайнерские платья с различными украшениями, стала одним из главных предметов экспорта Германии в предвоенные годы. Возможно, Франция и осталась бы лидирующей страной в этой сфере и в 1920-х годах, но немецкие модельеры смогли создать аналог высокой французской моде в виде простой и доступной для населения одежды [12, с. 85].

Таким образом, представленный в данной статье анализ позволяет сделать

определенные обобщения. Разнообразие женских образов, которые существовали во Франции в исследуемый период, было многочисленным. Французские художники в довоенное время создали большое количество карикатур и рисунков, которые имели не только художественную, но, прежде всего, пропагандистскую ценность. Во многих случаях эти образы не относились к оригинальному творению французов, а были взяты из немецких журналов. Французская литература, особенно юмористические и иллюстрированные журналы, содержала весьма специфические описания немецкой женщины, которые были также хорошо известны и высмеивались. Популярной карикатурой являлось изображение упитанной немецкой женщины с неряшливой прической и непропорциональной фигурой. Модные предпочтения немцев выдавались как граничащие с отсутствием вкуса; наряды, которые носили немецкие дамы, вызывали только улыбки и насмешки у аккуратных французов, всегда следивших за одеждой. В различных характеристиках всегда отмечались три черты немецкой женщины, в частности: отсутствие элегантности, стремление к материализму, обманчивая добродетель. Данные представления создавались и укреплялись на самых разных культурных уровнях. В дальнейшем, когда началась Первая мировая война, разнообразие женских образов, сложившихся в период с 1870 по 1914 гг., было использовано французскими пропагандистами в работах, направленных против Германии.

Список литературы

1. A la Vaпонnette 12.08.1915.
2. Fischer F. Das Bild Frankreichs in Deutschland in den Jahren vor dem Ersten Weltkrieg // Revue d'Allemagne. 1972. №. 3. P. 505-519.
3. Fouad G. L'Allemagne historique, intellectuelle, morale. Paris. 1916. P.118.
4. Friedmann F. Deutschland - Frankreich und Kaiser Wilhelm II. Berlin. 1912. P. 52.
5. Gaultier P. La Mentalité Allemande et la Guerre. Paris. 1916. P. 117.
6. Grob M. Das Kleidungsverhalten jugendlicher Protestgruppen im 20. Jahrhundert. Munster. 1985. P.358.
7. Le Matin 09.09.1914.
8. Les Allemands peints par eux-mêmes. Les Allemands peints par les neutres Germania. Paris. 1916. P. 176.
9. Radiguet M., Arnac M. Mode in Germany: ligue contre le mauvais gout anglo-francais. Paris. 1914. P. 16.
10. Rйgamey J., Rйgamey F. L'Allemagne ennemie. Paris. 1913. P. 300.
11. Sander K. Die Mode im Spiegel des Krieges. Essen. 1915. P. 158.
12. Stamm B. Berliner Modemacher der 30er Jahre // Der Bar von Berlin: Jahrbuch des Vereins fur die Geschichte Berlins. №. 38-39. Berlin. 1989-1990. P. 89-101.
13. Stern N. Mode und Kultur. Dresden. 1915. P. 274.

14. Teubner L. Eine Woche in Paris. Berlin.1909. P. 253.
15. Verrier P. La Haine allemande (contre les Français). Impressions d'Allemagne. Paris. 1915. P. 62.
16. Wetterlй E. L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas. Paris. 1915. P. 340.

THE IMAGE OF A GERMAN WOMAN IN FRENCH SOCIETY IN 1870-1914.

The Franco-Prussian War of 1870-1871 altered the traditional French view about German society. The French, demoralized by their quick defeat, were forced to re-evaluate their view of the German people. During the several decades before the Great War, each of the two countries had cultivated certain views and stereotypes about the national character of its opponent, creating a kind of «enemy» image in their own society. Projecting negative traits onto another people was also an essential step in the consolidation of national identity. Views of Germany were created and reinforced at many different cultural levels in France. Hostile mythologies combined with increasing international tensions, which contributed to a consequent further proliferation of hateful images. As the title implies the article describes the attempt to study the constructed stereotypes about Germany in France during the period from 1870-1914, using the image of a German woman as an example. A number of visual and written sources in which this image was embodied are analysed. The study of the image of the German woman, which was formed in the French society, will help to shed light on the peculiarities of mutual perception of the peoples in the pre-war years.

Keywords: World War I, propaganda, gender, stereotype, female image, caricature, public opinion, France, Germany.

References

1. A la Вapонnette 12.08.1915.
2. Fischer F. Das Bild Frankreichs in Deutschland in den Jahren vor dem Ersten Weltkrieg // Revue d'Allemagne. 1972. №. 3. P. 505-519.
3. Fouad G. L'Allemagne historique, intellectuelle, morale. Paris. 1916. P.118.
4. Friedmann F. Deutschland - Frankreich und Kaiser Wilhelm II. Berlin. 1912. P. 52.
5. Gaultier P. La Mentalitй Allemande et la Guerre. Paris. 1916. P. 117.
6. Grob M. Das Kleidungsverhalten jugendlicher Protestgruppen im 20. Jahrhundert. Munster. 1985. P.358.
7. Le Matin 09.09.1914.
8. Les Allemands peints par eux-memes. Les Allemands peints par les neutres Germania. Paris. 1916. P. 176.
9. Radiguet M., Arnac M. Mode in Germany: ligue contre le mauvais gout anglo-francais. Paris. 1914. P. 16.
10. Рйgamey J., Рйgamey F. L'Allemagne ennemie. Paris. 1913. P. 300.
11. Sander K. Die Mode im Spiegel des Krieges. Essen. 1915. P. 158.
12. Stamm B. Berliner Modemacher der 30er Jahre // Der Bar von Berlin: Jahrbuch des Vereins fur die Geschichte Berlins. №. 38-39. Berlin. 1989-1990. P. 89-101.
13. Stern N. Mode und Kultur. Dresden. 1915. P. 274.
14. Teubner L. Eine Woche in Paris. Berlin.1909. P. 253.
15. Verrier P. La Haine allemande (contre les Français). Impressions d'Allemagne. Paris. 1915. P. 62.
16. Wetterlй E. L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas. Paris. 1915. P. 340.

Об авторе

Гончаров Евгений Владимирович – преподаватель кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Goncharov Evgenii Vladimirovich – lecturer of the Department of Philosophy, History and Political Science, Bryansk state university named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Журавская А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВЫДВИЖЕНЧЕСТВО В 1920-Е ГГ.: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье на основании архивного материала раскрывается проблема выдвижения на руководящие должности рабочих и крестьян в Брянской губернии. Процесс формирования нового состава управленческих кадров в первой половине 1920-х гг. проходил хаотично. Многие выдвиженцы оказались не готовы быстро освоить новую профессию и изменить привычный уклад жизни. Рабочие и крестьяне, не имея необходимого опыта и образования, нуждались в помощи квалифицированных специалистов. Некоторые выдвиженцы выражали недовольство назначением на новую должность. Невнимание к способностям специалистов и отсутствие систематического характера выдвижения приводило к нерациональному использованию труда. В 1926 г. планировалось повысить уровень знаний рабочих и крестьян с помощью создания в комсомоле института выдвиженцев. В учебном заведении предполагалось осуществлять политическую и общую подготовку выдвиженцев, а также пополнять их практические знания. Однако для решения всех назревших проблем требовалось больше времени и внимания со стороны местной и центральной власти. Используемые источники раскрывают отдельные причины неудач советской власти в деле выдвижения и показывают, что к концу 1920-х гг. в Брянской губернии не удалось создать новый кадровый состав, способный заменить на ответственной работе старых специалистов.

Ключевые слова: выдвиженцы, руководящие кадры, Брянская губерния, советская власть, новая интеллигенция.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-56-62

Выдвижение на руководящие должности лиц, не имевших специального образования, но обладавших определенными трудовыми навыками, организационными способностями и опытом работы имело место и в Российской империи [18, с. 200]. В первое десятилетие советской власти развернулась кампания по привлечению к управленческой деятельности масс трудящихся, масштабы которой не имели аналогов в прошлом. «... организация массового привлечения "практиков" (особенно в годы Гражданской войны) была характерной особенностью эпохи» [4, с. 207- 208].

В советской историографии политика выдвижения рабочих и крестьян на руководящие должности в целом оценивалась, как правило, позитивно [5]. При этом советские историки не учитывали низкий уровень знаний новых специалистов, который не лучшим образом сказывался на результатах их работы [9].

В рамках новейшей историографии продолжается интерпретация феномена «выдвиженчества» как в местных, так и в центральных органах власти [8], выявляются основные причины его зарождения, особенности реализации, значение в становлении региональных элит [4,17]. Проблема выдвиженчества в контексте генезиса советской политической элиты изучалась и в зарубежной исторической литературе [19, 20]. Имеются исследования,

рассматривающие гендерный аспект процесса выдвиженчества [1, 10].

Тем не менее, необходимо отметить, что явление «выдвиженчества» в Советской России нуждается в дальнейшем изучении. В первую очередь это касается процессов, происходивших на региональном уровне, системная интерпретация которых, позволит воссоздать целостную картину участия выдвиженцев в партийно-государственной и хозяйственной жизни страны, оценить их вклад в становлении советской государства.

Целью данной статьи является изучение процесса формирования нового состава управленческих кадров в Брянской губернии в 1920-е гг.

В годы революции и Гражданской войны с помощью выдвижения предполагалось решить проблему отсутствия кадров в командном составе Красной Армии и в государственном управлении. Информация об остром дефиците кадров поступала в Центральный Комитет РКП(б) из разных регионов страны.

Процесс выдвижения форсировал «классовый подход» по отношению почти ко всем лицам непролетарского происхождения, находившимся на государственной службе. На выступлении на VII Всероссийском съезде Советов 8 декабря 1919 г. В.И. Ленин заявил: «Мы должны вводить в учреждения членами небольших коллегий, помощниками отдельных заведующих или

в качестве комиссаров достаточное число практически опытных и безусловно преданных рабочих и крестьян. В этом гвоздь! Таким образом вы будете создавать все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, пройдя все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места, исполняют такие же задания и готовят в нашем гражданском деле, в деле управления промышленностью, в деле управления хозяйственной деятельностью такое же изменение командного состава, какое у нас происходит в военном ведомстве» [22, с. 430].

Можно согласиться с выводом авторов коллективной монографии «Власть и общество российской провинции в модернизационных процессах конца XIX – первой трети XX столетия», что «по своей идейно-политической сути выдвиженчество являлось средством укрепления социальной опоры власти и источником комплектования государственно-политических и управленческих структур идейно-преданными власти и режиму людьми» [4, с. 208].

Процесс «выдвижения», как правило, происходил по следующей схеме: из низших звеньев управленческого аппарата в более высокие, а из местных институтов власти – в центральный [21, с. 290]. Выдвигались новые специалисты через партийные комитеты и фракции профсоюзов, где существовали аттестационные комиссии, которые оценивали потенциал претендентов [18, с. 200].

Так, согласно отчета Брянского губернского экономического совещания от 1-го октября 1921 г.: «В августе месяце губпрофсоветом проведена мобилизация 314 профработников на работу по сбору продналога, мобилизованные на эту работу выдвинуты главным образом на организаторские работы. Партийный состав их – 35 коммунистов и 279 беспартийных. Привлечение отдельных выдвинувшихся рабочих через аттестацию профсоюзов применяется очень широко вплоть до назначения начальниками губуправлений и членами Президиума» [12, с. 30].

Основную же работу по выдвижению рабочих и крестьян на управленческие должности в Брянской губернии осуществлял губернский партийный комитет [10, с. 80]. Так, например, в закрытом информационном письме № 2 за декабрь 1924 г.

сообщалось, что «в течение последнего времени губкомом выдвинуты на судебную работу 20 товарищей и на прочие работы ответхарактера 15 товарищей» [15, л. 38]. Отмечалось, что решения губпартконференции подразумевали назначение на ответственную должность рядовых партийцев, а также выдвижение на руководящую уездную и губернскую работу в органах ОНО «из деревни батраков, честных бедняков и середняков крестьян» [15, л. 38].

В результате на губернском совещании выдвиженцев 14 ноября 1925 г. присутствовали, в основном, крестьяне. Выступая на совещании, заместитель председателя Почепского исполкома, Быков, заявил, что он, будучи простым крестьянином, был выдвинут на ответственную работу [6, л. 15]. Другой выдвиженец, сообщил, что до назначения на новую должность города не видел [6, л. 45].

«Выдвижение» управленцев из числа «классово-близких» должно было, по-видимому, служить упрочению новой власти среди широких масс. Действительно, некоторые выдвиженцы предлагали решения насущных проблем и вызывали доверие у населения. Например, Шатлов, выдвинутый в губземуправление, рассказал на совещании, что «когда крестьяне узнали, что губземуправлением судит выдвиженец, они, как только приходят, спрашивают: где выдвиженец?» [6, л. 47]. Шатлов, в свою очередь, не оставался безучастным к проблемам крестьян: «...крестьяне приезжают на суд и сидят где-то на траве, на дожде, не могут посидеть в комнате, где возможно было бы подождать суда. Заведующий пошел навстречу, и мы открыли справочное бюро» [6, л. 47].

Выдвиженец Климов, занимавший должность заместителя заведующего гублесотдела, в своём докладе на собрании, обращал внимание на то, что «крестьяне начинают чувствовать, что несмотря на свою неразвитость, они проникают в высшие организации...» [6, л. 30].

В тоже время, отмечая некоторые успехи на новой работе, выдвиженцы достаточно объективно оценивали свой уровень профессиональной компетентности. Поэтому знания старых специалистов имели большое значение в профессиональном становлении новых сотрудников.

Вместе с необходимостью быстро учиться выдвиженцам приходилось менять

привычный уклад жизни, отказываться от понятной и знакомой работы, поэтому не все специалисты с воодушевлением принимали новую должность. Например, Лемешев, проработавший на железной дороге 23 года, оказался выдвинут на пост заведующего отделом местного хозяйства Почепского исполкома. Мужчина рассказывал о своём выдвижении так: «Я привык к гудку паровоза и вдруг меня отрывают от родной работы и бросают на советскую работу. Я более месяца отказывался <...> только когда мне сказали, что если я не смогу хорошо вести работу, то моя работа всегда останется за мной, только тогда я согласился пойти на эту работу» [6, л. 49]. Интересно, что, несмотря на добросовестное исполнение новых обязанностей и множество рациональных предложений, Лемешев не скрывал, что ему не нравится «кабинетная» работа и призывал учитывать желание специалистов перед их выдвижением [6, л. 53-54]. Таким образом, выдвижение на руководящую работу не всегда в лучшую сторону меняло жизнь рабочих и крестьян.

Наличие трудностей в данном вопросе подтверждает статья «Ещё о выдвиженцах» опубликованная в 1925 г. в газете «Брянский рабочий». В статье обращается внимание на то, что отсутствие систематического характера выдвижения приводило к нерациональному использованию труда новых специалистов, что могло являться причиной отказа выдвиженцев от работы. Помимо этого отмечалось, что «выдвиженцы в низовых советских органах, сельсоветах, кресткомах не учтены» [2]. Но, несмотря на данные проблемы, представители власти сообщали о потребности в новых специалистах.

В закрытом информационном письме №4 Брянского губернского комитета Р.К.П. за июнь 1925 г. указывалось на то, что из-за роста серьезных заболеваний происходило «поредение старой партийной гвардии». Поэтому большое значение приобретало выдвиженчество [16, л. 11].

Похожая проблема отражена в отчете Г.С.П.С. к VII съезду профессиональных союзов в 1926 г. Согласно документу в Брянской губернии происходила «естественная убыль» трудящихся, а также возросли требования к руководителям хозработой. В связи с этим требовалось обращаться к новым специалистам [14, с. 98,99].

«Однако порой люди, намеченные в

выдвиженцы, долго ожидали получения соответствующей должности, что не согласуется с представлением о дефиците кадров, который должно было удовлетворить выдвиженчество» [10, с.79]. Поэтому, прежде всего, выдвижение было вызвано задачами государства, а не дефицитом кадров на местах [10, с.79].

Известно, что руководящие партийно-советские кадры Брянской губернии, как и рядовые местные руководители, осознавали значение специального образования и с недоверием относились к выдвиженчеству [10, с.80].

Таким образом, процесс формирования новых кадров, сопровождался большим количеством проблем, требовавших своевременное решение. Информационный отчет ячейки Брянского завода «Профинтерн» за сентябрь-январь 1925–1926 гг. показал, что «выдвижение проходит не планомерно, а случайно без всякой подготовки и лишь только поэтому бюро ячеек был подвергнут более углублённой проработке, как в самом бюро, а также среди партактива» [16, л. 126]. Однако уже в докладе от 22 июня – 3 июля 1926 г. были отражены позитивные результаты работы с выдвиженцами. Отмечалось, что каждый цех был активно занят выдвижением лучших сотрудников, а «намеченные к выдвижению товарищи сами готовят себя к своей будущей работе» [16, л. 24].

В Брянской губернии росла потребность в управленческих кадрах. Поэтому в 1926 г. губсъезд комсомола в своих решениях отмечал необходимость введения в комсомоле института выдвиженцев. Для этого требовалось, в первую очередь, «учесть и начать работу наиболее способных, выдержанных и грамотных низовых активистов с целью подготовки их к ответственной руководящей работе в союзе, и планомерной замены ими старых активистов» [7, л. 35]. Процесс зачисления в институт выдвиженцев предполагалось осуществлять постановлением комитета. Выдвижение требовалось проводить осторожно, отправляя на работу в 1-2 волости 3-4 человека. На уездную/районную работу необходимо было выделить до 2-х выдвиженцев [7, л. 36].

Планировалось повышать политическую и общую подготовку выдвиженцев, а также пополнять их практические знания. Предлагалось ввести зачетное чтение

политической литературы. Практические навыки выдвиженцев должны были пополняться с помощью выполнения определенной работы волостного-уездного масштаба. Такая работа могла заключаться в обследовании организаций, докладах на совещаниях и т.д. На заседаниях комитета должны были регулярно обсуждаться вопросы о работе с выдвиженцами, а также предоставляться списки всех выдвиженцев [7, л. 36].

В отчете Брянского губкома ВКП(б) за декабрь 1925 г. – январь 1927 г. указывалось, что согласно сведениям, собранным на местах за данный период, насчитывалось 226 выдвиженцев: «Среди выдвиженцев мужчин 208 чел. (92%), женщин 18 чел. (8%). Квалифицированных рабочих 124 чел. или 54,9%; неквалифицированных рабочих 32 чел. или 14,1%, крестьян 45 чел. или 20%, служащих 25 чел. или 11% <...> На партийную и комсомольскую выдвинуто 26,2%, профессиональную 15,9%., административно-советскую 23,9%., хозяйств. и производств. 29,6%, кооперативную 4,4%. Внутри предприятия, села и т. п. 134 чел. или 59,3%/0; на волостную, районную и городскую 76 чел. или 33,6%; на уездную работу 10 чел. или 4,5%; на губернскую работу 6 чел. или 2,6%. Из 226 выдвиженцев за отчетный период сняты с работы 29 чел. или 12,8%, перемещены на равноценную работу 14 чел. или 6,2%, перемещены на меньшую работу 3 чел. или 1,3%» [13, с. 55]. Данные сведения показали, что многие проблемы сохранялись, и процесс выдвиженчества нуждался в дополнительном внимании со стороны власти.

Так, 7 апреля 1927 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) о задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат, в котором перечислялись ошибки и просчеты, сделанные за прошедшие годы. В постановлении отмечалось, что в той части госаппарата, где старые специалисты продолжали играть значимую роль, выдвижение замедлялось. Также обращалось внимание на то, что прежние способы выдвижения в виде отдельных кампаний, не решали всех проблем. Выдвижением, как правило, занимались партийные комитеты и ячейки, при этом многие беспартийные рабочие зачастую оказывались, не задействованы [11, с. 157].

Предполагалось, что кандидатуры для выдвижения должны были предварительно обсуждаться на собраниях рабочих и др.

Выдвижение следовало осуществлять на заранее назначенную должность. Парторганизации и профсоюзы должны были принимать во внимание способности и склонности выдвиженца для создания благоприятных условий труда [11, с. 158-159].

Кроме этого, в протоколе отмечалось, что главной формой для выдвижения рабочих и крестьянок были делегатские собрания. Они проводили общественный контроль над новыми специалистами и после их выдвижения в госаппарат. Отмечалось, что выдвижение рабочих и крестьянок проходило преимущественно по линии народного образования, здравоохранения и собеса, ввиду этого предлагалось осуществлять их выдвижение и в других сферах деятельности [11, с. 159].

Однако к 1928 г. данные задачи не были реализованы в регионе. Женщины представляли 75,6% от общего числа неграмотных в Брянской губернии. Именно отсутствие элементарных знаний, главным образом, препятствовало выдвижению женщин. Нередко даже те женщины, которые были готовы принимать участие в управленческой работе, не имели такой возможности. Во многом это происходило из-за недостаточного количества детских садов и яслей на территории губернии. Немаловажное значение в данном вопросе имело и критическое отношение мужчин к проявлениям женской социальной активности [1, с. 24].

В целом советская власть не решила за 1920-е гг. все поставленные задачи в деле выдвижения рабочих и крестьян на ответственную работу. На это указывают опубликованные в газете «Брянский рабочий» «Итоги и ближайшие задачи в борьбе с бюрократизмом. Тезисы доклада тов. Яковлева на 16-й Всесоюзной Партийной Конференции, одобренные Политбюро ЦК ВКП(б) за 1929 г. В качестве основных причин неудач выдвиженчества там были названы: «...сопротивление аппарата и отсутствие внимания со стороны партийных и советских органов подготовке выдвиженцев, недостаточная помощь выдвиженцам со стороны руководителей учреждений, неудачный, часто случайный, подбор выдвиженцев, не соответствующий требованиям, предъявляемым в работе государственного управления и недостаток кадров выдвижения в ряде отсталых районов» [3]. Кроме всего прочего конференция постановила:

выдвигать не «на работу вообще», а на заранее определенную должность. Требовалось обращать внимание на предварительную подготовку специалистов т. к. опыт показывал, что «коммунисты, не желающие учиться делу управления всерьёз, не вникая в существо порученной им работы, превращаются в ряде случаев в хвостик, прикрытие умных саботажников и вредителей и т. д.» [3]

В результате строгая система подчинения не способствовала формированию активных и ответственных работников. Массовое выдвижение людей без необходимой подготовки, повлекло за собой снижение культурного уровня трудящихся и усиление тоталитарной системы в будущем [4, с. 208]. Неудачи в деле выдвижения привели к тому, что 15 марта 1931 г. Политбюро приняло решение о полном завершении мобилизации рабочих на управленческую работу. В 1930-е гг. выдвиженчество имело уже другой характер, трагической стороной которого были чистки и репрессии [17, с. 97-99].

Цель, поставленная в рамках данной статьи, не предусматривает детального анализа процесса формирования новых кадров

1920-е гг. Однако рассмотренный материал даёт возможность на примере Брянской губернии определить часть проблем, которые сопутствовали выдвиженчеству. В Брянской губернии формирование партийно-государственных и хозяйственных кадров не имело планового и систематического подхода. Политические взгляды и происхождение играли главную роль в процессе выдвижения. Советская власть пыталась реализовать идеологические установки, привлекая к управленческой деятельности представителей пролетариата и крестьянства. Часто выдвижение новых специалистов происходило без предварительной подготовки. Не было систематического отбора выдвиженцев на обучение в техникумы и вузы. В связи с этим новые специалисты сталкивались с серьезными трудностями и допускали множество ошибок. Оторванные от работы квалифицированные специалисты оказывали необходимую помощь выдвиженцам, но действующая система была малоэффективной. В результате выдвиженчество не решило поставленных перед ним задач в 1920-е гг.

Список литературы

1. Алферова И.В. Трошина Д.В. Женщины – активистки и делегатские собрания как часть «советского проекта» в Брянской губернии (1920-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2019 (4). С. 18-28.
2. Брянский рабочий. 1925. № 163 (1854). 19 июля.
3. Брянский рабочий. 1929. № 86 (2977). 13 апреля.
4. Власть и общество российской провинции в модернизационных процессах конца XIX – первой трети XX столетия: монография / А.М. Белов, Т.И. Нигметзянов, Д.А. Волков [и др.]. Кострома, 2018. 300 с.
5. Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928–1937 гг.). Л., 1975. 168 с.
6. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1284. Л. 15, 25, 30, 45, 47, 49, 53, 54, 57.
7. ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1579. Л. 35-36.
8. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы: (Руководящие кадры гос. аппарата СССР). М., 2001. 225 с.
9. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М., 1966. 285 с.
10. Дубровский А.М. К оценке выдвиженчества // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 79-83.
11. Коммунистическая партия Советского Союза. В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 4. 1926–1929. С. 157-159.
12. Отчет Брянского Губернского Экономического Совещания (ГЭКОСО) на 1-е октября 1921 г. Брянск, 1921. 161 с.
13. Отчет Брянского губкома В.К.П.(б) к XIII губернской партийной конференции (декабрь 1925 г. – январь 1927 г.). Брянск, 1927. 119 с.
14. Профсоюзы Брянской губернии в 1926 г. Отчет Г.С.П.С. к VII съезду

профессиональных союзов. Брянск, 1927. 155 с.

15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 60. Д. 770. Л. 38.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 825. Л. 11, 24, 126.

17. Романова Н.В. Социокультурный облик коммунистов-выдвиженцев г. Мурома // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 290-292.

18. Фельдман М.А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Историческая социология. 2020. № 6. С. 93-102.

19. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социал. история Совет. России в 30-е годы. М. 2001. 332 с.; Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов-на-Дону. 1994. 140 с.

20. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов-на-Дону. 1994. 140 с.

21. Хроменкова Т.Н. Подготовка выдвиженцев на железнодорожном транспорте Западной Сибири в 1920-е – 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 6-1 (32). С. 200-202.

22. VII Всероссийский съезд советов 5-9 декабря 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. М., 1970. Т. 39. С. 430.

PROMOTION IN THE 1920S: GOALS AND RESULTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)

The article reveals the problem of the promotion of workers and peasants to leadership positions in the Bryansk province on the basis of archival material. The process of forming a new composition of managerial personnel in the first half of the 1920s was chaotic. Many nominees were not ready to quickly master a new profession and change the usual way of life. Workers and peasants, lacking the necessary experience and education, needed the help of qualified specialists. Some nominees expressed dissatisfaction with the appointment to a new position. Inattention to the abilities of specialists and the lack of systematic nature of the nomination led to irrational use of labor. In 1926, it was planned to increase the level of knowledge of workers and peasants by creating an institute of nominees in the Komsomol. The educational institution was supposed to carry out political and general training of nominees, as well as to replenish their practical knowledge. However, it took more time and attention from the local and central authorities to solve all the urgent problems. The sources used reveal some of the reasons for the failures of the Soviet government in the nomination and show that by the end of the 1920s in the Bryansk province it was not possible to create a new cadre capable of replacing old specialists in responsible work.

Keywords: nominees, leading cadres, Bryansk province, Soviet power, new intelligentsia.

References

1. Alferova I.V. Troshina D.V. (2019). Zhenshhiny – aktivistki i delegatskie sobraniya kak chast' «sovetskogo proekta» v Bryanskoj gubernii (1920-e gg.) [Women activists and delegate meetings as part of the "Soviet project" in Bryansk Province (1920s)]// Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019 (4). 18-28.

2. Bryanskij rabochij. [Bryansk worker]. 1925. № 163 (1854). July, 19.

3. Bryanskij rabochij. [Bryansk worker]. 1929. № 86 (2977). April, 13.

4. Vlast' i obshchestvo rossijskoj provincii v modernizacionny'x processax koncza XIX – pervoj treti XX stoletiya: monografiya. (2018). [The power and society of the Russian province in the modernization processes of the late XIX – first third of the XX century: monograph]/ A.M. Belov, T.I. Nigmatzyanov, D.A. Volkov [i dr.]. Kostroma, 2018. 300 s.

5. Volkov B.C. (1975). Kommunisticheskaya partiya i texnicheskaya intelligenciya v period stroitel'stva socializma v SSSR (1928–1937 gg.) [The Communist Party of the Soviet Union. In resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums (1898-1986). 9th ed., add. and ispr.]. Leningrad, 1975. 168 s.

6. Gosudarstvennyj arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1284. L. 15, 25, 30, 45, 47, 49, 53, 54, 57.

7. Gosudarstvennyj arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1579. L. 35-36.

8. Gimpel'son E.G. (2001). Sovetskie upravlency. 20-e gody': (Rukovodyashhie kadry' gos. apparata SSSR). [Soviet managers. 20s: (Senior personnel of the state apparatus of the USSR)]. Moskva, 2001. 225 s.

9. Drobizhev V.Z. (1966). Glavnyj shtab socialisticheskoy promy'shennosti: (Ocherki istorii

VSNX. 1917–1932 gg.) [The Main Headquarters of Socialist Industry: (Essays on the History of the Supreme Soviet. 1917-1932)]. Moskva, 1966. 285 s.

10. Dubrovskij A.M. (2012) K ocenke vy`dvizhenchestva [To the evaluation of the promotion] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. 79-83.

11. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza. V rezolyuciyax i resheniyax s`ezdov, konferencij i plenumov (1898–1986). 9-e izd., dop. i ispr. (1984) [The Communist Party of the Soviet Union. In resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums (1898-1986). 9th ed., add. and ispr.]. Moskva, 1984. T. 4. 1926–1929. 157-159.

12. (1921). Report of the Bryansk Provincial Economic Meeting (GEKOSO) on October 1, 1921, Bryansk, 1921. 161 s.

13. (1927). Report of the Bryansk Gubkom V.K.P.(b) to the XIII Provincial Party Conference (December 1925 – January 1927). Bryansk, 1927. 119 s.

14. (1927). Trade unions of the Bryansk province in 1926 Report of G.S.P.S. to the VII Congress of Trade Unions. Bryansk, 1927. 155 s.

15. Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii. [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 60. D. 770. L. 38.

16. Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii. [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 60. D. 825. L. 11, 24, 126.

17. Romanova N.V. (2013). Sociokul`turny`j oblik kommunistov-vy`dvizhencev g. Muroma [Socio-cultural image of the Communist nominees of Murom] // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2013. № 4. 290-292.

18. Fel`dman M.A. (2020). Vy`dvizhency 1917–1941 gg.: problematichnost` vosxodyashhej mobil`nosti [The nominees of 1917-1941: the problems of upward mobility] // Istoricheskaya sociologiya. 2020. № 6. 93-102.

19. Ficzpatrik Sh. (1994). Povsednevny`j stalinizm : Social. istoriya Sovet. Rossii v 30-e gody` [Everyday Stalinism: Social. History Advice. Russia in the 30s.]. Moskva. 2001. 332 s.

20. Xolms L. (1994). Social`naya istoriya Rossii: 1917-1941 [Social History of Russia: 1917-1941]. Rostov-na-Donu. 1994. 140 s.

21. Xromenkova T.N. (2013). Podgotovka vy`dvizhencev na zhelezнодорожном транспорте Zapadnoj Sibiri v 1920-e – 1930-e gg. [Training of nominees in the railway transport of Western Siberia in the 1920s – 1930s.] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2013. № 6-1 (32). 200-202.

22. VII Vserossijskij s`ezd sovetov 5-9 dekabrya 1919 g. [VII All-Russian Congress of Soviets December 5-9, 1919] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 t. [Lenin V.I. Complete works in 55 volumes]. Moskva. 1970. T. 39. 430.

Об авторе

Журавская Анастасия Викторовна — аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail nastya.zhuravskaya.95@mail.ru

Zhuravskaia Anastasia Victorovna — post-graduate student of the Department of national history, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail nastya.zhuravskaya.95@mail.ru

Кулачков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Россия)

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНЕ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена рассмотрению взаимоотношений крестьян и местной власти в период новой экономической политики. В современной отечественной историографии сложились неоднозначные и противоречивые оценки положения местной власти в период новой экономической политики. Наряду с выделением положительных черт в ее развитии авторы отмечают и существенные недостатки, которые были в целом характерны для властных институтов не только в 1920-е гг., но и ранее. В изучаемый период сельские советы сначала оказывали слабое влияние на жизнь деревни и даже были случаи, когда должность секретаря сельского совета занимал бывший волостной писарь, что свидетельствовало о дефиците профессиональных кадров. Также негативно отражались на деятельности сельских советов такие пороки как пьянство, взяточничество и бюрократизм. Сохранялась ситуация, когда не человек красил должность, а должность человека. Понятно, что в 1920-е гг. предпринимались попытки бороться с указанными негативными явлениями, но в силу различных причин они были малоэффективными. При этом взаимоотношения крестьян и местной власти в изучаемый период продолжали в целом дореволюционные традиции преклонения перед должностью. Одновременно сохранялся традиционный дуализм крестьянского отношения к властным структурам, который выражался в почитании представителей высшего эшелона власти и критическом отношении к местным начальникам. Сельские советы, представлявшие местные органы власти, слабо контролировали ситуацию, так как было мало грамотных управленцев, процветал бюрократизм, присутствовало соперничество с общинными структурами в виде сельского схода.

Ключевые слова: советская страна, новая экономическая политика, местная власть, крестьянство, деревня, взяточничество, бюрократизм, коррупция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-63-69

Общеизвестно, что эпоха новой экономической политики характеризуется такими качествами как переходность и неустойчивость, что подтверждают и свидетельства иностранцев. В частности, оценивая итоги визита британского политика, лейбориста Ч.Р. Бакстона, исследователь Е.А. Сулопарова отмечает, что «в целом представляется, что британскому лейбористу, несмотря на краткость визита, в значительной мере удалось уловить тревожную атмосферу русской деревни начала 1920-х гг., настороженность крестьян, их неуверенность в завтрашнем дне» [25, с. 79]. При этом в отношении крестьянства к власти присутствовал определенный дуализм — верховная власть хорошая, а местная власть никуда не годится и подвергается постоянной критике. В изучаемый период местный уровень власти был представлен сельскими советами, которых в 1922 г. в РСФСР было около 120 тысяч [11, с. 64]. Целью данной статьи является рассмотрение социально-правовых аспектов взаимоотношений крестьян и местной власти в период новой экономической политики.

Теоретической и методологической основой для данной статьи стали принципы

объективности, системности, альтернативности, историзма и конкретности. В работе использовались положения основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новой локальной истории». Однако у каждого из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо их применять в совокупности для достижения цели статьи. В результате значительно увеличивается пространство научного поиска, что, в свою очередь, способствует более беспристрастному и объективному постижению прошлого. Источниковую базу работы составили опубликованные и архивные материалы с привлечением сведений из средств массовой информации.

В современной отечественной историографии исследователи уделяют значительное внимание изучению данной проблематики. В частности, Ю.С. Кукушкин в работе, опубликованной в 2012 г., достаточно позитивно оценивает деятельность органов местного самоуправления. По его мнению «...Советское государство, с первых шагов своего становления провозгласив курс на широкое использование традиций россий-

ской государственности, поощрение коллективизма в системе местного самоуправления, вовлекало в активную политическую жизнь русское крестьянство» [12, с. 78].

В какой-то мере его мнение поддерживает А.А. Иванов, который считает, что «материалы вводимого в научный оборот документального комплекса еще раз убедительно показывают, что традиционный институт крестьянского самоуправления — община — в новых, советских, условиях ничуть не изменился по своей сути, более того, пережил своего рода второе рождение, показал себя необычайно жизнеспособным и всеобъемлющим, способным обойтись без внешней политической надстройки в лице привнесенных в деревню органов советской власти» [7, с. 176-177].

Однако другие авторы настроены более критически и отмечают, что органам местной власти были присущи многие пороки, унаследованные из дореволюционного прошлого. Так, Е.В. Булюлина обоснованно отмечает, что «...организационно-практической работе местных органов советской власти — волисполкомов и сельсоветов на протяжении всего рассматриваемого периода были присущи серьезные недостатки: канцелярско-бюрократическое руководство со стороны вышестоящих органов, недостаточная связь с населением, подмена коллективной работы административной деятельностью председателя и секретаря, отсутствие контроля за исполнением решений. Думается, эти пороки управления чрезвычайно живучи и не принадлежат только к конкретному историческому периоду» [3, с. 132].

И.А. Тропов считает, что «советский аппарат управления в начале 20-х гг. находился в состоянии внутреннего кризиса, связанного со слабостью его организационной структуры, нехваткой квалифицированных (да и просто грамотных) специалистов, тяжелым материальным и морально-психологическим положением советских управленческих кадров в связи с экономическим кризисом и резким поворотом к нэпу» [26, с. 34].

Таким образом, в современной отечественной историографии сложились неоднозначные и противоречивые оценки положения местной власти в период новой экономической политики. Наряду с выделением положительных черт в ее развитии

авторы отмечают и существенные недостатки, которые были в целом характерны для властных институтов не только в 1920-е гг., но и ранее. Можно сказать, что данные недостатки имеют системный характер, что не позволяет избавиться от них и в современную эпоху.

Одновременно с вышесказанным следует заметить, что в периодической печати размещались апологетические заметки о том, как эффективно работали отдельные сельсоветы. Например, в газете «Наша деревня» была опубликована информация «Секции Каменского сельсовета расшевелили крестьян. Через секции строится культурная деревня» (автор - А.Н. Машковский с. Каменский хутор, Чуровичской вол.). В заметке описывается каких успехов добился Каменский сельсовет, которым руководит товарищ Костюков. В частности, «организованы красные уголки, ликпункты, соблюдается чистота и порядок. Через секции крестьяне становятся умелыми хозяевами своего района» [20, с. 3]. В результате был сделан вывод, что «наше желание, чтобы работники других сельсоветов, селькоры и крестьяне поделились через газету результатом работы своих секций чтобы рассказали, как эти результаты получились. Это даст хороший толчок к тому, чтобы крестьянский актив еще упорнее взялся за стройку новой советской деревни» [20, с. 3].

Однако эффективность деятельности сельсоветов была значительно снижена из-за нехватки профессиональных кадров, о чем говорилось в информационной сводке Гомельского губернского ЧК за 2 декабря 1920 г. — 1 января 1921 г. [4, с. 131]. В свою очередь в архивных материалах Западного обкома ВКП (б) за 1929 год о массовой работе сельсоветов Западной области также содержится информация о том, что невысокий уровень заработной платы сильно снижает активность сельских советов [6, л. 180-182, 187]. Следует иметь в виду, что в изучаемый период сельским советам приходилось конкурировать с традиционным общинным управленческим институтом — сельским сходом [14, с. 156-157].

В связи с этим В.П. Булдаков обоснованно считает, что «сельсоветы, длительное время лишенные финансовой самостоятельности, оставались в подчинении сельского схода, точнее — его руководителей» [2, с. 296]. Не стоит забывать и о том, что

в выборах в сельский совет могли участвовать все деревенские жители, а в работе схода могли принимать участие только домохозяева. При этом по данным ЦСУ СССР «в 1927 г. 91,1% земель, находившихся в пользовании крестьян, в том числе 93,6% земель в Сибири и 99,8% на Дальнем Востоке, были общинными» [8, с. 120-121].

Сначала сельские советы оказывали слабое влияние на жизнь деревни и даже были случаи, когда должность секретаря сельского совета занимал бывший волостной писарь. Известно, что в дореволюционный период эта должность на местном уровне была довольно значимой, как и должность волостного старшины. Хуже положение было у сельских старост, которые находились в промежуточном состоянии. Можно согласиться с А.Я. Лившиным в том, что «особое недовольство сельских активистов рождала двойственность их положения: с одной стороны, он – рядовой сельский труженик, ведущий свое хозяйство и третируемый вышестоящими партийными структурами. Но, с другой стороны, формально он причастен к власти и, по крайней мере, так видится односельчанам» [17, с. 106-107].

Изучая ситуацию, которая сложилась в 1920-е гг., следует сказать, что было весьма распространено пьянство, которое не обошло стороной и ответственных работников [14, с. 160-164]. Например, в информационной сводке Гомельского губернского ЧК за 2 декабря 1920 г. – 1 января 1921 г. содержится информация, что должностные преступления встречаются часто и «...замечается пьянство ответственных работников» [4, с. 131]. Письмо крестьянина Брянской губернии С.А. Карнеева в редакцию «Крестьянской газеты» содержит данные о том, что сданные крестьянами сельсовету деньги часто пропивались [13, с. 115].

В периодических изданиях 1920-х гг. также можно встретить стихотворные произведения, в которых критиковалась местная власть, представленная сельскими советами. Так, в газете «Наша деревня» было опубликован стих «Сорный сельсовет», автор – Валуйкин. Его предваряло краткое содержание, что из-за неподготовки Валуйцкого сельсовета Юдиновской волости, зерноочистительный обоз, простоявший в селе несколько дней, уехал, не отсортировавши ни одного зерна:

«Мы за сев взялись всерьез,
Сорняки на что нам.
Ранним утром мчит обоз
На село со звоном.
Каждый знает в чем наш вред,
Сор съедает тыщи.
К нам навстречу вышел пред,
Выпучив глазищи.
- Не готово у меня,
Время нет. Понятно?
Простоявши зря три дня,
Двинули обратно.
Разгильдяев, вахлаков,
Мало-ль их, на свете?
Нету хуже сорняков,
Чем у нас в совете» [21, с. 4].

Кроме пьянства, банальным и распространенным явлением являлось взяточничество [14, с. 164-165]. В современном мире борьба с коррупцией является одной из главных проблем, решить которую не получается уже длительный промежуток времени [14, с. 165-166]. Так, А.И. Бакшеев на основе анализа разнообразного материала нэповской Сибири пришел к выводу, что «в результате взятка как общественное явление в период НЭПа вошла в жизнь практически всех социальных сфер и слоев общества» [1, с. 166].

Современные исследователи отмечают, что в 1920-е гг. предпринимались попытки бороться со взяточничеством, однако в силу различных причин они были малоэффективны. По мнению М.А. Петрова и К.А. Прозоровской «значительное место занимало взяточничество, которое росло пропорционально с развитием рыночных отношений. Воронежский ГубКом РКП(б) в начале 1922 г. в обращении к членам партии констатировал: «Громадное распространение получило взяточничество, оно грозит уничтожением всех наших завоеваний за последние 5 лет революции. Взятка стала обычным явлением (смазка) в нашей жизни, коммунисты смотрят сквозь пальцы на взятку» [24, с. 176]. Г.М. Маркосян резюмирует, что «период новой экономической политики просто расширил возможности для масштабной коррупции» [19, с. 13]. В работах автора данной статьи также предпринимаются попытки рассмотрения девиантного поведения крестьян в период новой экономической политики [15;16]. Таким образом, власти признавали проблему существования взяточничества, однако предпринимаемые меры были малоэффективными и не давали

желаемого результата.

При этом даже создание в сентябре 1922 года специальной комиссии по борьбе с взяточничеством во главе с Ф. Э. Держинским не помогло радикально решить данную проблему. Однако опыт комиссии послужил основой для последующих ведомственных учреждений и построения антикоррупционных институтов. В свою очередь в 1922 году Брянский губернский комитет партии дал указание провести агитационную кампанию по борьбе со взяточничеством, согласно которому «... взятки должны быть искоренены быстро и решительно» [14, с.165]. По информации С.А. Елизарова «на местах в начале 1920-х гг. создавались специальные комиссии по борьбе со взяточничеством. В Гомельской губернии такая комиссия во главе с зампредгубисполкома Дубиной А. В. действовала с 1922 г.» [9, с.232]. Однако дальнейшее развитие событий показало, что взяточничество и до сих пор является одним из наиболее распространенных правонарушений [14, с.169].

При проведении налоговых и выборных кампаний также не обходилось без взяток, что подтверждают данные современных исследователей. В частности, А.И. Бакшеев правомерно считает, что «взяточничеством сопровождался и процесс взимания налогов. Крепкие хозяева облагались налогами и взятками, что позволяло обогащаться чиновникам, в ведении которых находилось определение предметов налогообложения» [1, с.167]. Можно согласиться с мнением В.В. Никулина о том, что «опыт борьбы с коррупцией в 1920-е годы свидетельствует о том, что, несмотря на жесткие законодательные меры, коррупция в форме взяточничества оказалась непобежденным явлением советско-российской действительности, оставаясь самой существенной составляющей номенклатурной преступности» [23]. По всей видимости, коррупцию победить полностью невозможно, есть лишь шансы снизить ее уровень.

Продолжая рассматривать негативные аспекты сельской действительности 1920-х годов, можно сказать, что не человек красит должность, а должность человека. Так было и в эпоху новой экономической политики, о чем свидетельствует отчет о партийной работе в Маклаковской волости Брянской губернии за 1924 г. В

нем отмечается, что партийцы «...стараятся выделиться из нее (крестьянской массы – В.К.), показывая себя выше обыкновенного смертного» [5, л.10,13об.]. Впрочем, и сейчас многое остается без изменений в этом смысле.

Исследователи отмечают, что корни ситуации в изучаемой сфере в 1920-е гг. находятся в дореволюционном прошлом. Так, И.Е. Кознова верно считает, что «известна и народная расшифровка аббревиатуры ВКП (б). Учитывая это, власть в 1920-е гг. пыталась внедрить в массовое сознание идеологически выверенный образ крепостной эпохи, опираясь и на крестьянские свидетельства, например, на воспоминания стариков о наказаниях крестьян помещиками» [10, с.448]. Л. Н. Мазур придерживается мнения, что «позиции бюрократии в сельском обществе определяются не столько чином, сколько особенностями традиционного сознания, особым сакральным отношением крестьян к власти, что способствовало распространению авторитарного типа чиновника» [18, с.563].

Вообще бюрократизм, как и многие другие дореволюционные «пережитки прошлого», процветали в 1920-е гг. Об этом свидетельствуют заметки и сообщения в средствах массовой информации. Так, в газете «Наша деревня» от 22.01.1928 г. № 10 (244) была опубликована заметка «Не загонять болячки внутрь, а вскрывать их». В ней указывалось, что «борьба с бюрократизмом и волокитой еще в течение долгого времени будет стоять в порядке дня нашей повседневной работы, ибо корни этого зла мы не в состоянии вырвать сразу без остатка» [22, с.2]. В итоге делался вывод, что необходимо «не загонять внутрь наши болячки, а безбоязненно вскрывать и общими силами изживать их – вот наш путь» [22, с.2].

Таким образом, взаимоотношения крестьян и местной власти в период новой экономической политики продолжали в целом дореволюционные традиции преклонения перед должностью. При этом сохранялся традиционный дуализм крестьянского отношения к властным структурам, который выражался в почитании представителей высшего эшелона власти и критическом отношении к местным начальникам. Сельские советы, представлявшие местные органы власти, изначально слабо контролировали ситуацию, так как суще-

ствовал дефицит квалифицированных кадров, процветал бюрократизм, присутствовало соперничество с общинными структу-

рами в виде сельского схода. По мнению автора, системный характер перечисленных недостатков до сих пор негативно влияет на эффективное развитие нашей страны.

Список литературы

1. Бакшеев А.И. Коррупция как социальное явление в нэповской Сибири // Федерализм. № 1 (73), 2014. С.163-170.
2. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – Изд.2-е, доп. М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.
3. Булюлина Е.В. Местная власть: волостные исполкомы и сельские советы в Нижнем Поволжье в 1920-е гг. // Власть. № 6, 2010. С.129-132.
4. Гомельская губерния. 1919-1926 гг.: документы и материалы / сост.: М.А. Алейникова [и др.]; редколл.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск: НАРБ, 2009. – 266 с.
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.П-1.Оп.1. Д.1229.
6. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 337.
7. Иванов А.А. Сельский социум 1920-х годов в материалах Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1, 2017. С.169-177.
8. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917-1927/ЦСУ СССР. - М.,1927. – 514 с.
9. Елизаров С.А. Советский государственный служащий в первые годы советской власти: проблемы трудовой и исполнительской дисциплины // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы VII международной научной конференции (г. Гомель, 23-24 мая 2013 г.). Гомель, 2013. С.231-233.
10. Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016. – 463 с.
11. Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921-1932). М.: Издательство МГУ, 1968. – 294 с.
12. Кукушкин Ю.С. Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских советов в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 4, 2012. С.70-79.
13. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. Автор-составитель: С. Крюкова. - М., 2001. – 230 с.
14. Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). - Брянск: БГИТА, 2014. – 330 с.
15. Кулачков В.В. Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. №1 (18), 2019. С.33-40.
16. Кулачков В.В. Документы архивов Смоленской области как источники для изучения правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. // Вопросы истории. № 6, 2019. С. 115-120.
17. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 341 с.
18. Мазур Л.Н. Сельская бюрократия в Советской России: к постановке проблемы // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей / отв. ред. А.И. Шевельков. – Коломна, 2013. С.561-566.
19. Маркосян Г.М. Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней // Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва, 2010. – 25 с.
20. Наша деревня, 25.01.1928, № 11 (245).
21. Наша деревня, 17.03.1928, № 39 (273).
22. Наша деревня, 22.01.1928, № 10 (244).
23. Никулин В.В. Социальные и правовые аспекты противодействия коррупции в советской России (1920-е годы) // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 1. – С. 24 - 61. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.1.749 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=749

24. Петров М.А., Прозоровская К.А. Девиантное экономическое поведение в России в период нэпа и в 1990-е годы: сравнительно-исторический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 9, № 3 (32), 2019. С.174-181.

25. Суслопарова Е.А. Русское село в начале 1920-х гг.: свидетельства британского лейбориста // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 6, 2018. С.62-80.

26. Тропов И.А. Сельские и волостные советы в России начала 1920-х гг.: особенности состава и деятельности // Вестник Череповецкого государственного университета. № 1-2 (37), 2012. С.31-34.

LOCAL AUTHORITIES AND PEASANTS IN THE PERIOD NEW ECONOMIC POLICY

The article is devoted to the consideration of the relationship between peasants and local authorities in the period of the new economic policy. In modern Russian historiography, there are ambiguous and contradictory assessments of the position of local authorities during the period of the new economic policy. Along with highlighting the positive features in its development, the authors also note significant shortcomings that were generally characteristic of government institutions not only in the 1920s, but also earlier. During the period under study, village councils at first had little influence on the life of the village and there were even cases when the post of secretary of the village council was held by a former parish clerk, which indicated a shortage of professional personnel. Such vices as drunkenness, bribery and bureaucracy also negatively affected the activities of village councils. There was a situation when not a person painted a position, but a person's position. It is clear that in the 1920s attempts were made to combat these negative phenomena, but for various reasons they were ineffective. At the same time, the relationship between peasants and local authorities in the period under study generally continued the pre-revolutionary traditions of worshiping duty. At the same time, the traditional dualism of the peasant attitude towards power structures was preserved, which was expressed in reverence for the representatives of the highest echelon of power and a critical attitude towards local bosses. Village councils representing local authorities controlled the situation poorly, as there were few competent managers, bureaucracy flourished, and there was rivalry with community structures in the form of a rural gathering.

Keywords: soviet country, new economic policy, local government, peasantry, village, bribery, bureaucracy, corruption.

References

1. Baksheev A.I. (2014) Corruption as a social phenomenon in NEP Siberia, *Federalizm*. no. 1 (73), 2014. S.163-170.
2. Buldakov V.P. (2010) *The Red Turmoil: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence*. (Moscow, 2010). – 967 S.
3. Bulyulina E.V. (2010) Local government: volost executive committees and village councils in the Lower Volga region in the 1920s., *Vlast'*. no. 6, 2010. S.C.129-132.
4. Gomel province. 1919-1926: (2009) documents and materials, sost.: M.A. Alejnikova [i dr.]; redkoll.: V.I. Adamushko [i dr.]. (Minsk, 2009). - 266 S.
5. State Archive of the Bryansk region (GABO). F.P-1.Op.1. d.1229.
6. State Archive of the Modern History of the Smolensk region (GANISO). F. 5. Op. 1. d. 337.
7. Ivanov A.A. (2017) Rural Society of the 1920s in the materials of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection of the RSFSR, *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. no. 1, 2017. S.169-177.
8. The results of the decade of Soviet power in numbers. 1917-1927, CSU SSSR. (Moscow, 1927). – 514 S.
9. Elizarov S.A. (2013) Soviet Civil servant in the early Years of Soviet Power: problems of labor and performance discipline, *Mentalitet slavyan i integracionnyye processy: istoriya, sovremennost', perspektivy*. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Gomel', 23-24 maya 2013 g.). (Gomel, 2013). S.231-233.
10. Koznova I.E. (2016) *The Stalin Era in the Memory of the Peasantry of Russia*. (Moscow, 2016). – 463 S.
11. Kukushkin YU.S. (1968) *Village Councils and class struggle in the countryside (1921-1932)*. (Moscow, 1968). – 294 S.
12. Kukushkin YU.S. (2012) Traditions of communal democracy in the formation and activity of village councils in the 1920s., *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. no. 4, 2012. S.70-79.
13. Peasant stories. (2001) *The Russian village of the 1920s in letters and documents*. Avtor-sostavitel': S. Kryukova. - M., 2001. – 230 s.
14. Kulachkov V.V. (2014) *The peasantry of the Western region of Russia in the 1920s*

(sociocultural changes). (Bryansk, 2014). – 330 s.

15. Kulachkov V.V. (2019) Peasant crime in the 1920s. (based on the materials of the Bryansk and Gomel provinces), *Istoriya: fakty i simvol'y*. no. 1 (18), 2019. S.33-40.

16. Kulachkov V.V. (2019) Documents from the archives of the Smolensk Region as sources for studying the Legal aspects of the Life of Peasants in the 1920s., *Voprosy istorii*. no. 6, 2019. S. 115-120.

17. Livshin A.YA. (2010) Moods and political emotions in Soviet Russia 1917-1932. (Moscow, 2010). – 341 s.

18. Mazur L.N. (2013) Rural Bureaucracy in Soviet Russia: to the problem statement, *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI veka: sbornik statej / otv. red. A.I. Shevel'kov*. (Kolomna, 2013). S. 561-566.

19. Markosyan G.M. (2010) Corruption in the USSR in the 1920s and the fight against it, *Avtoreferat diss. kand. ist. nauk*. (Moscow, 2010). – 25 s.

20. Our village. 25.01.1928, № 11 (245).

21. Our village. 17.03.1928, № 39 (273).

22. Our village. 22.01.1928, № 10 (244).

23. Nikulin V.V. (2014) Social and legal aspects of combating corruption in Soviet Russia (1920s), *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. – 2014. – № 1. – S. 24 - 61. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.1.749 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=749

24. Petrov M.A., Prozorovskaya K.A. (2019) Deviant economic Behavior in Russia during the NEP period and in the 1990s: a comparative historical analysis, *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*. t.9, no. 3 (32), 2019. S.174-181.

25. Susloparova E.A. (2018) The Russian village in the early 1920s: the testimony of a British Labour leader, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. no. 6, 2018. S.62-80.

26. Tropov I.A. (2012) Village and township councils in Russia in the early 1920s: features of the composition and activities, *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 1-2 (37), 2012. S. 31-34.

Об авторе

Кулачков Вадим Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный инженерно-технологический университет», E-mail: vad2517@yandex.ru

Kulachkov Vadim Vitalievich — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Philosophy, History and Sociology. Bryansk State Engineering-Technological University, E-mail: vad2517@yandex.ru

УДК 004.9+94(47).048

Лохов А.Ю., кандидат исторических наук, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (Россия)

Еремин Е.И., доктор технических наук, профессор, Амурский государственный университет (Россия)

Нацвин А.В., Амурский государственный университет (Россия)

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. I

В работе рассматривается технология компьютерной реконструкции утраченного уникального исторического архитектурного комплекса, реализуемая с использованием различных источников по своему содержанию отражающих лишь фрагментарную справочную информацию по исследуемой проблеме. Таким образом, авторами в работе предпринят комплексный подход при воспроизведении уникального облика фортификационного укрепления, максимально соответствующего основной концепции строительства и требованиям, предъявляемым к военным оборонительным сооружениям исследуемого периода. Уникальность данной работы заключается в том, что в качестве инструмента выступает использование современных информационных технологий, которые позволяют не только вернуть утраченный облик первого военно-административного центра Приамурья, но и способствовать проведению перспективных исследований истории освоения Российского Дальнего Востока. В первой части описываемого исследования авторами уже успешно проведена апробация вышеуказанной технологии, по итогам которой были представлены результаты анализа топографических данных и элементарного моделирования крепостной стены Албазинского острога 1686 года постройки. Учитывая общую совокупность полученных данных, авторами предлагается достаточно оригинальная онтологическая модель общего устройства острога. Данная модель предполагает провести сравнение с уже существующими и ранее представленными другими исследователями моделями острога. Что в свою очередь позволяет по-новому взглянуть на исторические события героического противостояния русских первопроходцев и защитников земли русской против многократно превосходящего по численности и вооружению противника, изучить сильные и слабые стороны тактики противоборствующих сторон.

Ключевые слова: онтологический анализ данных, осада, топографическая карта, планиметрическая модель, сажень, земляной вал, «хрящ».

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-70-82

Введение

Албазинский острог был заложен в 1665 году казачьим атаманом Никифором Черниговским на месте даурского городка Якса, захваченного ещё в 1651 году отрядом Ерофея Хабарова, и оказался полностью разрушенным в 1689 году. Однако, за столь непродолжительный срок своего существования, можно выделить три этапа его развития: 1665-1682 гг. – малый острог; 1682-1685 гг. – большой острог; 1686-1689 гг. – деревоземляная крепость. Не смотря на наличие достаточно большого массива соответствующих исторических данных, многие вопросы, касающиеся детальной реконструкции общего устройства рассматриваемого архитектурного комплекса в различные периоды его жизненного цикла, остаются недостаточно проработанными. Причина названного обстоятельства обусловлена фрагментарностью исходной информации.

С другой стороны, использование современной технологии онтологического моделирования полностью утраченных архитектурных объектов позволило достаточно оригинально воспроизвести внешний облик Албазинского острога, имевший место на первых двух этапах его развития [5-9]. Таким образом, целью очередного исследования является реконструкция основных сооружений острога, имевших место на заключительном этапе его формирования.

Текущее состояние рассматриваемой задачи

Является очевидным, что сохранившиеся остатки крепостных валов изучаемого острога имеют непосредственное отношение к его последней конфигурации. Следует отметить, что к настоящему времени раскопками охвачено около 1670 кв. м площади Албазинского городища, что составляет примерно 15 % территории кре-

пости 1686 года в пределах ее внешних границ [1]. Однако большинство археологических раскопок затрагивают фортификационные элементы острога второго периода — южную проездную башню-колокольню, северо-восточную угловую башню, Воскресенскую церковь, а также большое число массовых захоронений третьего периода. Кроме того, в двухуровневом раскопе северо-восточной башни, представленной на рис.1, обнаружены остатки плетня внешней стены деревоземляной крепости [3]. Иными словами археологической информации необходимой для качественного решения поставленной задачи оказывается явно недостаточно.

В свою очередь, соответствующее содержание исторических документов, имеющих отношение к рассматриваемым событиям, позволяет весьма детально воспроизвести общую картину второй осады острога, достаточно подробно описанный в воспоминаниях китайского полководца Лантаня [14]. Кроме того, события на Амуре, связанные с противоборством России и маньчжурского Китая в XVII веке, не остались не замеченными и в Европе. При этом сведения о вооруженном конфликте доходили туда как через орден иезуитов, уже прочно обосновавшийся в Китае, так и европейских путешественников и дипломатов, посещавших в это время Россию. Таким образом, чрезвычайно важным информационным источником, необходимым для обеспечения обоснованного решения рассматриваемой задачи, является гравюра, изображающая осаду Албазина в 1686 году (рис.2), опубликованная в книге Н. Витсена «Северная и восточная Тартария» [9]. Следует отметить, что графических изображений подобной детализации сохранилось очень мало, поэтому переоценить существование названного документа практически невозможно.

Важным аспектом, определяющим сохранность остатков острога рассматриваемого периода, является то, что после заключения Нерчинского договора 1689 года данная территория являлась зоной отчуждения, как для русских, так и китайских поданных. Поэтому старые топографические карты Албазина, первая из которых была составлена Р. Мааком в 1855 году (рис. 3), являются значимыми с точки зрения фиксации фактического состояния Албазинского

острога и окружающей территории непосредственно после его разрушения.

При этом составленное им же описание Албазинского городища звучит следующим образом. Остатки Албазина состояли из идущего четырехугольником земляного вала с попарно параллельными сторонами длиной в 36 и 40 сажений. Выкопанные у внешней стороны валов рвы были достаточно ясно видны. Внутри крепости имели место несколько четырехугольных углублений, вероятно расположенных на местах, где стояли хлебные магазины. Кроме того, можно было различить ямы, предположительно оставшиеся на местах башен западного вала [9].

В свою очередь, исторические описания острога, доступные на текущий момент весьма скупо детализируют его устройство [2]. Архивными данными достоверно подтверждается только высота земляного вала (равная полутора печатным сажением) и его ширина по основанию (составляющая четыре сажени).

Таким образом, принимая во внимание явную недостаточность археологических и архивных данных, единственный физический макет Албазинского острога рассматриваемого периода представляет собой трехмерную репликацию исторического рисунка, составленного Витсеном (рис. 4).

Однако результаты современных исследований, проведенных амурским краеведом В.И. Трухиным, достаточно аргументировано показывают, что общее устройство внешних укреплений крепости было более сложным [9]. А именно, в углах крепостной ограды, так или иначе, должны были быть обустроены башни. Резюмируя обзор имеющихся научно-практических наработок, непосредственно связанных с задачей проводимого исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, исходный информационный массив, достаточно хорошо освещающий общую последовательность ключевых событий второй осады Албазинского острога, является недостаточным для обоснованной компьютерной реконструкции его внешнего облика. Во-вторых, существующие решения рассматриваемой задачи могут быть существенно улучшены путем онтологического согласования имеющихся исторических данных с общим устройством соответствующих архитектурных аналогов.

Сравнительный анализ топографических данных

Для проверки общей достоверности гравюры Витсена можно использовать старый план станицы Албазинской, представленный на рис. 5, на котором отражены отсутствующие в настоящее время остатки позиции исследуемых укреплений [4].

Рассматриваемый топографический план довольно детально показывает положение таких важных элементов, как остатки маньчжурского лагеря на левом берегу Амура, а также общий контур Албазинского острога. Кроме того, на карте отмечены остатки двойного вала, которые обозначены в качестве «русских укреплений». Однако непосредственная логика изучаемых исторических событий однозначно указывает на то, что рассматриваемые объекты представляют собой контрваланционную (внутренний вал) и циркуваланционную (внешний вал) линии, возведенные маньчжурской армией для предотвращения прорыва блокады русской крепости, а также прикрытия тыла осаждающих на случай подхода вражеских подкреплений. Помимо того на плане отмечены остатки укреплений, находящихся напротив северной стороны крепости, которые согласно гравюре Витсена можно интерпретировать как местоположение маньчжурской батареи.

В свою очередь, достаточный интерес вызывает задача совмещения вышеназванных топографических данных с современной картой, представленной спутниковым снимком, решение которой может дать дополнительную информацию полезную для оценки достоверности гравюры Витсена. Практическая реализация предлагаемого решения выполнялась в два этапа. На первом была осуществлена взаимная калибровка масштабов топографического плана 1899 года и спутникового снимка рассматриваемой местности. На втором этапе масштабно согласованные карты необходимо было наложить друг на друга с учетом совмещения определенных объектов выбранных в качестве реперов. Названное обстоятельство обусловлено временным смещением истинного севера, влияющим на историческое направление оси Север-Юг.

В качестве реперных объектов были выбраны, во-первых, контуры валов Албазинского острога, присутствующие на каждой из рассматриваемых карт. Во-вторых,

протока Старица (карта 1899 года), остатки старого русла которой идентифицируются на спутниковом снимке. В-третьих, местоположение остатков северной китайской батареи, отмеченных на карте 1899 года, и до сих пор сохранившихся на местности.

Следует отметить, что результат практического совмещения карт, показанный на рисунке 6, выявил угловую разницу между соответствующих направлений осей Север-Юг порядка восьми градусов. Адекватность полученного решения, помимо корректного совмещения выбранных реперов, подтверждается достаточно точным совпадением русла современного ручья и реки, изображенной на карте 1899 года, а также некоторых перекрестков старых и современных улиц.

Детализация спутникового снимка, выполненная на участках возможного нахождения остатков китайских позиций, заимствованных с карты 1899 года и отмеченных на синтетическом топографическом плане красным цветом, показала, что данные элементы в настоящее время на местности отсутствуют. Однако их общая конфигурация, вскрывающая структуру двойного внешнего вала китайских укреплений, достаточно точно соответствует данным Витсена. При этом имеющийся на карте прямоугольный участок может быть интерпретирован в качестве юго-восточного маньчжурского лагеря. Таким образом, на базе рассматриваемых данных была предпринята попытка реконструкции общего контура контрваланционной и циркуваланционной линий, реализованная посредством экстраполяции их фактически подтвержденных фрагментов с учетом прямоугольной конфигурации маньчжурских лагерей, отмеченных на гравюре Витсена. Результаты экстраполяции представлены на рисунке 6 линиями синего цвета. Кроме того, один из достроенных участков оказался соприкасающимся с прямоугольной насыпью, отмеченной на карте 1899 года, что позволяет интерпретировать ее в качестве остатков дальней восточной батареи, изображенной Витсеном.

Анализируя полученную картину, можно заметить, что предлагаемая реконструкция выглядит достаточно правдоподобной с точки зрения военного искусства. При этом сопоставление полученной картинки с общим содержанием гравюры Витсена указывает на их топологическое соответствие.

Однако данные исторического изображения являются довольно условными, т.е. они не обеспечивают требуемого уровня детализации структурных данных необходимых для компьютерной визуализации исследуемого архитектурного комплекса.

Онтологическая модель устройства крепостной ограды

В ряде архивных документов Албазинская крепость постройки 1686 года называется «земляным городом». Кроме того, сохранились сведения, что «...Его стена [Албазина] сделана из двух рядов бревен, засыпанных посередине землей» [14]. Таким образом, можно представить конструкцию крепостной ограды в виде двойной стены, внутреннее пространство которой было засыпано грунтом, извлеченным из внешнего защитного рва. Рассмотрение соответствующих фортификационных аналогов указывает на то, что общее устройство данного элемента могло быть реализовано одним из способов, показанных на рис. 7 [13].

В свою очередь, сопоставительный анализ соответствия представленных конфигураций остаткам тына, обнаруженным археологической экспедицией Артемьева (рис. 1), вполне однозначно указывает на то, что основой «земляного города» являлась тыновая конструкция с плетнем (рис. 7, в). При этом верхняя часть тына, скорее всего, могла быть усилена различными способами, представленными на рис. 8 [13].

Таким образом, возможный вариант реконструкции устройства крепостной стены заключается в представлении ее в виде тыновой конструкции с внешним плетнем, имевшим высоту две с половиной печатные сажени, и внутренним плетнем высотой в полторы сажени. При этом внешний плетень мог быть усилен двойной бревенчатой стеной засыпанный «хрящем», а внутренний плетень, отстоявший от внешнего на две сажени, дополнительно усиливался наклонной земляной насыпью шириной в две сажени. Следовательно, общая ширина основания «земляного города» составляла четыре сажени, а высота — полторы сажени.

В свою очередь, следуя гравюре Витсена, крепостная ограда острога имела раскаты в середине каждой из его стен, обычно интерпретируемые как бастионы, которые предназначались для осуществления фронтального обстрела противника из

расположенных на них пушек, а также обеспечения возможности фланкирующего огня при непосредственной атаке крепостных стен. Следовательно, типовые крепостные бастионы имели форму пятиугольника, две стороны которого были перпендикулярны примыкающим к ним стенам (рис. 9) [13]. Учитывая предлагаемую авторами реконструкцию устройство деревоземляной ограды острога, основания бастионов обносились тыном и усиливались различными деревоземляными конструкциями, например, засыпанными землями корзинами (габионами).

Следует отметить, что на гравюре Витсена въезд в острог никак не обозначен. В свою очередь, сообщение с полем в деревоземляных крепостях всегда осуществлялось через проездную башню, которая возводилась от уровня местного горизонта [11]. Архитектурным аналогом рассматриваемой конструкции могут служить проездные башни Белгородского кремля (рис. 10) [10].

Таким образом, можно предположить, что шестиугольный бастион, изображенный Витсеном на восточном фасе крепости, является проездной башней рассматриваемого типа, развал которой оказался не накрытым кровлей. Данное утверждение подкрепляется тем, что предлагаемый вариант обустройства въезда в крепость совпадает с расположением восточной проездной башни острога 1685 года. При этом, следуя архивным данным, башни реконструируемой крепости были лишены кровли в связи с недостатком времени на их оборудование.

Детализируя общее устройство крепостной ограды, приходится учитывать ряд дополнительных обстоятельств. Согласно карте Семена Ремезова, составленной с участием Афанасия Бейтона, в остроге имели место угловые башни (рис. 11, а). Кроме того, наличие рассматриваемых фортификационных укреплений, по крайней мере, на восточном фасе крепости подтверждается топографическим планом, составленным археологической экспедицией В. Сухих. А именно, в южной и северной части вала обозначены уширения, которые могли быть оплывшими остатками оснований, на которых располагались башни (рис. 11, б) [15].

Следовательно, уместно предположить, что в углах острога были возведены

невысокие бревенчатые башни, обустроенные на раскатах, являвшихся неотъемлемыми элементами деревоземляного вала. Кроме того, принимая во внимание конструкцию северного и южного бастионов, угловые башни не выступали за границы крепостной стены, чтобы не создавать помехи при ведении фланкирующего огня, необходимого для поражения подошедшего вплотную противника. В свою очередь, адекватность предлагаемого решения подтверждается реальным расположением остатков внешнего тына крепостной ограды, обнаруженных при раскопках ее северо-восточного угла (рис. 1).

Комментируя представленное изображение, отметим, что тыновые конструкции деревоземляной крепостной ограды отмечены серым цветом, бревенчатые — светло-коричневым, а земляные насыпи — темно-коричневым. В свою очередь, объективное сравнение внешнего вида предлагаемой модели с гравюрой Витсена указывает на достаточно высокую степень их взаимного соответствия, несмотря на введение выше названных дополнительных элементов.

Размер Албазинского городища, занятый под строительство крепости, был не велик. Соответственно бастионы могли иметь размеры сопоставимые с острожными башнями и составлять 3—4 сажени (6—9 м) [4, с. 119].

Для раннего периода распространения бастионных систем в России (до XVIII в.) характерно размещение по верху земляных бастионных укреплений рубленной деревянной стены и даже башен. Деревянные надстройки являются самым ярким отличием русских крепостей бастионного типа от западноевропейских аналогов.

Деревоземляные «города» характеризовались сочетанием земляных укреплений (валы, рвы, бастионы) с деревянными. Например, Кумарский земляной городок, построенный в 1652 г., представлял собой четырехугольник в плане, огражденный валом и заполненным водой рвом со всех сторон. По углам были устроены бастионы, а на валу возвышался двойной палисад с заполнением промежуточного пространства речной галькой и песком. Посредине крепости стоял помост для трех пушек, которые могли стрелять в любом направлении. В Кузнецке в 1668 г. с приступной стороны был сооружен ров и вал высотой 2 м, сверху

на котором стояли насыпанные землей туры высотой 70 см. На дорогах на подступах к крепости были устроены земляные валы и рвы. На плане Илимского острога (1703 г., РГАДА) и реконструкции В. И. Кочадамова внешнего вида этого острога городки с деревянными башнями. Но в XVII в. деревоземляные укрепления были редкостью. В этот период они возводились только там, где возникала угроза столкновения с войсками маньчжурского Китая, вооруженными пушками [13, с. 199].

Все эти отступления от общепринятого расположения были следствием обстоятельств, в которых находился малочисленный отряд, сражавшийся на р. Амур с китайцами. Зная, что неприятель может подступить с огнестрельными орудиями, оборонявшийся гарнизон предпочел обычному тыну двойную ограду, составленную из тына и насыпанного сзади слоя земли [11, с. 103].

Ограниченное число орудий подало мысль сосредоточить их в одно место и расположить огневые позиции во внутренней ограде, с которых можно было вести стрельбу во всех вероятных направлениях атак неприятеля. Верхний бой производился открыто поверх тына и что помещением для стрелков служила земляная насыпь ограды, не доходившая до вершины тына на грудную высоту. Для образования же нижнего боя были оставлены в земляной насыпи сквозные отверстия. Вообще расположение этого острога составляет как бы переход от старого способа укрепления к более современному.

Деревоземляные укрепления Албазина были усилены "бастеями" - выступавшими за линию валов платформами, которые обеспечивали фланговый огонь орудий, более эффективный, чем пушки на башнях. Конструкция, состоявшая из земляной насыпи, укрепленной плетнем, называлась на Руси "китай-городом". Своим названием она обязана первому сооружению такого рода в России - московскому Китай-городу, заложенному в 1534 г. Петроком Малым [3, с. 78].

Сообщение с полем в земляных оградах с деревянной стеною производилось всегда чрез проездную башню, которая, простираясь от местного горизонта до вершины бруствера деревянных стен, а иногда и выше их, были огромнейшей высоты [11, с. 79].

Иногда внешние стены деревянных

башен рубили «в два бревна» или «в две стены», то есть они имели две стенки, пространство между которыми заполнялось землей. В таком случае у прямоугольных башен двойными делались три внешние стены, а внутренняя стена была простой одинарной («Три стены рублены в два бревна, стена от поля да сторонние две стены, от земли по обламки ширина меж стен полусажени, насыпано землею, а четвертая стена, которая в остроге, рублена в одну стену») [13, с. 159-160].

Заключение

После более детальной обработки исторических данных, объединение общей

совокупности всех вышерассмотренных фортификационных элементов крепостной ограды Албазинского острога периода постройки 1686 года дает возможность сформировать ее предварительную трехмерную модель, показанную на рис.12.

Тем самым, использование авторами современной технологии онтологического моделирования полностью утраченных архитектурных объектов позволило достаточно оригинально воспроизвести внешний облик Албазинского острога, так называемого «бастионного» типа, и достичь поставленной цель исследования, а именно произвести реконструкцию основных фортификационных сооружений острога, рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / *Забияко А.П., Черкасов А.Н.* – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019.
2. Албазинское воеводство: сборник документов / *Трухин В.И., Крюков В.В.* – Хабаровск: Библиотека Дальневосточного казачества, 2019.
3. *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999.
4. *Голубцов Н.З.* История древнего города Албазина. – Благовещенск, 1902.
5. *Еремин И.Е., Нацвин А.В., Лохов А.Ю.* Онтологическая модель острога Никифора Черниговского // Информатика и системы управления. – 2021. – № 4(70). – С. 13-29.
6. *Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Черкасов А.Н.* Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. IV // Информатика и системы управления. – 2020. – № 4(66). – С. 3-16.
7. *Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И.* Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. – 2020. – № 2(64). – С. 43-56.
8. *Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю.* Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. – 2020. – № 3(65). – С. 14-25.
9. *Еремин И.Е., Трухин В.И., Бугаев С.Н.* Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления. – 2019. – № 4(62). – С. 10-25.
10. *Ильин А.И., Лимаров А.И.* Белгородский кремль. – Харьков: Коллегиум, 2008.
11. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. – Ч. I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. – СПб.: Императорская академия наук, 1858.
12. *Маак Р.К.* Атлас к «Путешествию на Амур, совершенному по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 году». – СПб., 1859.
13. *Носов К.С.* Русские средневековые крепости. – М: Эксмо, 2013.
14. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: в 2 т. Т. 2 / *Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников.* – М.: Наука, 1972.
15. *Трухин В.И.* Албазинская крепость на карте «Чертеж реки Амура 1699 года» (опыт реконструкции внешнего вида крепости) // Вдалеке на том краю: сб. повестей, стихотворений, рассказов и статей. – Хабаровск: Полиграф-Партер, 2019. – С. 23-34.

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. I

The paper considers the technology of computer modeling of the general structure of a completely lost architectural complex, implemented on the basis of fragmentary reference information. The author's interpretation of the most reasonable reconstruction of the object under study is presented. The paper considers the technology of computer modeling of a lost unique historical architectural complex, implemented using various sources in their content reflecting only fragmentary background information on the problem under study. Thus, the authors have taken an integrated approach in reproducing the unique appearance of the fortification, which maximally corresponds to the basic concept of construction and the requirements for military fortifications of the period under study. The uniqueness of this work lies in the fact that the use of modern information technologies acts as a tool, which allow not only to restore the lost appearance of the first military-administrative center of the Amur region, but also to promote promising research on the history of the development of the Russian Far East. In the first part of the described study, the authors have already successfully tested the above technology, following which the results of the analysis of topographic data and elementary modeling of the fortress wall of the Albazin fort built in 1686 were presented. Taking into account the general totality of the data obtained, the authors propose a rather original ontological model of the general structure of the prison. This model assumes a comparison with the existing and previously presented by other researchers models of the prison. Russian Russian pioneers and defenders of the Russian land, which in turn allows us to take a fresh look at the historical events of the heroic confrontation of the Russian pioneers and defenders of the Russian land against the enemy who is many times outnumbered and outgunned, to study the strengths and weaknesses of the tactics of the opposing sides.

Keywords: ontological analysis, siege, topographic map, planimetric model, fathom, earthen rampart, "cartilage".

References

1. Artemyev A.R. (1999). *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv.* [Cities and prisons of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries]. Vladivostok: Publishing House of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.
2. Cherkasov A.N. (2019). *Albazinskiy ostrog: istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya.* [Albazinsky prison: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
3. Golubtsov N.Z. (1902). *Istoriya drevnego goroda Albazina.* [The history of the ancient city of Albazin]. Blagoveshchensk.
4. Eremin I.E. (2021). *Ontologicheskaya model' ostroga Nikifora Chernigovskogo.* [Ontological model of Nikifor Chernigov's prison]. *Informatics and control systems.* 4, 13-29.
5. Eremin I.E. (2020). *Trekhmernoye komp'yuternoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. IV.* [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 IV]. *Informatics and control systems.* 4, 3-16.
6. Eremin I.E. (2020). *Trekhmernoye komp'yuternoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. II.* [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 II]. *Informatics and control systems.* 2, 43-56.
7. Eremin I.E. (2020). *Trekhmernoye komp'yuternoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. III.* [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 III]. *Informatics and control systems.* 3,14-25.
8. Eremin I.E. (2019). *Trekhmernoye komp'yuternoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. I.* [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period of 1684 I]. *Informatics and control systems.* 4, 10-25.
9. Ilyin A.I. (2008). *Belgorodskiy kreml'.* [Belgorod Kremlin]. Kharkiv: Collegium.
10. Laskovsky F.F. (1858). *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. – CH. I.* [Materials for the history of engineering art in Russia]. – Part I. The experience of engineering research in Russia before the XVIII century. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Maak R.K. (1859). *Atlas k «Puteshestviyu po Amuru, sovershennomu po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu».* [Atlas to "A trip to the Amur, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855]. St. Petersburg.
12. Nosov K.S. (2013). *Russkiye srednevekovyye kreposti.* [Russian medieval fortresses]. Moscow: Eksmo.
13. Demidova N.F. (1972). *Russko-kitayskiye otnosheniya v XVII issledovanii.* [Russian-Chinese relations in the XVII century: Materials and documents: in 2 vols.]. Nauka, 1972.
14. Trukhin V.I. (2019). *Albazinskoye voyevodstvo: sbornik dokumentov.* [Albazin Voivodeship: collection of documents]. Library of the Far Eastern Cossacks.

15. Trukhin V.I. (2019). Albazinskaya krepost' na karte «Chertezh reki Amura 1699 goda» [Albazinskaya fortress on the map "Drawing of the Amur River in 1699"]. Far away on that edge: collection of novels, poems, short stories and articles. Khabarovsk: Polygraph-Parterre, 23-34.

Список иллюстраций

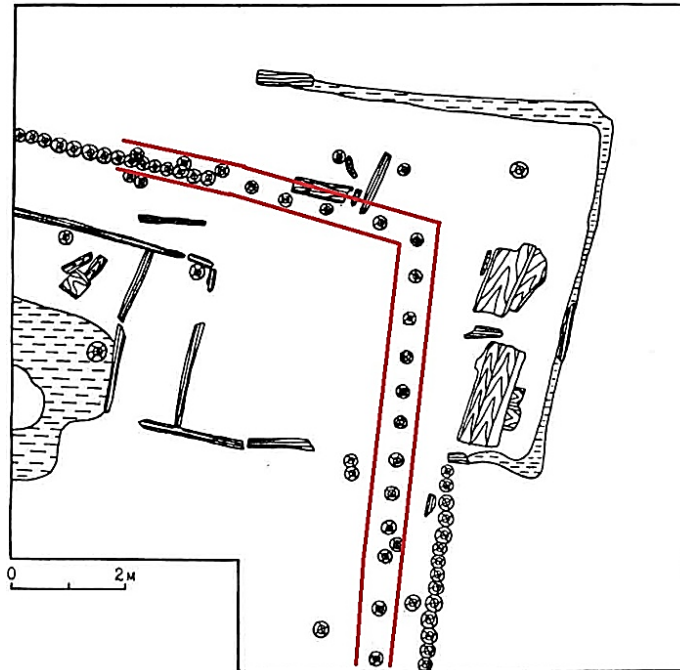

Рис. 1. Двухуровневый раскоп северо-восточной башни.

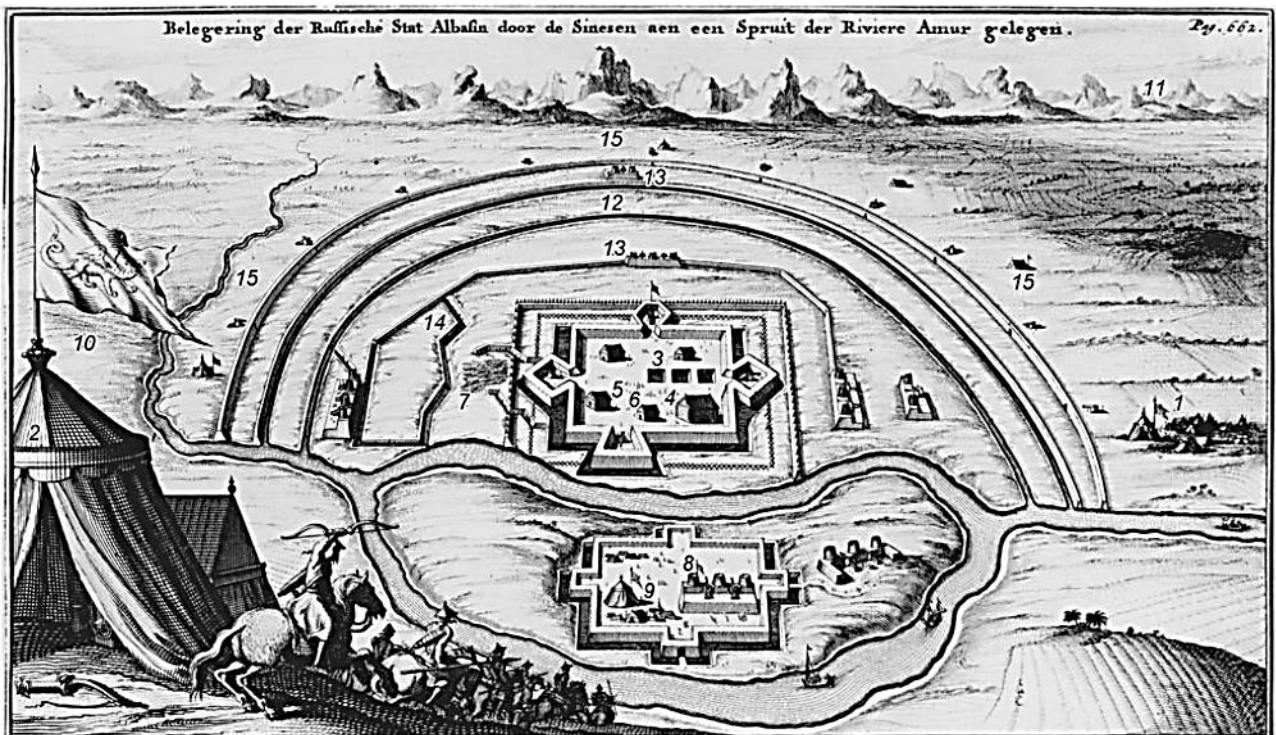

Рис. 2. Гравюра «Осада синцами русского города Албазина, стоящего на притоке реки Амур»: 1, 2 – шатры маньчжурского командования; 3 – землянки; 4 – оружейная изба; 5 – гранатный погреб; 6 – пороховой погреб; 7 – дрова, приготовленные маньчжурами для поджога крепости; 8 – маньчжурские укрепления, направленные против крепости; 9 – шатер высшего командования; 10 – белая гора; 11 – каменные горы; 12 – ров, вырытый маньчжурами; 13 – построенный маньчжурами вал; 14 – ближние позиции маньчжуров; 15 – маньчжурский лагерь.

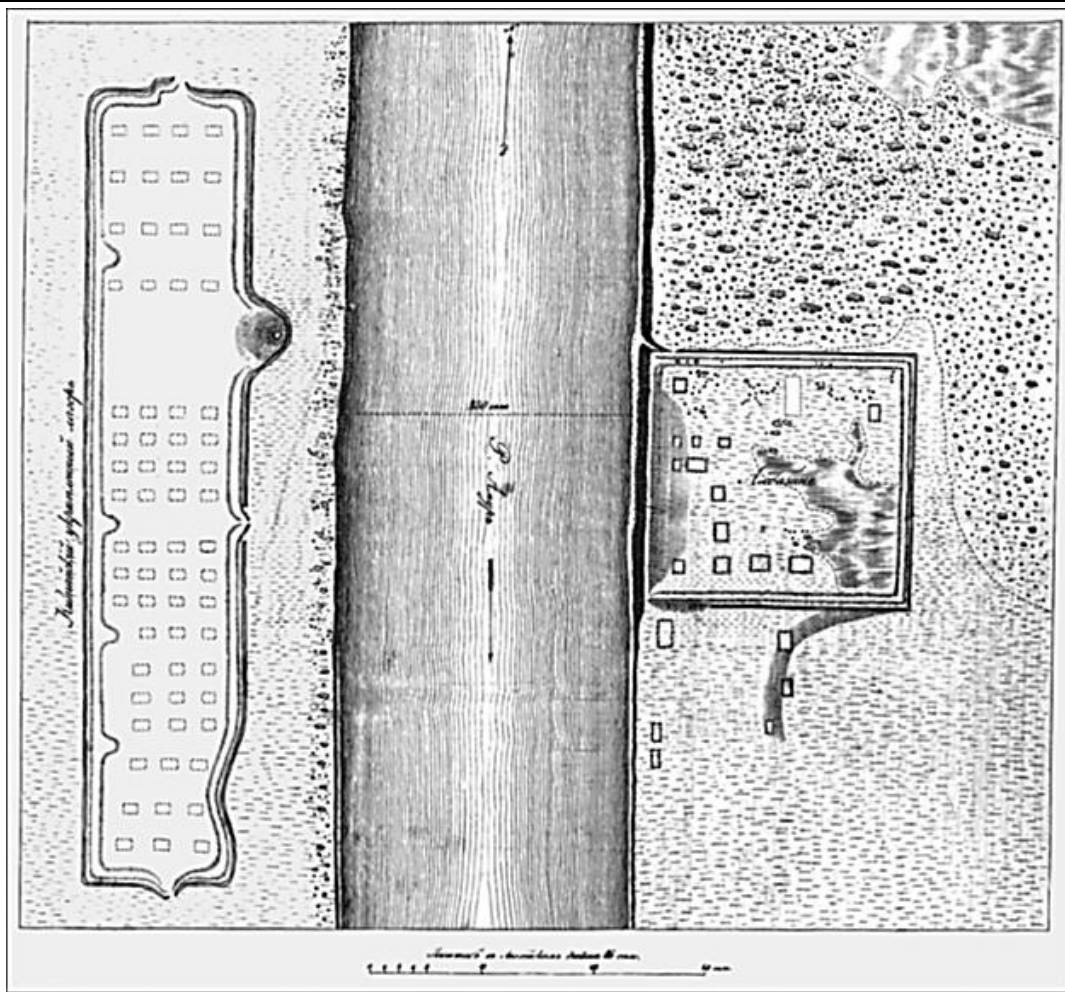

Рис. 3. Топографический план остатков острога, составленный Р. Мааком

Рис. 4. Макет острога, хранящийся в Албазинском краеведческом музее.

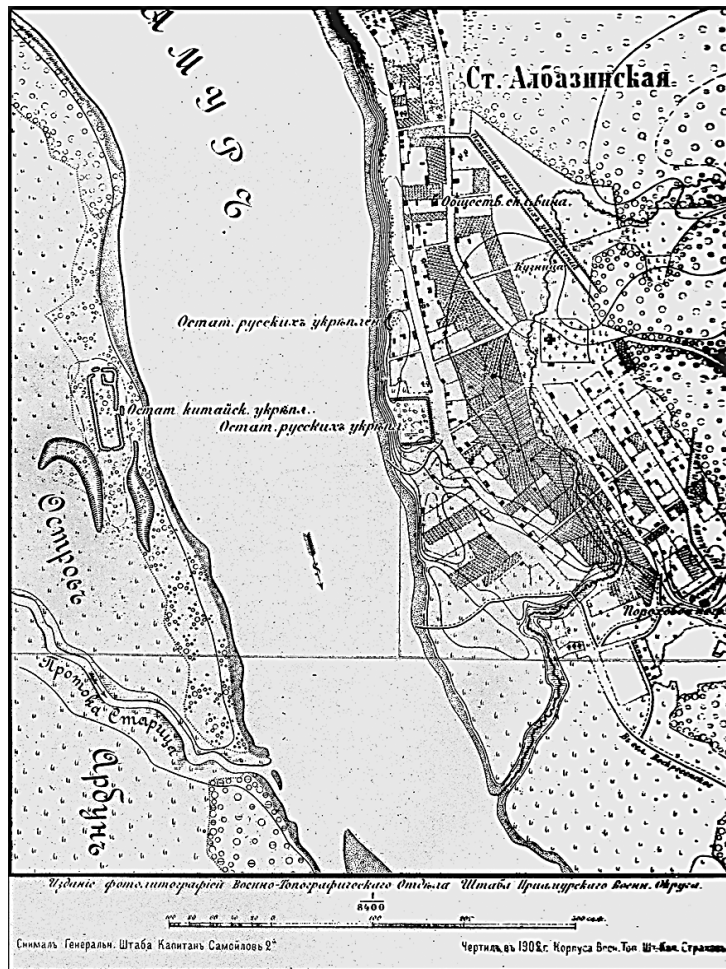

Рис. 5. План Албазинской станицы (топографическая съемка 1899 года).

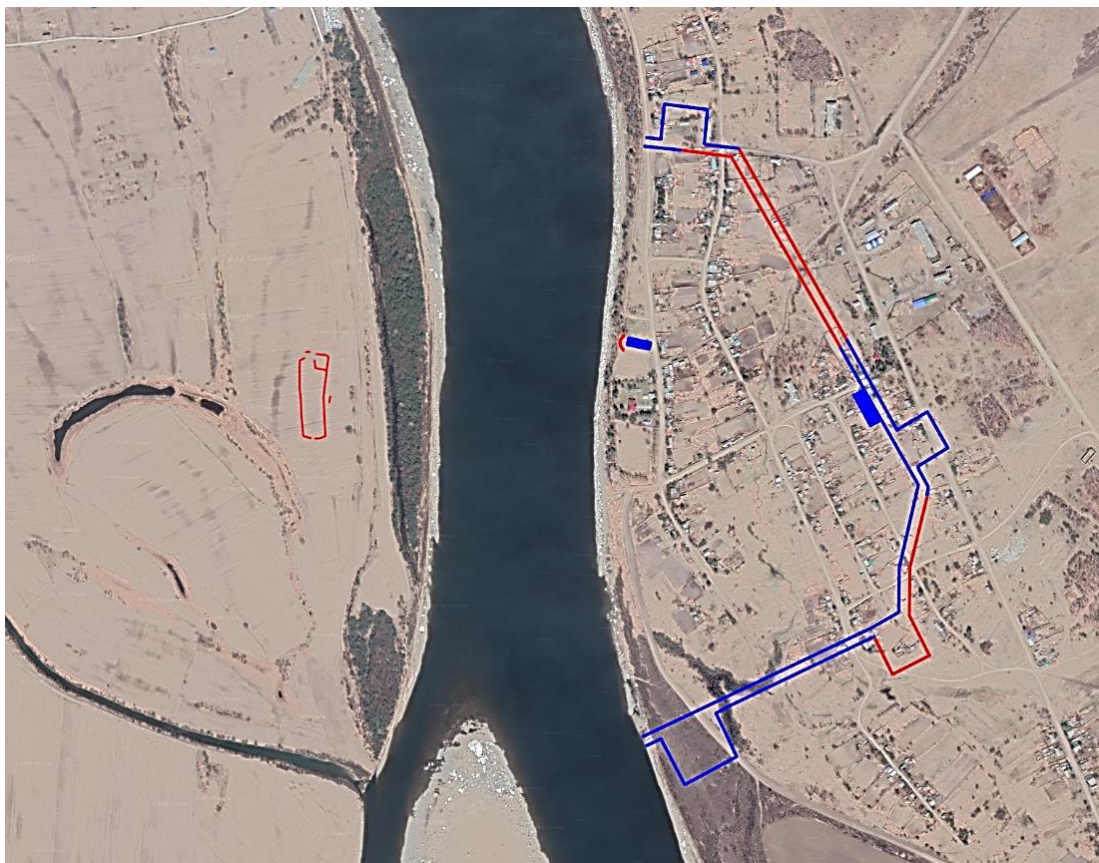

Рис. 6. Синтетический топографический план китайских укреплений.

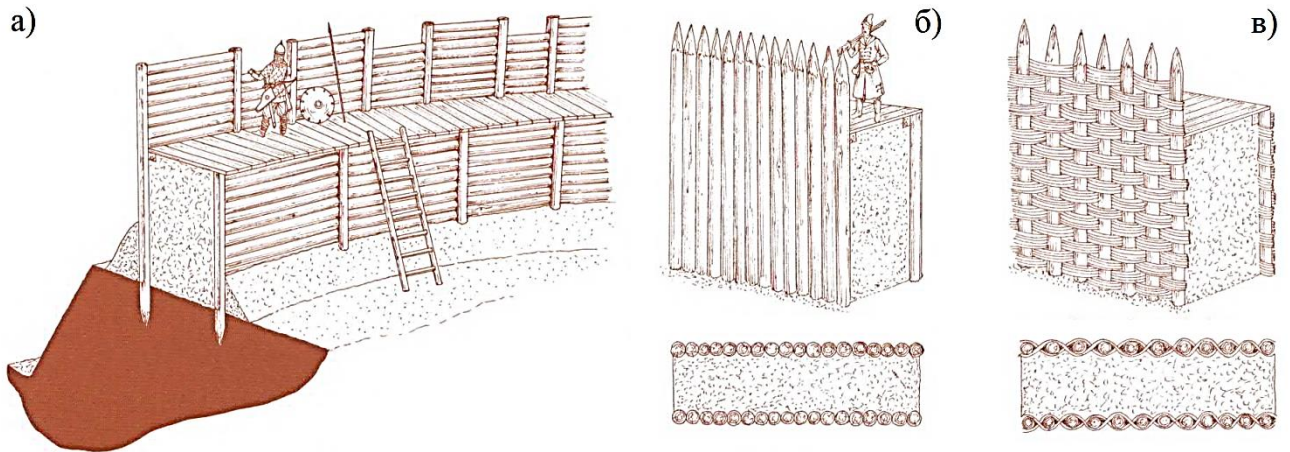

Рис. 7. Реконструкции двойных засыпных стен: а) – каркасно-столбовая конструкция; б) – сплошная тыновая конструкция; в) – тыновая конструкция с плетнем.

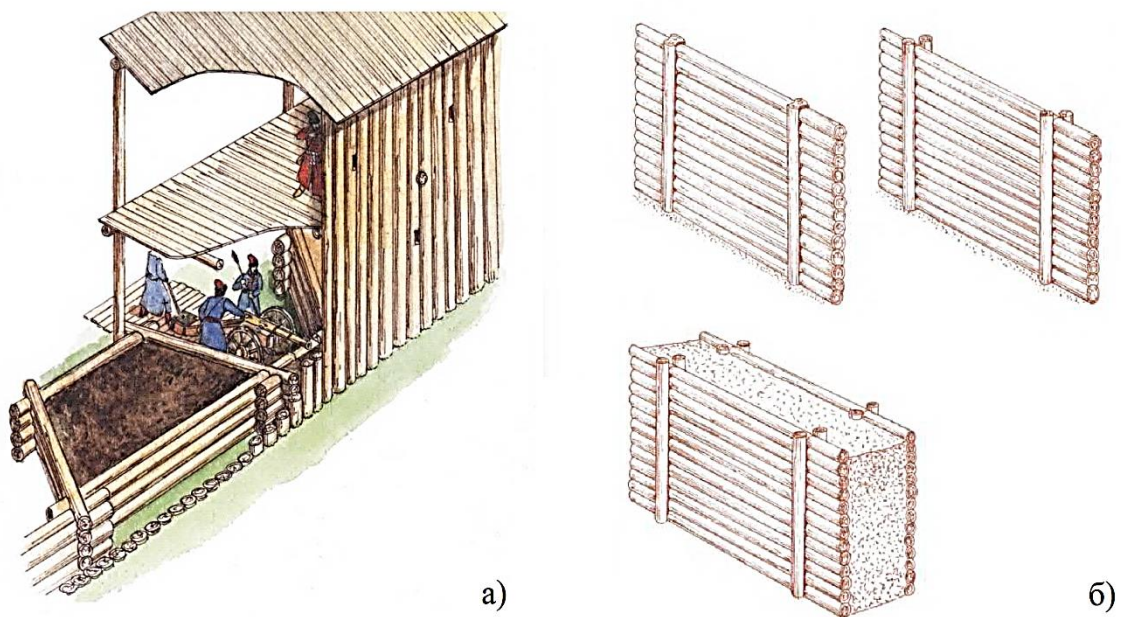

Рис. 8. Возможные варианты устройства боевых участков стены: а) – тарасная конструкция усиления внешнего тына двойной стены; б) – различные способы усиления тына бревенчатым забором.

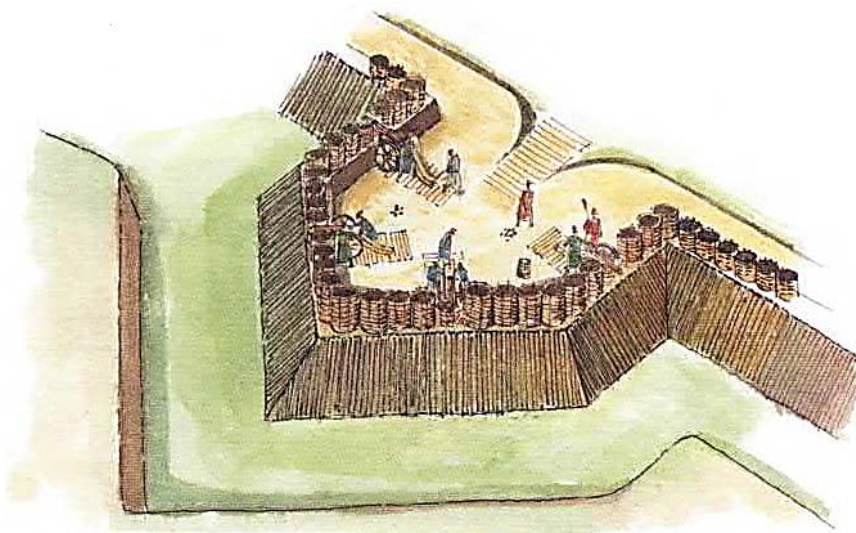
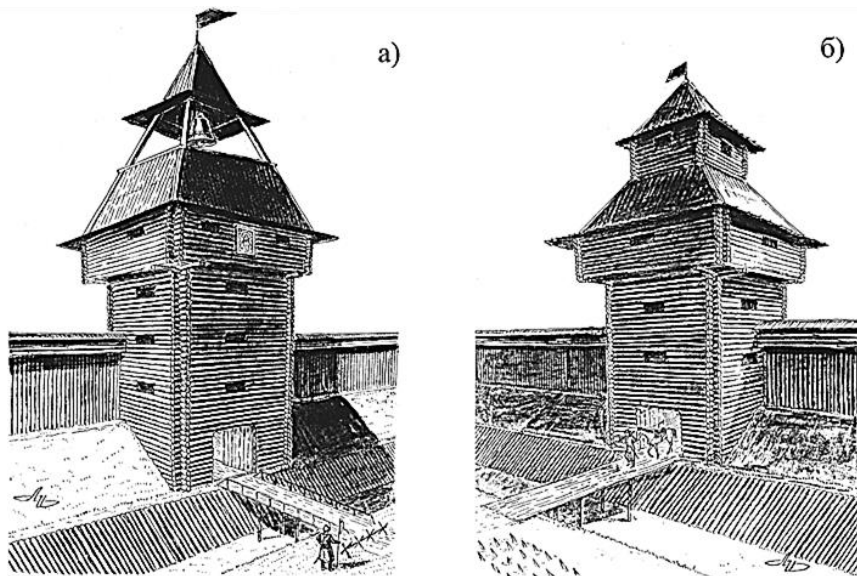

Рис. 9. Реконструкция типowego деревоземляного бастиона.

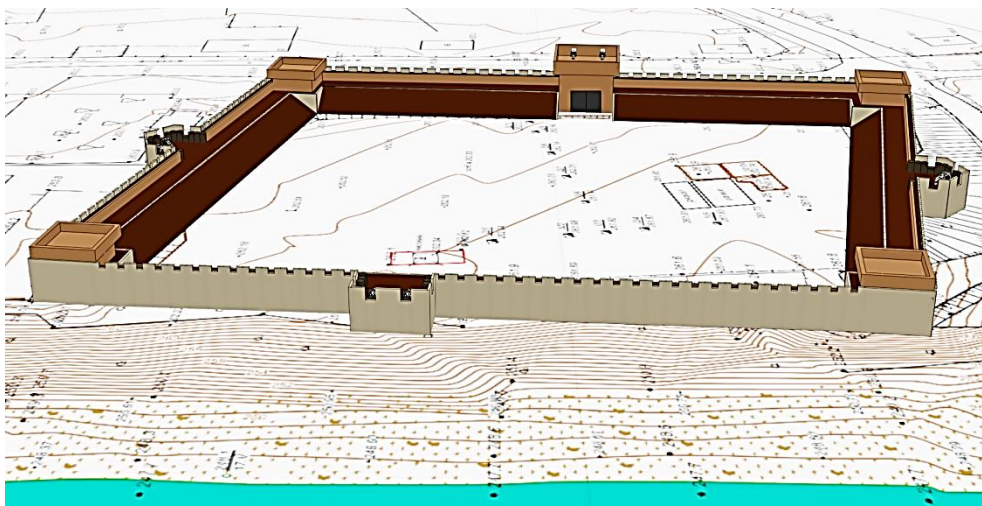

Рис. 10. Реконструкции проездных башен типовой деревоземляной крепости:
а) – Спасская башня Белгородского кремля; б) – Донецкая башня Белгородского кремля.

Рис. 11. Общее устройство крепостной ограды Албазинского острога:
а) – на карте из «Хорографической книги» С.У. Ремезова;
б) – топографический план восточного фаса острога.

Рис. 12. Предварительная модель крепостной ограды Албазинского острога 1686 года.

Об авторах

Лохов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, (Россия), e-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, профессор Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович – аспирант Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Alexey Yuryevich Lokhov – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of tactics Far Eastern higher combined arms command of the order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky school, Blagoveshchensk, (Russia), e-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Ilya E. Eremin – Doctor of technical sciences, Professor, professor of the Department of information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Natsvin Alexey Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Мищенко Т.А., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, (Россия).

Мищенко В.В., кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, (Россия).

«ДЕТСКИЙ ОПЫТ» ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ: УСТНЫЕ ИСТОРИИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ И ВОСТОЧНОЙ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

Авторы предлагают обратиться к изучению одного из аспектов повседневности в годы Великой Отечественной войны – повседневности детства. Исследование составлено на основе устных историй, собранных студентами НФ БГУ, опубликованных воспоминаний сельских и городских жителей юго-запада Брянщины и востока Гомельщины, которые в детстве и раннем подростковом возрасте пережили период оккупации и освобождения края в 1941-1943 гг. Травматичный опыт детей войны хранит в себе воспоминания о враге, страх перед военной техникой, вражескими пособниками. Дети изучаемого региона столкнулись с оккупационным режимом, различными группами коллаборационистов, многие семьи были связаны с партизанским движением. Детский опыт включает в себя сочетание игры и труда, взаимопомощь семьи, близких, местного сообщества. Воспоминания «детей войны» отражают процесс взросления, складывания идентичности, связи с семьей и родными местами. Различаются воспоминания по месту проживания детей-город или деревня, возрасту, полу. Зачастую воспоминания содержат повторяющиеся и легендарные сюжеты: «о враге», «о самолете», «о сладком», «о добром человеке». Устные истории детей войны позволяют выявить раннее взросление подростков, их вовлеченность в тяжелый труд, в том числе принудительный в годы оккупации.

Ключевые слова: «дети войны», подростки военной поры, оккупация, юго-запад Брянщины, Восточная Белоруссия, детский опыт, игрушки, «чудесные истории», пространство игр, труд подростков.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-83-91

Обращение к повседневности мирного населения в годы Великой Отечественной войны – актуальная тема исторических исследований. Носителей исторической памяти о событиях 80-летней давности становится все меньше. При этом долгие годы в науке, литературе, журналистике доминировала тема подвигов, а повседневные аспекты жизни в годы войны рассматривались через политику государства по обеспечению тыла и фронта, не проникая в обыденные условия и формы жизнедеятельности людей. Однако достоинство людей, выживание в условиях тотальной войны, сопряженной с беспрецедентной жестокостью к мирному населению, составляет важную часть исторической памяти о трагедии войны.

Особой категорией населения, пережившей период оккупации в ходе Великой Отечественной войны, являются дети и подростки. Они были наиболее зависимы и уязвимы в условиях войны. Сейчас это пожилые люди, которые много лет прожили в своих родных местах, возродили мирную жизнь в послевоенный период, создали семьи и обеспечили последующим поколениям устойчивый мир, поддержку и развитие. Их воспоминания о военном детстве,

представления об окружающем мире: Родине, враге, беде и взаимопомощи, семье и родстве, своём детстве с играми и игрушками – являются важным историческим источником, формирующим коллективную историческую память народа из личных воспоминаний.

Целью нашего исследования определяется необходимостью внести вклад в изучение феномена «военного детства» с помощью сбора и анализа устных историй «детей войны», определить содержание детского опыта: травмы, выживания, «чуда спасения», определение пространства как опасного и безопасного, труда детей, игр и игрушек как атрибутов детства.

Основным методом исследования стали глубинные интервью, которые проводились в соответствии с разработанным опросником, но учитывали желание респондентов рассказать свою историю, поделиться особенностями трудовой биографии, вспомнить семейные эпизоды, не связанные с военной историей. Затем диктофонные записи и их расшифровки передавались в кабинет отечественной истории филиала БГУ им. академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове, где сейчас хра-

нятся материалы 26 интервью, 8 из которых собраны за последний год. Кроме того, использовались опубликованные воспоминания, собранные сотрудниками Унечского краеведческого музея и неопубликованные дневники школьников из Новозыбкова Дмитрия Гержедовича и Федора Далёнкина, которые хранятся в Новозыбковском краеведческом музее.

Регионом исследования, где студентами филиала БГУ в г. Новозыбкове в 2015 – 2022 гг. записывались устные истории «детей войны», являются пограничные районы России и Беларуси: Добрушский район Гомельской области РБ и Новозыбковский, Климовский, Злынковский районы РФ. Следует отметить, что в основном опрашивались местные жители, однако несколько респондентов перемещалось как в ходе войны в 1941–1943 гг. из другой области (Смоленской) или района современной Брянщины, что позволяет расширить представления о жизненных сценариях «детей войны». Среди опрашиваемых преобладают женщины, что отражает объективную ситуацию с разной продолжительностью жизни пожилых людей в нашей стране и сопредельных государствах. Об основных отличиях мужского и женского образа исторического прошлого в своем методологическом труде «Гендерная теория и историческое знание» написала Н.Л. Пушкарева: «В конечном счёте, исследователи сходятся в том, что память женщин – эмоциональнее и рефлексивнее (иногда со склонностью к морализированию), а мужчин – логичнее, согласованнее, событийнее...» [21, с.307]. Таким образом, в исследовании отражены поселенческие, гендерные и возрастные особенности воспоминаний «детей войны».

Особенностью региона исследования в годы Великой Отечественной войны назовем активные боевые действия в ходе отступления Красной Армии летом 1941 г. и наступательной операции осенью 1943 г., а также длительный период оккупации (август 1941 – ноябрь 1943 гг.).

Режим, установленный оккупантами на захваченной территории СССР зачастую соотносят с Генеральным планом «Ост», который был подготовлен по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера, носил теоретический характер, дорабатывался в 1941 – 1943 гг. и известен в нескольких отрывках,

но не в целостном тексте. В ходе установления оккупационного режима административно-территориальное деление было изменено. Многие меры оккупационных властей зависели уже от распоряжений по округам, дистриктам, рейхкомиссариатам. Их административные границы начали оформляться в августе – сентябре 1941 г. Зона под контролем гражданской администрации была разделена на рейхкомиссариаты «Остланд» и «Украина» [1, с.45]. Восточная часть Белоруссии вошла в генеральный округ «Белоруссия» рейхкомиссариата «Остланд». Юго-западные районы современной Брянской области, а в 1941г. – обширной Орловской области, как часть РСФСР, были переданы командующим войсками вермахта, обладающими полномочиями военной и гражданской администрации. Здесь создавались округа, уезды, районы и волости. Назначались военные коменданты, в волостях бургомистры, в селах – старосты. Кроме утраты государственности, оккупанты руководствовались положением Генерального плана «Ост» об освобождении от местного населения земель Украины и Белоруссии, Прибалтики для переселения 4,5 миллиона немцев. Для этого предполагалось истребить или переселить в Западную Сибирь 75% населения Белоруссии, 65% населения Западной Украины [1, с.48]. Возможно, этими перспективами руководствовалась армия вторжения на территории Восточной Белоруссии, где мы фиксируем в ответах респондентов о появлении врага постоянную и неоправданную жестокость по отношению к местным жителям.

«А мой старьй [муж пошёл в соседнее село после отступления немцев] дак питава: «Штой-то в вас такое? Ни печи, ничего»... Все спалили, только четыре двора остались... а недорослых ловили и на колики садили. А старых полные колодцы понакидывали» [9].

Примечательно, что женщины из сел Добрушского района Гомельской области называют врагов только словом «немцы», а жительницы юго-запада Брянщины упоминают немцев вскользь и останавливаются на других нациях оккупантов.

«...Я не могу сказать, то ли мордвины <респондентка, скорее всего, имеет в виду мадьяр>, то ли французы, черт их знает. ...Я стою, подъезжает машина голубая шикарная и оттуда они по-своему что-то говорят.

Ну не немцы были. А я же плачу, те поддерживают меня стали: «Не плачь!». Один подошел, меня по головке погладил и дал большую широкую шоколадину, дает мне, а я не беру. А другой подошел и по-русски говорит: «Не плачь, не плачь, бери шоколадку, а где твой папа, где твоя мама?» я говорю: «Нет у меня ни папы, ни мамы», он говорит: «А где они?» я отвечаю: «Не знаю, немцы забрали». Он посмеялся. Ну не немец же был, я их и не видела ни разу» [7].

В рассказах о других народах среди оккупантов встречаются и истории о «добром человеке на войне», который пожалел детей, больных корью, скарлатиной, коклюшем, дал лекарства и сладости.: «...Какие-то шли поляки. Придут в дом, вынут из сумки сахарок и в чаек, чаек. Рассказывали, что они приходили к больным детям с лекарством» [7].

Итак, первые впечатления о враге в детских воспоминаниях связаны не только с поименованием — кто эти враги, убежденностью, что они могут забрать детей или их родителей, но и с появлением техники: автомобили, мотоциклы. Многие участники опроса вспоминают, что боялись появления техники на улице своего села и сразу убежали домой. «18 августа 1941 года мне было 14 лет, в нашу деревню вошли немцы утром, первыми в деревню приехали немецкие мотоциклисты, затем машины и танки. Жители прятались в домах и не выходили на улицу боялись, что фашисты будут по ним стрелять» [6].

Как правило, разговор о военном детстве люди начинали с одного из двух травмирующих память ребёнка моментов: появление врагов или уход на войну отца. «Бежали на улице, гуляли, мама пришла — плачет и папа плачет, а мы стали все пятеро и говорим: «Мам, а что такое?» она говорит: «Ой, деточки мои, что ж такое, война идет, папку нашего на войну заберут». Я самая меньшая стою... А я стою и говорю: «А пускай наш папа идет на войну, так нам принесет много конфет и одежды, обуви, так мы будем не босые бегать, а одеты и обутые». Дурная была. Матка как заплачет, все плачут, а я говорю, пускай идет папа на войну за конфетами. [15].

Жители сел в своих небольших сообществах в период оккупации больше соприкасались с противостоянием местных пособников врагов — полицаев, также сообщают о коллаборационистах — власовцах.

Каждая семья опрашиваемых была связана с партизанами. Их прятали, кормили, переправляли в лес и даже случайно встречали. Дети передают в своих рассказах, как на уровне местного сообщества нужно было решать, как поступить в том или ином случае, чтобы остаться в живых и не подвести взрослых, особенно партизан. В одном из повествований женщина сообщила, что в лесу группа детей случайно встретила партизанских разведчиков, которые их подробно расспрашивали, но, когда часть партизан ушла проверить сведения в село, детей не отпустили и продержали до вечера. «...Держали нас до самой темноты, уже солнце зашло. Запрягли тройку и поехали они по своему пути, партизаны куда-то переправлялись и нас посадили. Мы все в плач, думаем, куда же они нас везут. Но они нас довели до конца леса, разворачивают тройку коней и посадили сопровождающих с винтовками и нас до края леса довели и отправили, ну и мы побежали» [15].

Время оккупации по-разному помнят малыши и подростки. У того, кто был в 1941 — 1943 гг. ребенком 3-5 лет, постоянно присутствует сюжет вкусной еды, сладкого — как чудеса избавления, радость; иногда брать еду от захватчиков запрещали взрослые и объясняли это коварством врага, ведь он мог отравить сладости или хлеб. «Пришли с лесу, у нас тогда скамейки стояли и только заходим в хату, а на скамейке, как копеечка, лежит... кто -нибудь положил. Конфета. Я скорее конфету в рот, а мамка у меня забирает изо рта, может, говорит, траву какую ... Я в слезы, мы же не видели в то время конфет» [15]. «После освобождения...наши сделали столовую для зенитчиков. ...Когда налили первый обед — нам по тарелке супа, мама плакала и сказала: «И в окопах сидели, так ничего не прошили»... У нас был окуп в огороде» [4].

Попытки создать видимость мирной жизни выражались и в открытии начальных школ. На юго-западе Брянщины школы при оккупантах работали зимой 1942 г., как правило в городах. В дневниках подростков из Новозыбкова Д. Гержедовича и Ф.Далёнкина) говорится, что каждый из них начал подрабатывать, помимо школьных занятий. Это давало не только доход, но и дополнительную возможность передвигаться по городу, наблюдать и записывать в дневник все, что происходило вокруг, о чем говорили горожане.

Однако никто из наших сельских респондентов не посещал школу в период оккупации. Многих детей практически не выпускали из дома, а подростки должны были работать. Мы различаем в их воспоминаниях два вида труда: помощь семье и труд по принуждению по распоряжению оккупационных властей. Последнее подростки-девочки вспоминали как мучение и оскорбление. Их отправляли на тяжелые и опасные работы, как взрослых. Зачастую инициатива принадлежала полицейам и старостам.

«Когда началась война, мне было 13 лет... До войны я окончила четыре класса, а когда уже началась война, когда нас забрали немцы, мы уже выходили работать, нас гоняли чистить шлях. Во время оккупации шлях манюковский считался еще замишевскими... заставляли гоняли чистить его, чтобы туда и оттуда могли проехать немецкие машины, а зима крепко снежная была, снега было много, и каждое утро полицейай ходили по дворам и выгоняли всех чистить дорогу, а горы уже высокие понакидали что я даже не докидывала до этой кучи» [11].

Подростки были обижены и испытывали страх не только перед немцами, но и полицейскими, старостами, которые как представители местных видели, что дети небольшого роста, без сил из-за недоедания, плохо одеты, но безжалостно выгоняли подростков зимой на опасные работы: расчищая дороги, можно было подорваться на mine.

В зимнее время гоняли на снег...расчищать дороги...все это было бесплатно. В двенадцать годов немцы нас уже считали трудоспособными. Кто не пойдет — полицейай плетками били» [5].

Существенную помощь подростки оказывали своим семьям. Видимо, их проще было отправить заниматься мелкой торговлей, обменом, чем взрослых женщин. Так, одна из респонденток носила продавать самогон итальянцам, другая ходила менять на продукты брошки и заколки. Им было 13–14 лет, как и тем девочкам, что помогали с младшими братьями и сестрами, ухаживать за скотом и огородом.

«Когда началась война мне было 14 лет. На улицу выходить нам нельзя было, а куда выходить, выходили только к соседям. Вот так к бабе пойдём за полпудом муки и тянем. До войны собирались у девчонок сосед-

ских на квартире и сидели болтали...Работали мы на себе таскали плуг, пахали свои огороды. Зато итальянцы жили у нас в школе, а я ходила самогонку продавать туда им, мамка знала, а я ходила продавала ... [8].

Дети вспоминают об играх, которые были им доступны в период оккупации. Подростки также говорят об играх, но вспоминают, что «это было до войны», «я помню такую игру, но играть было некогда».

«На улице - это «чиж», «классики», «перебеганочка»: две команды ...одна в поле, другая бьёт мячик. Они ловят, бить им нельзя. Ударил- должен бежать. Если до назначенного места «засалили», команды меняются» [10].

Сельские дети в основном называют подвижные игры на улице, но иногда респонденты сообщали, как могли играть по одиночке, причем это была не только игра, но и шалость. Так, Сороковая Татьяна Ивановна помнит себя девятилетней девочкой: «Я любила кататься. Была лужа. Замерзнет. Босая, выскочу и по льду. И скуля, чирьи везде по всему телу. А потом бурки были - палку привяжу и катаюсь. Мать берет веревочку и по заднице!» [13]. В основном, игры были совместными: мальчики с девочками играли в классики, катались с горки, играли в мяч. Зачастую игрушки дети делали сами из подручных материалов: «На улице нельзя-окна повыбьют. На жнивье, ранней весной играли в этот мяч...Резина сырая или валяли из шерсти лошадиной...С горки катались. Коньки были закруглённые на верёвочке. Кто даст прокатиться — на одной ноге конёк, другой подпихиваешься...Тачку делали — металлический обод и треугольник из дерева. Если нашли стёклышко цветное: «Дай посмотреть на солнце»» [10].

Популярным развлечением респондентки называют качели, однако в какое время они могли использовать качели, ведь это уличное развлечение, они точно не вспоминают, что соотносит нас с ситуацией «безвременья», часто встречающейся в женских воспоминаниях о войне [См.: 20]. «...нет, ну раньше что...Качели делали. Ставили эти...Качели. Да. Качались..Ну, ездили молодежь идем в лес, тянем дерево, одно второе, ставим вот эти и делали старшие уже...И нас тогда качали качелях этих» [14].

Сравнивая воспоминания «детей войны» из сельской местности и города,

можно отметить почти полную информационную изоляцию жителей деревень и сел. Михаилу Степановичу Гумен в 1941 г. было 13 лет, во время оккупации он жил в Паломах (Злынковский район). Описывая это время, он говорит: «...практически живя в лесу, мы оставались в полном неведении, что будет дальше, так как не было ни радио, ни газет» [18].

Они могли догадаться о происходящих событиях только по косвенным признакам и слухам: движение войск противника, нервозность полицаев, какие-то работы, на которые сгоняли взрослых и подростков (наведение переправ и т.д.)

Ну тут матка и говорит: «...раз уже полетели самолеты наши, значит уже, наверное, идет отступление и через неделю она уже пошла в Буду посмотреть дом: целый или нет [7]. В данном случае, в почти волшебный объект превращается самолет. «Легенда о самолете» сопровождает несколько собранных нами историй. Из историй наших собеседников предстает такой чудесный советский самолет, который летит низко и ревет, чтобы местные жители знали: Красная армия близко, бояться не надо.

«А меня брат двоюродный летчиком был. У нас по Буда было 4 летчика. Ушли из жизни все. А как летали на нами, так низенько опускались и давали громкий рев. Это значило «не бойтесь» [7].

Шендерей Мария Петровна вспоминает что в их доме жил партизан Попудренко, партизаны возвращались в деревню, их дом начал обстреливать немецкий самолёт, внимание которого, судя по всему, привлекли стоявшие возле дома лошади [16].

В городах оккупанты использовали массовые средства информации для пропаганды. Издавались газеты, печатались листовки, выходили радиопередачи. Люди недоверчиво относились к пропаганде, но все же в условиях города можно было посетить больше мест: рынок, железнодорожный вокзал, церковь и поговорить о разных полученных известиях. Одна из наших респонденток была насильственно переселена со Смоленщины в Новозыбков. В ее рассказе фигурирует несколько важных характеристик оккупированного города, которые фоном проходят через бытовой рассказ о злоключениях семьи: «...в 41 или 43, Довезли до станции Гжатск, раньше было, сейчас Гагарина. Там посадили нас всех в ва-

гоны в такие товарные, закрыли и до Новозыбкова не открывали. ...Тогда еще был тут такой, что вон на конях ездить, бургуместр или что. И он подъехал тогда тоже к вокзалу. Ну и сказал: «идите и ищите себе жилье, где кто найдет». А это ж в войну. И гуляли в еврейские дома. Ну, мы ходили, пошли с мамашей, отец же умер, на фронте был, ну нашли возле первой школы, на Замшевской, первый дом, большой такой. Поселились. Живем. Туда-сюда и явились хозяева, вернулись. Нас выдворили. Пошли опять искать...» [12].

Как видим, это наличие местных оккупационных властей, «решение еврейского вопроса» в Новозыбкове и пустующие дома. Затем наша собеседница описывает свой труд на железной дороге, когда ей исполнилось 15 лет, обеспечение продовольствием работающих городских жителей по карточкам.

Пережив страшные два года оккупации, «дети войны» как самое яркое событие вспоминают момент освобождения. «А як их назад гнали... Заступали четыре человека: «Запрягай коня...Только надели хомут тому волу..а наши четыре военных...хоп за их и повели. А наши ще йдуть, так яна [мать] была рада [9].

Мария Митрофановна Шеверняева рассказывает очень подробно о дне отступления немцев через деревню Борщовка Добрушского района Гомельской области. Описание строится как рассказ о чудесном спасении всех трех детей, борьбы матери за корову, ранении гранатой брата нашей собеседницы. Так личные переживания связываются с ощущениями войны.

Историков на протяжении последних десятилетий интересует феномен военного детства. В сороковые годы прошлого века в советском обществе формировались социальные нормы, определяющие способы взаимодействия взрослых и детей, ожидания от детей, новые возрастные границы детства и отрочества, изменение содержания ролевых моделей ребенка с учетом тех условий, в которые поставила его война: это мог быть опыт эвакуации, беженства, насильственного перемещения, оккупации, нахождения в блокаде или эпицентре боевых действий. Так, Т.П. Хлынова отмечает общее снижение возраста детства, ранее взросление; указывает на особенность городских семей- они более детоцентричны, а дети в таких семьях оказались

хуже готовы к тяготам войны [23, с.178-190]. Рыблова М.А. выделяет возрастные группы внутри страты детей, оценивается их положение (статусы, функции, риски) в условиях войны, выявляет особенности детского восприятия войны и механизмы адаптации детей [22]. Изучаются игры и игрушки, предметный мир ребёнка военной поры [3;19], создаются сборники, исследующие воспоминания детей войны [2]. Таким образом, уже появился значительный объём научных работ, реконструирующих мир детей военной поры, включающий из как субъектов истории, говорящих с позиции «детского опыта». Однако, как было заявлено в цели исследования, анализ устных историй «детей войны» позволил дополнить наше знание о детском опыте: значимых событиях для ребенка в годы войны, травматичности утрат и перемещений, раннем взрослении подростков, пространстве игр и игрушек.

Итак, воспоминания «детей войны» о своем детстве в двухлетний период оккупации юго-запада Брянщины и востока Гомельщины — важный источник истории военной повседневности и истории детства. События войны переживаются как травма и лишения: это сюжеты о приходе врагов, их многонациональном составе, появлении их местных пособников, иногда из числа односельчан. Осознавалась беда и через проводы отца на фронт, необходимость прятаться в окопе, подвале, бежать из родного дома. По-разному помнят о войне те, кто был маленьким ребёнком 3-5

лет и подростки. Малыши не разделяют игрушки и сладости, которых им хотелось, еда рассматривалась как спасение от болезней. Подростки почувствовали себя ответственными за семью, младших братьев и сестёр, были вынуждены отказаться от привычной жизни: школы, игр, увлечений. Мы можем назвать несколько видов труда, в который были вовлечены подростки: домашние обязанности, труд в сельском хозяйстве или по найму, принудительные работы по велению оккупантов. Иногда подростков привлекали к опасным способам заработка — продавать самогон, ходить обменивать на рынок поделки, продукты. Сюжеты о «чуде» есть во многих устных историях «детей войны»: советские самолёты в небе, партизанские командиры в твоей родной избе, даже некоторые враги, которые в какой-то момент вдруг сочувствуют детям. Несомненна ценность семьи и местного сообщества для спасения детей, что диктует и понимание о безопасном пространстве ребенка: дом, двор, сад, иногда сельская улица. Опасными представляются лес, железная дорога, при этом более эмоциональны и менее привязаны к конкретным местам и датам воспоминания женщин, более детализированы воспоминания мужчин. В целом, анализ устных историй показал, что поколение «детей войны» все же считает, что у них было детство, пусть и сопровождаемое бедой и жестокостью внешних сил, неизвестным будущим семьи и потерями.

Список литературы

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений/ Под ред. проф. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост». 2002.
2. Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Под ред. Рожкова А.Ю. Сборник научных статей. Краснодар.2010.
3. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью// Антропологический форум. 2012. №16.
4. Записано от Аккуратновой Зинаиды Андреевны 1938 г.р. г. Новозыбков, Брянская область.
5. Записано от Алешкиной П.Н. 1929 г.р., с. Новое Место, Новозыбковский район, Брянская область.
6. Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г.р., с. Басихино, Стародубский район, Брянская область.
7. Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938 г.р. с. Гетманова Буда, Климовский район, Брянская область.
8. Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г.р., с. Замишево, Новозыбковский район, Брянская область.

9. Записано от Евсеенко М.И., 1920 г.р., с. Усоха Буда, Добрушский район, Гомельская область.
10. Записано от Лузик Любови Ивановны 1945 г.р., с. Верещаки, Новозыбковский район, Брянская область.
11. Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г.р., с. Замишево, Новозыбковский район, Брянская область.
12. Записано от Рожиной Валентины Ивановны 1928 г.р., г. Новозыбков, Брянская область.
13. Записано от Сороковой (Оболониной) Татьяны Ивановны 1935 г.р. п. Калиновка, Внуковичский сельсовет, Новозыбковский район, Брянская область.
14. Записано от Ткачук Екатерины Терентьевны, 1929 г.р., д. Садок, Климовский район, Брянская область.
15. Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г.р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде, Климовский район, Брянская область.
16. Записано от Шендерей Марии Петровны 1928 г.р., с. Ново-Сергеевка Злынковский район, проживает в г. Новозыбков Брянской области
17. Испытание огнем. История Злынковского района. URL:// <http://admzlynka.ru/home/istorijarajona/5-ispytanieognem.html>.
18. Караваев А. К 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. URL://<https://vishkov.ucoz.ru/index/0-10>.
19. Лейтнер Р. «Совсем как настоящие...» - игры и игрушки в СССР в 1950-1960-е гг.// Неприкосновенный запас. 2011.№3 (77).
20. Мищенко Т.А., Белугина О.В. «Мирная жизнь» в условиях оккупации: специфика женского восприятия. Раманаўскія чытанні – XI: Зборник артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі: Магілёў, 26-27 лістапада 2015 г. Магілёў: МДУ імя А.Л. Куляшова. 2016.
21. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. Спб. 2007.
22. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на примере Сталинградской битвы)// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014.
23. Хлынина Т.П. «Кадры из военного детства»: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы// Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сборник статей – Ростов-на-Дону: Foundation. 2014.

"CHILDREN'S EXPERIENCE" OF THE MILITARY GENERATION: ORAL STORIES ABOUT MILITARY CHILDHOOD (BASED ON MATERIALS FROM THE SOUTH-WEST OF THE BRYANSK REGION AND EASTERN GOMEL REGION)

The authors propose to turn to the study of one of the aspects of everyday life during the Great Patriotic War – the everyday life of childhood. The study is based on oral histories collected by students of the BSU National Research University, published memoirs of rural and urban residents of the south-west of the Bryansk region and the east of the Gomel region, who in childhood and early adolescence experienced the period of occupation and liberation of the region in 1941-1943. The traumatic experience of war children keeps memories of the enemy, fear of military equipment, enemy accomplices. The children of the studied region faced the occupation regime, various groups of collaborators, and many families were associated with the partisan movement. Children's experience includes a combination of play and work, mutual assistance of family, loved ones, and the local community. The memories of the "children of war" reflect the process of growing up, the formation of identity, connections with family and native places. Memories differ according to the place of residence of children-city or village, age, gender. Often, memories contain recurring and legendary stories: "about the enemy", "about the plane", "about the sweet", "kind man". Oral histories of war children reveal the early adulthood of adolescents, their involvement in hard work, including forced labor during the years of occupation.

Keywords: "children of war", teenagers of the wartime, occupation, south-west of the Bryansk region, Eastern Belarus, children's experience, toys, "wonderful stories", the space of games, the work of teenagers.

References

1. Altman, I.A. (2002). *Holokost i evrejskoe soprotivlenie na okkupirovannoj territorii SSSR* [The Holocaust and Jewish resistance in the occupied territory of the USSR: Studies]. Moskva.
2. (2010). *Vtoraya mirovaya vojna v detskih «ramkah pamyati»*. Pod red. Rozhkova A.Yu.

- Sbornik nauchnyh statej. [The Second World War in the children's "memory framework". Ed. Rozhkova A.Y. Collection of scientific articles]. Krasnodar.
3. Dimke, D. (2016). Sovetskie detskie igry: mezhdru utopiej i real'nost'yu// Antropologicheskij forum [Soviet children's games: between utopia and reality// Anthropological Forum]. No. 16.
  4. (2022). Zapisano ot Akkuratnovoj Zinaidy Andreevny [Recorded from the Akkuratnova Zinaida Andreevna]. 1938 g.r. g. Novozybkov, Bryanskaya oblast'.
  5. (2022) Zapisano ot Aleshkinoy P.N. [Recorded from Alyoshkina P.N.]. 1929 g.r., s. Novoe Mesto, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  6. (2022). Zapisano ot Voitenka Alekseya Stefanovicha [Recorded from Alexey Stefanovich Voitenka], 1927 g.r., s. Basihino, Starodubskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  7. (2022). Zapisano ot Gryukanovoj Niny Alekseevny [Recorded from Gryukanova Nina Alekseevna], 1938 g.r. s. Getmanova Buda, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  8. (2022). Zapisano ot Guchkovoj Anny Vasil'evny [Recorded from Guchkova Anna Vasil'evna], 1928 g.r., s. Zamishevo, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  9. (2022). Zapisano ot Evseenko M.I. [Recorded from Evseenko M.I.], 1920 g.r., s. Usoha Buda, Dobrushskij rajon, Gomel'skaya oblast'.
  10. (2022). Zapisano ot Luzik Lyubovi Ivanovny [Recorded from Luzik Lyubov Ivanovna], 1945 g.r., s. Vereshchaki, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  11. (2022). Zapisano ot Pilyutko Anastasii Il'ichny [Recorded from Anastasia Ilyinichna Pilyutko], 1928 g.r., s. Zamishevo, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  12. (2022). Zapisano ot Roshchinoj Valentiny Ivanovny [Recorded from Valentina Ivanovna Roschina], 1928 g.r., g. Novozybkov, Bryanskaya oblast'.
  13. (2022). Zapisano ot Sorokovoj (Oboloninoj) Tat'yany Ivanovny [Recorded from the Sorokova (Obolonina) Tatiana Ivanovna], 1935 g.r. p. Kalinovka, Vnukovichskij sel'sovet, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  14. (2022). Zapisano ot Tkachuk Ekateriny Terent'evny [Recorded from Ekaterina Terentyevna Tkachuk], 1929 g.r., d. Sadok, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  15. (2022). Zapisano ot Hromenok Very Evlampievny [Recorded from Vera Yevlampievna's Chromenok], 1933 g.r. s. Cholhov, pos. Markovshchina, prozhivaet v Getmanovoj Bude, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
  16. (2022). Zapisano ot Shenderej Marii Petrovny [Recorded from Maria Petrovna Shenderey], 1928 g.r., s. Novo-Sergeevka Zlynkovskij rajon, prozhivaet v g. Novozybkov Bryanskoj oblasti.
  17. (2022). Ispytanie ognem. Istoriya Zlynkovskogo rajona [Trial by fire. The history of the Zlynkovsky district]. URL:// <http://admzlynka.ru/home/istorijarajona/5-ispytanieognem.html>.
  18. Karavaev, A. (2022). K 65-letiyu osvobodzheniya Bryanshchiny ot nemecko-fashistskih zahvatchikov [On the 65th anniversary of the liberation of the Bryansk region from the Nazi invaders]. URL://<https://vishkov.ucoz.ru/index/0-10>.
  19. Leitner R. (2011) «Sovsem kak nastoyashchie...» - igry i igrushki v SSSR v 1950-1960-e gg. ["Just like real..." - games and toys in the USSR in the 1950s and 1960s.]// Neprikosnovennyj zapas. №3 (77).
  20. Mishchenko, T.A., Belugina, O.V. (2015). «Mirnaya zhizn'» v usloviyah okkupacii: specifika zhenskogo vospriyatiya ["Peaceful life" under occupation: the specifics of women's perception]. Ramanaŭskiya chytanniya – XI: Zbornik artykulaŭ Mizhnarodnaj navukovoj kanferencyi: Magilyou, 26-27 listapada 2015 g.
  21. Pushkareva, N. (2007). Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie [Gender theory and historical knowledge]. Spb.
  22. Ryblova, M.A. (2014). «Territoriya detstva» v prostranstve Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Stalingradskoj bitvy) ["The territory of childhood" in the space of the Great Patriotic War (on the example of the Battle of Stalingrad)]// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.
  23. Khlynina, T.P. (2014). «Kadry iz voennogo detstva»: o chem i kak vspominayut ochevidcy Velikoj Otechestvennoj v preddverii yubileya Pobedy ["Shots from military childhood": what and how eyewitnesses of the Great Patriotic War remember on the eve of the Victory anniversary]// Znaki vojny v zhizni i pamyati: vliyaniye vooruzhennykh konfliktov XX veka na rossijskoe obshchestvo: sbornik statej – Rostov-na-Donu.

Об авторах

Мищенко Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, E-mail: mtapost@yandex.ru, (Россия).

Мищенко Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, E-mail: vicpost@inbox.ru (Россия).

Mishchenko Tatiana Alexandrovna – Ph.D., Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, branch of BSU in Novozybkov, Russia, E-mail: mtapost@yandex.ru

Mishchenko Viktor Vasilyevich – Ph.D., Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, branch of BSU in Novozybkov, Russia, E-mail: vicpost@inbox.ru

УДК 930

Мухина М.В., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

ИСТОРИЯ СОЗЫВА И РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется отечественная историография, посвященная проблеме подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Особое внимание уделено современным российским исследованиям. Если в советский период основное внимание историков было сконцентрировано на деятельности партии большевиков в отношении Учредительного собрания, то с 1990-х гг. спектр исследуемых проблем значительно расширился, в научный оборот были введены новые источники. Крупным исследователем различных аспектов истории Всероссийского Учредительного собрания является доктор исторических наук Л.Г. Протасов. Его обстоятельный труд стал основой для многих современных исследователей.

С каждым годом интерес к истории Всероссийского Учредительного собрания не ослабевает, а перечень рассматриваемых историками проблем увеличивается. Автор выделяет несколько направлений современных исследований: предвыборная деятельность политических партий в ходе подготовки к выборам, особенности избирательного процесса в регионах, отношение отдельных политиков к Учредительному собранию, специфика исторических источников, имеющих непосредственное отношение к выборам, отношение определенных категорий населения к Конституанте, а также последствия разгона Всероссийского Учредительного собрания. Автором сделан вывод, что, несмотря на имеющееся разнообразие исследований, требует дальнейшей разработки ряд вопросов, в том числе, работа избирательных комиссий на местах, нарушения в процедуре выборов, деятельность политических партий и их представителей во время выборов. Малоисследованными остаются и регионы Центрального промышленного округа России.

Ключевые слова: советский период, Всероссийское Учредительное собрание, историография, исследователи, общероссийский уровень, региональный уровень, проведение выборов, итоги выборов, Калужская губерния.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-92-98

Идея созыва Учредительного собрания и различные стороны его истории вызвали научный интерес исследователей разных периодов. Большое влияние на специфику используемой ими источниковой и методологической базы оказывала официальная идеология, политические и социальные процессы.

Целью настоящей статьи является анализ исследований отечественных авторов, посвященных истории созыва и работы Всероссийского Учредительного собрания. Можно выделить два основных периода в изучении вопросов Учредительного собрания, или Конституанты: советский (1918 – конец 1980-х) и современный (1990-е гг. – настоящее время).

Первые аналитические работы появились уже в 1918 г. после роспуска Учредительного собрания и были подготовлены политиками, которые рассматривали итоги выборов с позиций своей партийной принадлежности¹. На долгое время в историографии вопроса утвердилась концепция,

обозначенная В.И. Лениным в работе «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата» [13]. Исследователи советского периода выделяли линию поведения большевиков в рассматриваемый период, как единственно верную в сложившихся обстоятельствах. Чаще всего историки анализировали результаты выборов и стремились предложить причину поражения Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) – (далее РСДРП(б)). Но именно в советский период в научный оборот был введен основной массив источников для изучения проблем Собрания на общероссийском уровне, которые в последующие периоды дополнялись и уточнялись.

Самым крупным трудом советского периода стала опубликованная в 1976 г. специальная работа О.Н. Знаменского «Всероссийское Учредительное собрание» [10]. Основой данного исследования является широкий круг архивных и печатных

© Мухина М.В.

© Mukhina M.V.

¹ Так, представитель партии социалистов-революционеров Н.В. Святицкий в 1918 г. опубликовал свою работу «Итоги выборов в Учредительное собрание» (Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. М., 1918). В ней впервые были исследованы результаты выборов по 54 избирательным округам, выявлено количество голосовавших по областям, приведен краткий анализ деятельности партий, принявших участие в выборах.

источников. Автор отмечал, что избиратели осознанно голосовали за социалистические партии; РСДРП(б) получила большинство голосов в столице, крупных промышленных центрах, что являлась фактической победой; дальнейшие действия большевиков, а именно роспуск Учредительного собрания, были продиктованы интересами социалистической революции.

В начале 1990-х гг. в связи с масштабными переменами политической жизни начинается переосмысление революционных событий 1917 г. В связи с демократическими переменами, исследователи вновь обращают свое внимание на историю русского парламентаризма, проблемы Учредительного собрания.

Доктор исторических наук профессор Тамбовского государственного университета Лев Григорьевич Протасов внес неопределимый вклад в изучение различных аспектов истории Учредительного собрания. Итогом многолетнего труда исследователя стала обстоятельная монография «Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели» [14]. Автор в своей работе детально рассматривает следующие вопросы: истоки идеи всенародного представительства, тонкости избирательного законодательства, ход выборов во всех регионах страны, итоги выборов в центре и на местах, дальнейшую судьбу Учредительного собрания и отношение к нему разных категорий населения. Историк отмечал, что с разгоном Собрания погибла идея народного представительства, так как населению пропагандировали пренебрежение к парламентаризму, всеобщему избирательному праву. Лев Григорьевич отмечал, что винить большевиков в роспуске Собрания «антиисторично», так как им удалось прийти к власти только благодаря умению воспользоваться моментом [15, с. 325]. Именно эта партия привела государство к Гражданской войне и последующему кризису. На данный момент его работа является обобщающим трудом по истории Всероссийской Конституанты. Бульшая часть исследователей использует его работу в качестве основы, не подвергая сомнению полученные статистические результаты и выводы автора, а лишь дополняя их введением в научный оборот новых источников. За годы исследований накопилось большое количество биографической, статистиче-

ской информации, иллюстративный материал, которые были систематизированы в энциклопедии «Всероссийское Учредительное собрание», изданной в 2014 г. Одной из главных задач издания автор и руководитель проекта Л.Г. Протасов считал обеспечение будущих исследователей содержательной информацией [4].

Стоит отметить, что современные исследователи изучают различные аспекты истории Учредительного собрания, можно найти работы социологов, политологов, юристов, которые рассматривают Всероссийскую Конституанту в рамках своей дисциплины. Труды историков, посвященные революционному 1917 г., так или иначе, затрагивают проблему Учредительного собрания. В данной статье приведены наиболее значимые, на наш взгляд, работы историков разных уровней: от аспирантов до докторов наук.

Первая группа исследований посвящена предвыборной деятельности политических партий, отношению к идее созыва Всероссийского Учредительного собрания. Историки обращаются к анализу программ политических партий, их действий в революционных реалиях, пытаются выявить причины непопулярности той или иной партии у населения, рассмотреть тактику борьбы. Стоит учитывать, что деятельность РСДРП (б) была детально изучена в советский период, на современном этапе работы, посвященные этой теме, встречаются не часто. Внимание историков в настоящее время сосредоточено на главных политических оппонентах большевиков – эсерах и меньшевиках. Так, в своем диссертационном исследовании А.А. Стегнюшин отмечает, что изначально меньшевики возлагали большие надежды на созыв Учредительного собрания, но под влиянием обстоятельств принимали решения, вредящие их репутации, в итоге оказались не готовы к предвыборной борьбе, практически отказались от нее, когда народ, благодаря умелой пропаганде большевиков, стал связывать Собрание с контрреволюцией [17]. Деятельность партии социалистов-революционеров на Урале анализирует в своей статье Т.В. Есаков, изучив программные документы партии, тактику предвыборной борьбы, исследователь делает вывод, что местное отделение партии приложило все возможные усилия, чтобы заручиться поддержкой населения [7].

Другим направлением работ историков стало рассмотрение хронологии событий, а именно подготовки и проведения выборов в отдельно взятом городе, регионе. Одним из главных достоинств таких работ является введение в научный оборот новых источников. Так, в 1998 г. в Калуге вышел сборник «Вопросы выборов и избирательного права», в котором помещена статья И.В. Зайцева «Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии» [9]. На архивных материалах автором дан обзор подготовки выборов по Калужскому избирательному округу, рассмотрена процедура голосования, особенности составления списка кандидатов, приведены итоги выборов по губернии и отдельно по городам. Политическую борьбу в четырех губерниях Центрального промышленного округа (Владимирской, Рязанской, Калужской и Тульской) анализирует в своей статье доктор исторических наук П.В. Акульшин. Автор приходит к выводу, что «революционная диктатура под социалистическими лозунгами» соответствовала чаяниям населения указанных губерний уже к осени 1917 года [1]. В этой группе особый интерес представляют работы белорусского историка А.А. Воробьева [3]. Ученый, проанализировав делопроизводственную документацию по избирательным участкам уездов Витебской губернии, выявил ряд нарушений в ходе выборов, фальсификацию голосов. Он предлагает аннулировать результаты выборов на участках, где были допущены нарушения, при последующем подсчете голосов партия большевиков теряет лидирующие позиции.

Часть современных исследователей обращается к деятельности отдельных политиков, анализируя их отношение к идее Всероссийского Учредительного собрания, роль в событиях общегосударственного и регионального уровней. С.И. Гольдфарб в своей статье рассматривает деятельность сибирского социалиста-революционера И.Г. Гольдберга, который считал, что противоправные действия большевиков заставят общественность консолидироваться в борьбе за сохранение «единственного органа народовластия» [6]. Участие известного эсера Василия Семеновича Панкратова в выборах в Учредительное собрание по Якутской области посвящена статья Н.Н. Панкратовой [16]. Автор отмечает, что в этом регионе, как и во многих других,

эсеры пытались заручиться поддержкой населения, включив в кандидатский список известную личность. Но уровень политической осведомленности жителей области был крайне низок, и победе партии социалистов-революционеров способствовало вступление в коалицию с местной партией федералистов.

Некоторые исследователи обращаются к определенному источнику (кандидатские списки, периодическая печать), пытаясь на их основе, под определенным углом выявить факты относительно особенностей выборного процесса, формирования общественного мнения [8]. Интерес представляет диссертационное исследование В.В. Лазарева, который всесторонне анализирует списки кандидатов в Учредительное собрание [12]. Дав детальную внешнюю критику источника, автор обращает внимание на политическую активность партий в регионах, особенности распределения кандидатов по спискам в центре и в регионах.

Следующая группа работ затрагивает деятельность определенных слоев населения, социальных групп в рамках подготовки и проведения выборов в регионах, выявляют отношение к самой идее созыва Конституанты, выборам, влиянию событий на формирование взглядов населения. В одной из своих работ доктор исторических наук С.Н. Базанов подробно анализирует результаты выборов во Всероссийское Учредительное собрание в армии. Историк выявляет следующие причины популярности у солдат партии эсеров: солдаты, являвшиеся в основной массе выходцами из крестьянской среды, считали партию крестьянской; умелая агитационная работа ПСР в воинских частях, проводившаяся еще с апреля 1917 г. [2]. Отношению к идее созыва Учредительного собрания артистов и служащих бывших императорских театров посвящена статья исследователя П.Н. Гордеева [5]. Эта категория граждан, как отмечает автор, поддерживала идею созыва Собрания, считала этот орган единственным полномочным провести радикальную театральную реформу. После Октября артисты и служащие государственных театров рассматривали Конституанту в качестве противовеса большевикам, власть которых не воспринимали.

Важно понимать, что исследователи вновь поднимают проблемы, которые

нашли свое обоснование в контексте предшествующей эпохи. Так, доктор исторических наук В.В. Калашников в одной из своих статей на основании анализа историографии разных эпох, имеющих документы, дает ответ на вопрос, являлся ли роспуск большевиками Учредительного собрания прологом Гражданской войны [11]. Нельзя не согласиться с автором, что важнейшим шагом на пути к кровопролитной Гражданской войне стало смещение Временного правительства и захват государственной власти большевиками, а также последовавший вскоре разгон Всероссийского Учредительного собрания. Противоположной точки зрения придерживается исследователь С.В. Холяев, который считает, что действия РСДРП (б) в отношении «Учредилки» способствовали сохранению целостности государства, а проэсеровская Конституанта была неспособна предотвратить распад России, запущенный в Феврале 1917 г. [18].

Таким образом, советскими и современными исследователями внесен большой вклад в разработку проблемы истории созыва, работы и судьбы Учредительного

собрания на общероссийском уровне. В начале 2000-х гг. было положено начало детальному изучению вопроса выборов на региональном уровне. На данный момент наибольшее количество работ посвящено избирательному процессу в отдаленных от политического центра регионах: Прибалтике, Поволжье, Сибири. Проблемы подготовки, проведения выборов в губерниях Центрального промышленного округа освещены незначительно. Как правило, исследователи рассматривают историю выборов в Учредительное собрание в нескольких соседних регионах, не выделяя характерные особенности политической жизни в определенной губернии, а стараясь найти общие черты. Так, процесс подготовки, проведения выборов в Калужском избирательном округе (Калужская губерния) изучен недостаточно. Остаются актуальными и требуют дальнейшей разработки такие вопросы как работа избирательных комиссий на местах, процесс голосования в отдаленных от центра городах и уездах, нарушения в процедуре выборов и их причины, деятельность политических партий и их представителей во время выборов.

Список литературы

1. Акульшин П.В. Выборы в учредительное собрание и политическая борьба в губерниях центральной России в 1917-1920 гг. (на материалах владимирской, калужской, рязанской и тульской губерний) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. СПб.: 2019. Ч. 2. С. 161-170.
2. Базанов С.Н. Итоги выборов в Учредительное собрание в действующей армии в ноябре 1917 года (правда и вымысел) // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РФ Э.М. Щагина. М.: МПГУ, 2018. С. 117-125.
3. Воробьев А.А. К вопросу о выборах в Учредительное собрание в городе Полоцке и Полоцком уезде Витебской губернии // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. № 7. С. 42-46.; Выборы в Учредительное собрание в Дриссенском уезде Витебской губернии // Вестник МДПУ им. И.П. Шамякина. 2007. № 2. С. 64-68; К вопросу о выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Невельском уезде Витебской губернии // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 26-29.
4. Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
5. Гордеев П. Н. «Ложа Учредительного собрания»: «хозяин земли русской» и бывшие императорские театры // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 105–111.
6. Гольдфарб С.И. Политические взгляды Исаака Гольдберга на идею Учредительного собрания // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т.35. С. 38-46.
7. Есаков Т. В. Выборы в Учредительное Собрание и предвыборная борьба эсеров Урала // Вестник ЧелГУ. 2003. №2. С. 72-79.
8. Жданова И.А Социально-политические представления о демократии в российской

периодической печати марта-октября 1917 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.; Смирнов В.И. Большевики и насилие в революции. 1917 - начало 1918 гг.: На материалах меньшевистской печати: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.; Гаврилова О.А. Петроградское земство на выборах в УС (По материалам Петроградского земского вестника) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. №2. С. 61-70.

9. Зайцев И.В. Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы выборов и избирательного права. Калуга, 1998. № 1. С. 28-46.

10. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. М.: Наука, 1976. 364 с.

11. Калашников В.В. Роспуск учредительного собрания как причина гражданской войны: pro et contra // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. СПб.: 2021. Ч. 2. С. 123-137.

12. Лазарев В.В. Списки кандидатов в Учредительное Собрание как источник по истории политической борьбы в России в 1917 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Том. 40. С.1-24.

14. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.

15. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание.

16. Радченко Н.Н. Участие эсера В. С. Панкратова в выборах в Учредительное собрание по Якутской области // Общество: философия, история, культура. 2019. №10 (66).

17. Стегнюшин А.А. Учредительное собрание в теории и политической практике меньшевиков в первой четверти XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2019.

18. Холяев С.В. Могло ли учредительное собрание вывести Россию из кризиса? // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. СПб.: 2019. Ч. 2. С. 197-201.

HISTORY OF CONVOCATION AND WORK OF THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

The article analyzes the domestic historiography devoted to the problem of preparing and holding elections to the All-Russian Constituent Assembly. Special attention is paid to modern Russian research. If in the Soviet period the main attention of historians was focused on the activities of the Bolshevik Party in relation to the Constituent Assembly, then since the 1990s the range of studied problems has expanded significantly, new sources have been introduced into scientific circulation. A major researcher of various aspects of the history of the All-Russian Constituent Assembly is Doctor of Historical Sciences L.G. Protasov. His detailed work became the basis for many modern researchers. Every year interest in the history of the All-Russian Constituent Assembly does not weaken, and the list of problems considered by historians is increasing. The author identifies several areas of modern research: the election activities of political parties in preparation for the elections, the peculiarities of the electoral process in the regions, the attitude of individual politicians to the Constituent Assembly, the specifics of historical sources directly related to the elections, the attitude of certain categories of the population to the Constitution, as well as the consequences of the dispersal of the All-Russian Constituent Assembly. The author concluded that, despite the available variety of studies, a number of issues require further development, including the work of election commissions on the ground, violations in the election procedure, the activities of political parties and their representatives during the elections. The regions of the Central Industrial District of Russia remain poorly investigated.

Keywords: Soviet period, All-Russian Constituent Assembly, historiography, researchers, all-Russian level, regional level, election holding, election results, Kaluga province.

References

1. Akul'shin P.V. (2018) Vy'bory' v uchreditel'noe sobranie i politicheskaya bor'ba v guberniyax central'noj rossii v 1917-1920 gg. (na materialax vladimirskoj, kaluzhskoj, ryazanskoj i tul'skoj gubernij) [Elections to the Constituent Assembly and political struggle in the provinces of Central Russia in 1917-1920. (based on the materials of the Vladimir, Kaluga, Ryazan and Tula provinces)] // Tavrisheskie chteniya 2018. Aktual'ny'e problemy' parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchny'x statej [Tauride Readings 2018. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. Collection of scientific articles]. SPb.: 2019. Ch. 2. S. 161-170.

2. Bazanov S.N. (2018) Itogi vy'borov v Uchreditel'noe sobranie v dejstvuyushhej armii v noyabre 1917 goda (pravda i vy'my'sel) [Results of the elections to the Constituent Assembly in the active army in November 1917 (truth and fiction)] // Obshhestvo i vlast' v Imperatorskoj Rossii, SSSR i sovremennoj Rossijskoj Federacii. Materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati doktora istoricheskix nauk, zaslužhennogo deyatelya nauki RF

E.M. Shhagina. M.: MPGU, 2018. S. 117-125.

3. Vorob'ev A.A. (2009) K voprosu o vy'borax v Uchreditel'noe sobranie v gorode Poloczke i Poloczkom uezde Vitebskoj gubernii [On the issue of elections to the Constituent Assembly in the city of Polotsk and the Polotsk district of the Vitebsk province] // Vestnik Poloczckogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. 2007. № 7. S. 42-46.; Vy'bory' v Uchreditel'noe sobranie v Drissenskom uezde Vitebskoj gubernii [Elections to the Constituent Assembly in the Drissensky district of Vitebsk province] // Vestnik MDPU im. I.P. Shamyakina. 2007. № 2. S. 64-68; K voprosu o vy'borax vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v Nevel'skom uezde Vitebskoj gubernii [On the issue of elections to the All-Russian Constituent Assembly in Nevel'sky Uyezd of Vitebsk Province] // Vestnik Poloczckogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. 2009. № 1. S. 26-29.

4. Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie. (2014) [All-Russian Constituent Assembly. Encyclopedia] / author-compiler ` L.G. Protasov. M.: Political Encyclopedia, 555 s.

5. Gordeev P. N. (2022) «Lozha Uchreditel'nogo sobraniya»: «xozyain zemli russkoj» i by'vshie imperatorskie teatry ["Lodge of the Constituent Assembly": "the master of the Russian land" and former imperial theaters] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. № 1(56). S. 105–111.

6. Goldfarb S.I. (2021) Politicheskie vzglyady` Isaaka Gol'dberga na ideyu Uchreditel'nogo sobraniya [Isaac Goldberg's political views on the idea of a Constituent Assembly] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. T.35. S. 38-46.

7. Esakov T. V. (2003) Vy'bory' v Uchreditel'noe Sobranie i predvy'bornaya bor'ba e'serov Urala [Elections to the Constituent Assembly and the pre-election struggle of the Social Revolutionaries of the Urals] // Vestnik ChelGU [Bulletin of ChelSU]. No 2. S. 72-79.

8. Zhdanova I.A. (2007) Socio-political ideas about Democracy in the Russian periodical press of March-October 1917 (2003) Diss. ... Candidate of Historical Sciences Moscow; Smirnov V.I. Mensheviks and violence in the Revolution. 1917 - early 1918: Based on the materials of the Menshevik press. Diss. ... Candidate of Historical Sciences. SPb; Gavrilova O.A. Petrogradskoe zemstvo na vy'borax v US (Po materialam Petrogradskogo zemskogo vestnika) [Petrograd Zemstvo in the elections to the CA (Based on the materials of the Petrograd Zemstvo Bulletin)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. №2. S. 61-70.

9. Zajcev I.V. (1998) Vy'bory' v Uchreditel'noe sobranie v Kaluzhskoj gubernii [Elections to the Constituent Assembly in Kaluga Province] // Voprosy' vy'borov i izbiratel'nogo prava [Questions of electoral law]. No 1. S. 28-46.

10. Znamenskij O.N. (1978) Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie. Istoriya sozy'va i politicheskogo krusheniya. [All-Russian Constituent Assembly. The history of convocation and political collapse.] M.: Nauka, 364 s.

11. Kalashnikov V.V. Rospusk uchreditel'nogo sobraniya kak prichina grazhdanskoj vojny` : pro et contra [Dissolution of the Constituent Assembly as the cause of the civil War: pro et contra] // Tavricheskie chteniya 2020. Aktual'ny'e problemy' parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchny'x statej [Tauride Readings 2020. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. Collection of scientific articles]. SPb.: 2021. Ch. 2. S. 123-137.

12. Lazarev V.V. Lists of Candidates for the Constituent Assembly as a source on the History of Political Struggle in Russia in 1917 (2000) Diss. ... Candidate of Historical Sciences Moskow.

13. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works], 55 Vols, 4 th ed. M.: Politizdat Publ., 1967–1975. S. 1-24.

14. Protasov L.G. (1997) Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriya rozhdeniya i gibeli. [All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and death] M.: ROSSPEN, 368 s.

15. Protasov L.G. Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie [All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and death].

16. Radchenko N.N. (2019) Uchastie e'sera V. S. Pankratova v vy'borax v Uchreditel'noe sobranie po Yakutskoj oblasti [Participation of Socialist Revolutionary V. S. Pankratov in the elections to the Constituent Assembly of the Yakut region] // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura №10 (66).

17. Stegnyushin A.A. (2019) Uchreditel'noe sobranie v teorii i politicheskoy praktike men'shevikov v pervoj chetverti XX veka [The Constituent Assembly in the Theory and political practice of the Mensheviks in the first quarter of the XX century]: Diss. ... Candidate of Historical Sciences Omsk,.

18. Holyaev S.V. (2019) Moglo li uchreditel'noe sobranie vy`vesti rossiya iz krizisa? [Could the constituent Assembly lead Russia out of the crisis?] // Tavrisheskie chteniya 2018. Aktual'ny'e problemy` parlamentarizma: istoriya i sovremennost. Sbornik nauchny`x statej [Tauride Readings 2018. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. Collection of scientific articles]. SPb. Ch. 2. S. 197-201.

Об авторе

Мухина Марина Владимировна – аспирант 1-го курса кафедры истории Института Истории и права, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (Россия), E-mail: marina.platonova.93@mail.ru.

Mukhina Marina Vladimirovna – 1st year postgraduate student of the Department of History of the Institute of History and Law, Tsiolkovsky Kaluga State University (Russia), E-mail: marina.platonova.93@mail.ru.

Олейник С.А., кандидат юридических наук, Международный юридический институт, Москва (Россия).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ НА РАБОТУ С КАДРАМИ В ВОЙСКАХ И ОРГАНАХ НКВД-НКГБ СССР В 1940-е гг. ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ И ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

После распада Советского государства осуществлялась (и продолжает осуществляться) чрезвычайно активная критика общественного строя, который существовал в нашей стране более семидесяти лет, подвергались обструкции органы и войска государственной и общественной безопасности. При этом, в большинстве своем материалы, свидетельствующие о негативной роли этих государственных структур, опирались на такие источники, как воспоминания участников событий, по всей видимости ввиду того, что в большей своей части данные материалы были засекречены и до настоящего времени недоступны широкой общественности. Вместе с тем, изучение истории должно опираться на объективные факты окружающей действительности.

В данной связи в предлагаемой статье предпринята попытка раскрыть некоторые особенности деятельности этих структур и влияние на состояние работы с кадрами в этом закрытом ведомстве на основе рассекреченных архивных документов Государственного архива Архангельской области. Данный подход опирается на тот факт, что на рассматриваемой территории в изучаемый нами период времени было дислоцировано достаточно большое количество пенитенциарных и иных ведомственных учреждений НКВД-НКГБ СССР и можно условно считать эту область типовой с точки зрения оценки общей обстановки по ведомству.

Ключевые слова: НКВД СССР, кадры НКВД, кадровый состав, надзор, тоталитарный режим, поддержание законности, правопорядок, реагирование, пенитенциарная система.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-99-105

С легкой руки А.И. Солженицына, путем нехитрого рифмования, одно из структурных подразделений НКВД СССР – Главное управление лагерей (ГУЛАГ), превратилось (по всей видимости для благозвучия и повышения внимания к проблеме) в «АРХИПЕЛАГ». Следует отметить, что в одноименном произведении автора, выпущенном в 1973 году, этот орган характеризуется как один из наиболее значимых элементов государственной тоталитарной системы, который непосредственно поддерживал верховенство личной власти партийного и государственного лидера путем всяческого унижения и попрания прав и свобод человека и гражданина [9, с. 110].

Такое явление, как массовые репрессии, проводившиеся в нашей стране в период нахождения на высших партийных и государственных должностях И.В. Сталина, уже многократно рассматривалось в научной литературе. Не существует единства мнений по этой проблеме до сих пор [7, с. 43; 5], однако в большинстве своем работы выглядят однобоко-негативно [1, с. 10; 4, с. 12; 10], что обоснованно (особенно в условиях проведения специальной военной операции) вызывает в противовес такой вопрос: на сколько соблюдались в ходе исследования этих лакун основополагаю-

щие принципы изучения истории – принцип историзма, а также принципы полноты, всесторонности и объективности.

В данной связи, опираясь на рассекреченные архивные материалы полагаю бы уместным (для повышения уровня раскрытия проблемы и повышения объективности имеющихся научных знаний) представить вниманию некоторые, до настоящего времени не исследованные страницы отечественной истории, которые могут пролить свет на некоторые особенности работы такого ведомства (и некоторых его организационных структур), как НКВД-МГБ-МВД СССР.

Данный процесс можно более эффективно, на наш взгляд, проводить, опираясь на изучение организации работы с кадрами этих структур, а также влияние на организацию этой работы надзорных органов [8, с. 28]. В связи с этим в статье предлагается выборка некоторых архивных материалов, представляющих несомненный исследовательский интерес.

Например, как свидетельствуют рассекреченные архивные материалы, публикуемые впервые, в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы во-

енной прокуратурой войск НКВД Архангельской области¹ рассматривались материалы в отношении ряда оперативных сотрудников, следователей, военнослужащих и иных работников данного ведомства.

Одно из этих дел, связанное с пожаром в организации «Катерстрой» в Архангельской области, можно условно считать характерным для того, чтобы можно было понять особенности разрешения противоречия публичных и частных интересов, взаимоотношений «личности и власти» в обозначенный период и раскрыть некоторые особенности организации работы следственных, оперативно-чекистских структур наркомата внутренних дел и надзорного ведомства.

Так, в постановлении помощника военного прокурора капитана юстиции Кобленц от 8 июня 1943 г., которое было утверждено военным прокурором области полковником юстиции Бетинным [2, с. 25], рассматривалось дело по обвинению гражданина «В». Как указывал в документе работник надзорного ведомства, 9 января 1943 года на складе одного из цехов организации «Катерстрой» (которая была подведомственна архангельской трудколони НКВД для несовершеннолетних), произошел пожар, причинивший убыток на сумму около 200 рублей.

По данному делу были выделены подозреваемые (заключенные трудколони «В» и «К»), которых планировалось «*привлечь к судебной ответственности за совершение «диверсионного акта»*» (по ст. 58-9 и 58-10 Уголовного Кодекса, поскольку именно таким образом работниками ведомства был квалифицирован (в период войны) поджог указанного склада) [2, с. 26].

В качестве основных улик против названных заключенных явились их собственные признания, а также рассказы, которыми эти же самые лица «*делились во время пребывания в камере в период следствия по делу»*».

Однако в судебном заседании военного трибунала Архангельского военного округа 11 марта 1943 г., обвиняемые «В» и «К» отказались от показаний, данных ими на следствии, поскольку (опять же с их

собственных слов) к ним применялись незаконные методы дознания (избиения, моральное давление и проч.), со стороны работников следствия.

Ввиду этого, военный трибунал направил дело на дополнительное расследование, в ходе которого работниками военной прокуратуры войск НКВД Архангельской области 31 марта 1943 г. было дано указание начальнику оперативно-чекистского отдела прекратить уголовное дела по указанному эпизоду ввиду неустановления причастности подозреваемых граждан к поджогу.

Получив это указание надзорной инстанции, работники следственного органа НКВД «Т» и «С» 16 апреля 1943 г. предъявили гражданину «В» дополнительное обвинение по п. «д» статьи 162 действовавшего Уголовного Кодекса (в связи с возможным хищением зерна в той же трудколони — однако спустя две недели и это уголовное дело было прекращено производством), при этом и уголовное дело о диверсионном акте одновременно также было прекращено [2, с. 27].

Но спустя неделю, 21 апреля, те же работники следствия вновь (как потом оказалось безосновательно) предъявили повторное обвинение указанным заключенным в поджоге склада и направили материалы для его рассмотрения в военный трибунал войск НКВД Архангельской области.

По поручению военного прокурора Архангельского военного округа, по данному делу было назначено дополнительное расследование по ряду невыясненных обстоятельств, в частности и по вопросу незаконных методов следствия. Допрошенные заключенные «В» и «К» дали подробные показания о том, что работники следствия понуждали их к даче вымышленных показаний о поджоге ими склада и систематически, для достижения своих целей, избивали их. При этом в процессе нанесения побоев принимали непосредственное участие еще два работника оперативно-чекистского отдела.

Прокурорскими работниками был дополнительно допрошен один из свидетелей по данному делу, который показал, что, находясь в одной камере с обвиняемым

¹ К подследственности данного учреждения относились материалы о совершении преступлений военнослужащими и сотрудниками НКВД-МГБ-МВД СССР, работниками подведомственных предприятий и учреждений, а также всеми лицами, находящимися в местах лишения свободы и подозреваемых в повторном совершении преступлений (рецидиве) — *Прим. автора.*

«В», еще в феврале 1943 года узнал от последнего, что на допросах подследственных избивают работники оперчасти и следствия и заставляют сознаться в совершении диверсии, к которой он не причастен. Другой обвиняемый — «К», по показаниям свидетеля (также сокамерника), вернувшись с допросов тоже неоднократно заявлял, что от показаний, данных на следствии, он откажется, поскольку его «били» и демонстрировал следы побоев на теле [2, с. 28].

Кроме того, в ходе изучения материалов дела, проведенного военной прокуратурой, были получены следующие дополнительные, имеющие значение для дела, сведения, которые в совокупности и повлияли на рассмотрение материалов по существу.

Заклученный «В», отбывая наказание в колонии, нештатно исполнял обязанности помощника начальника пожарной охраны, где познакомился с работницей этой колонии (из числа офицеров) «А», с которой его стали связывать определенные отношения и у которой в дальнейшем он «неоднократно бывал в квартире».

В связи с тем, что у него отсутствовала возможность свободно покинуть колонию с целью посещения своей новой знакомой, заключенный взял за правило периодически устраивать (путем совершения телефонного звонка) «ложные пожары» (за пределами территории трудколони, но в местах ответственности пожарной охраны), ввиду чего имел возможность выезжать под указанным предлогом из колонии на пожар (а по факту к своей знакомой «на квартиру»).

В день, когда произошло описываемое событие, заключенный «В» также находился у своей знакомой дома и тоже по причине «ложного пожара». По стечению обстоятельств, возгорание действительно произошло и указанное лицо попало таким образом в поле зрения оперативно-чекистского отдела.

Ввиду вновь открывшихся обстоятельств, допроса «знакомой», подтвердившей указанные сведения, уголовное дело в отношении «В» было прекращено производством. Сотрудница ведомства «А» была наказана в дисциплинарном порядке.

Одновременно с этим, 16 июля 1943 г. заместителем начальника Управления НКВД Архангельской области подполковником госбезопасности Бирюковым было вынесено «Постановление о выделении материалов из следственного дела № 370»

ввиду применения незаконных методов дознания со стороны оперработников и следователей. Было установлено, что работники оперчекистского отдела, занимавшиеся следствием по делу гражданина «В» «занимались вымогательством показаний от обвиняемых и незаконно применяли к ним меры физического воздействия» [2, с. 19].

Заметим, что с указанным постановлением был ознакомлен и согласен заместитель начальника оперативного отдела НКВД Архангельской области капитан госбезопасности Вестаков.

Дискредитировавшие себя сотрудники были уволены, следственные дела в отношении этих сотрудников были выделены из указанного следственного дела № 370, переданы в особую инспекцию УНКВД, в их отношении были возбуждены уголовные дела, а в дальнейшем они были осуждены к различным срокам заключения [2, с. 20].

Рассмотрение этих документальных материалов дает нам возможность сформулировать некоторые обобщенные выводы:

- во-первых, со стороны работников оперативно-чекистских и следственных структур действительно совершались такие преступления, как превышение должностных полномочий (в контексте интерпретации их противоправного поведения через современное уголовное законодательство, причем и современное общество все еще не избавилось от таких противоправных аспектов в деятельности соответствующих структур [5]);

- во-вторых, следует заметить, что во главу угла в советском обществе ставилось все-таки достижение законности, правопорядка и справедливости: вряд ли можно сказать, что военный трибунал не до конца исследовал обстоятельства дела, нельзя здесь и говорить о том, что справедливость в конечном счете не восторжествовала;

- в-третьих, следует заметить, что в условиях так называемого жесточайшего «тоталитаризма» вряд ли мог иметь место такой вопиющий случай, как неформальная связь осужденного с работником столь «сурового» ведомства, как НКВД СССР.

В данной связи невольно возникает вопрос, что же это был за «тоталитаризм», при котором за «связь» заключенного с сотрудницей репрессивного ведомства (которая помогла осужденному доказать свою невиновность и избежать уголовного наказания), почему-то никого не «расстреляли» или иным, самым жестоким образом, не покарали.

Почему в этом «тоталитарном» обществе столь существенное внимание уделялось не достижению провозглашаемой в публицистической литературе цели унижения прав и свобод человека и личности, а давалась объективная и беспристрастная оценка противоправной деятельности работникам основного репрессивного ведомства?

Указанный противоречивый эпизод в работе этого до настоящего времени закрытого ведомства не является единичным. В рамках надзорной деятельности органами военной прокуратуры войск НКВД Архангельской области проводились многочисленные мероприятия по проверке возможного нарушения законности в ведомстве, принимались достаточно взвешенные, принципиальные меры реагирования на эти нарушения.

Например, из материалов информирования прокурора Маймакского района города Архангельска тов. Незговорова, военным прокурором войск НКВД Архангельской области от 24 апреля 1944 г. № 065 [2, с. 31], нам известно, что представляемые в военный трибунал войск НКВД Архангельской области материалы в отношении лиц, совершивших дезертирство из областных оборонных предприятий, подведомственных НКВД СССР, зачастую составлялись с существенным нарушением Постановления Совнаркома СССР от 3 января 1943 г. Данное Постановление обязывало руководителей предприятий военной промышленности подготавливать для направления в надзорное ведомство первичные материалы о работниках, дезертировавших с производства (не позднее следующего дня, после установления данного факта). Заметим, что зачастую лица, в отношении которых составлялись материалы о привлечении к ответственности, попросту не были реализованы по различным причинам.

Так, в приказе Директора завода № 25 от 29 апреля 1944 г. по делу гражданки «Г» указывалось «...за систематический невыход на работу дело на «Г» передать в прокуратуру для привлечения к ответственности...». Однако, в ходе допроса работниками прокуратуры гражданки «Г» выяснилось, что невыходы на работы (т.е. в понимании руководства завода дезертирство) были обусловлены банальным отсутствием у нее обуви (в связи с чем после вмешательства работников прокуратуры ей выдали обувь и направили на работу) [2, с. 32].

Или, как видим из материалов в отношении гражданки «С», которая дезертировала с завода № 6 еще 25 января 1944 г., материалы о совершении ею этого противоправного поступка были направлены в прокуратуру на рассмотрение 25 февраля того же года. Ввиду нарушения сроков представления материалов в военную прокуратуру, гражданку «С» также не привлекли к уголовной ответственности, всего лишь указав ей на недопустимость такого поведения [2, с. 32].

Любопытный эпизод содержится в постановлении военного прокурора войск НКВД Архангельской области майора юстиции Емельянова от 25 января 1944 г. В нем указано, что в ночь на 31 декабря 1944 г. две работницы порта «Экономия» оставили работу на кране и договорились с двумя военнослужащими 4-го Архангельского погранотряда НКВД СССР (выполняли задачи по охране порта) о похищении ящика мясных консервов. Присутствующие при этом дежурные по причалу не предупредили фактов хищения, а сами приняли в этом деятельное участие. После обнаружения факта хищения в ходе допроса военнослужащие и работницы порта пояснили, что действительно «*похитили консервы, которые сразу употребили себе в пищу*» [3, с. 3].

Данный эпизод стал заметным событием в жизнедеятельности порта «Экономия». Путем проведения серьезного прокурорского разбирательства (допросов, опросов, очных ставок и проч.), работники надзорного ведомства пришли к выводу о необходимости «разрешить вопрос о нарушении постовой службы военнослужащими-пограничниками в дисциплинарном порядке властью начальника 4-го Архпогранотряда», при этом «*Следственную переписку направить Начальнику отдела контрразведки «СМЕРШ» НКВД для хранения в архиве*» [3, с. 4].

Как видим, к уголовной ответственности снова никого не привлекли. Понятно, что с одной стороны в воюющей четвертый год стране имелись существенные сложности с материально-бытовым обеспечением всех слоев общества (указанные работники совершили хищение консервов ввиду банального голода); с другой стороны, формально налицо совершение уголовно-наказуемого деяния. Почему же в «тоталитарном» государстве никого из этих лиц не привлекли к уголовной ответственности?

Не менее интересен с точки зрения внутриведомственного реагирования на факты нарушения законности материал в отношении работавшей в органах Управления НКГБ по Архангельской области с 1937-го года в качестве надзирателя внутренней тюрьмы гражданки «М».

Утвержденным 27 марта 1944 г. начальником Управления НКГБ Архангельской области комиссаром госбезопасности Писцовым Постановлением, было возбуждено уголовное дело в отношении названной сотрудницы. Основанием для возбуждения уголовного дела явилось расследование, в ходе которого было установлено, что «М», использовала свое служебное положение и представившись (с предъявлением служебного удостоверения работника НКГБ) прибыла на дом к гражданке «Д», дочь которой находилась в заключении. Введя в заблуждение мать заключенной, она сообщила, что её дочери разрешена передача и «она по просьбе последней пришла получить таковую». В результате неправомерных действий сотрудница УНКГБ Архангельской области незаконно получила и присвоила себе «...туфли желтого цвета, платье из ткани, рубашку, рейтузы, чулки, полотенце, наволочку, масла сливочного и песку сахарного по 300 грамм, булочек 13 штук и узелок сухарей...» [2, с. 38].

Вполне естественно, что, какие-либо имиджевые потери от действий такой «сотрудницы» УНКГБ Архангельской области не понесло, поскольку широкой огласке этот факт не предавался (ввиду закрытости ведомства). Вместе с тем, руководство Управления не стало «выгораживать» данную «работницу», а поступило по-партийному принципиально и приняло все необходимые меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления. Гражданка «М» понесла суровое наказание с отбыванием длительного срока заключения в колонии в той же Архангельской области.

Автор выражает глубокую благодарность руководству и сотрудникам ГБУАО "Государственный архив Архангельской области" за оказание содействия в архивном поиске и в работе с архивными материалами

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Экономика ГУЛАГа была неэффективна // Наука и общество. - №1 - 2017. - С. 10-12.
2. Государственное бюджетное учреждение Архангельской области Государственный архив Архангельской области (далее - ГААО). Фонд 5593. Оп. 4. Д. 1.

Подводя итог рассмотрению некоторых эпизодов в деятельности структур государственной и общественной безопасности Архангельской области, влияние на их работу надзорного ведомства, следует отметить следующее. В большинстве своем нарушениям законности и правопорядка в исследуемых структурах давалась конкретная, обстоятельная и предметная оценка.

Более того, из архивных материалов мы усматриваем, что ведомственными структурами по негативным основаниям были привлечены к дисциплинарной ответственности и уволены не менее семи работников, в том числе офицерского состава, что в условиях военного времени и дефицита офицерских кадров являлось весьма существенным фактором, оказывавшем комплексное воздействие (руководители этих сотрудников также привлекались к ответственности, не могли рассчитывать на повышение по службе и проч.) на вопросы расстановки кадров в рассматриваемых структурах.

Заведение материалов как по достаточно серьезным нарушениям законности (злоупотребление, превышение должностных полномочий, в т.ч. связанное с применением насилия представителями органов государственной власти), так и по ситуациям малозначительного характера (хищение продуктов питания и т.п.), их вдумчивое, крайне педантичное рассмотрение в надзорном органе (прокуратуре войск НКВД Архангельской области) и в военном трибунале, свидетельствуют о внимательном отношении со стороны государства к проблемам поддержания законности и правопорядка в таком закрытом ведомстве, как НКВД СССР. Представленные материалы ставят под сомнение правдивость многих изложенных в публицистической литературе «фактов» и актуализируют необходимость изучения истории по достоверным, «архивным», в том числе рассекреченным, материалам.

3. ГААО. Фонд 5593. Оп. 4. Д. 2.
4. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. - №1 (66). - 2012. - С. 12-13.
5. Из тюремного ада. Как многолетние пытки и издевательства над заключенными привели к отставке главы ФСИН России. Интернет-ресурс. <https://lenta.ru/articles/2021/11/25/kalashnikov/> Дата обращения: 25.06.2022.
6. Кистанов С.В., Шилова Д.А. Фальсификация фактов советской истории в современной информационной среде // Огарев-Online. 2021. № 4 (157). - EDN GINNOM.
7. Климов А.А. Применение соединений и частей внутренних войск НКВД-МВД СССР в 1940-1950-е годы // Военно-исторический журнал. М. 2010. № 1. С. 43-45.
8. Климов А.А., Олейник С.А. "Тринадцатый воин": некоторые вопросы организации работы с кадрами войск НКВД СССР в 1940-е гг. // Журнал "Всеобщая история". М. 2021. № 12. С. 27-41.
9. Солженицын А.И. «Архипелаг ГУЛАГ». YMCA-PRESS. Париж, 1973.
10. Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia. 1934-1941. - New Haven, 1996. - 140 p.

ABOUT SOME ASPECTS OF THE IMPACT ON WORKING WITH PERSONNEL IN THE TROOPS AND ORGANS NKVD-NKGB USSR IN 1940s. THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE AND THE MILITARY TRIBUNAL NKVD TROOPS OF ARKHANGELSK REGION

After the collapse of the Soviet State, an extremely active criticism of the social system that existed in our country for more than seventy years was carried out (and continues to be carried out), state and public security bodies and troops were obstructed. At the same time, most of the materials testifying to the negative role of these state structures relied on sources such as the memoirs of participants in the events, apparently due to the fact that for the most part these materials were classified and still inaccessible to the general public. At the same time, the study of history should be based on objective facts of the surrounding reality. In regard, the proposed article attempts to reveal some of the features of the activities of these structures and the impact on the state of work with personnel in this closed department on the basis of declassified archival documents of the State Archive of the Arkhangelsk region. This approach is based on the fact that a sufficiently large number of penitentiary and other departmental institutions of the NKVD-NKGB of the USSR were stationed in the territory under consideration during the time period we are studying, and this area can be conditionally considered typical from the point of view of assessing the overall situation in the department.

Keywords: NKVD of the USSR, NKVD cadres, personnel, supervision, totalitarian regime, maintenance of legality, law and order, response, penitentiary system.

References

1. Borodkin L.I. (2017) Ekonomika GULAG bila neeffektivna [The economy of the GULAG was ineffective] *Science and Society*. - No. 1 - 2017. - pp. 10-12.
2. State Budgetary Institution of the Arkhangelsk region State Archive of the Arkhangelsk Region (hereinafter - GAAO). Fund 5593. Op. 4. D. 1.
3. GAAO. Foundation 5593. Op. 4. D. 2.
4. Zemskov V.N. (2012) O mashtabah politicheskikh repressii v SSSR [On the scale of political repression in the USSR] *Political Enlightenment*. - №1 (66). - 2012. - Pp. 12-13.
5. Iz turemnogo ada. Kak mnogie pitki i izdevatelstva nad zaklucennimi priveli k otstavke glavi FSIN Rossii (2022) [From prison hell. How long-term torture and abuse of prisoners led to the resignation of the head of the Federal Penitentiary Service of Russia] *Internet resource*. <https://lenta.ru/articles/2021/11/25/kalashnikov>
6. Kistanov S.V., Shilova D.A. (2021) Fal'sifikatsija faktov sovetskoj istorii v sovremennoj informatsionnoj srede [Falsification of the facts of Soviet history in the modern information environment] *Ogarev-online*. 2021. № 4 (157). - EDN IS A GENIE.
7. Klimov A.A. (2010) Primenenie soedinenij i chastej vnutrennih vojsk NKVD-MVD SSSR v 1940-1950-e gody [The use of formations and units of the internal troops of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the 1940s-1950s] *Military-Historical Journal*. M. 2010. No. 1. pp. 43-45.
8. Klimov A.A., Oleinik S.A. (2021) "Trinadtsatij vojn": nekotorye voprosy organizatsii raboty s kadrami vojsk NKVD SSSR v 1940-e gg. ["The Thirteenth warrior": some issues of the organization of work with the personnel of the NKVD troops of the USSR in the 1940s.] *Journal "Universal History"*. M. 2021. No. 12. pp. 27-41.
9. Solzhenitsyn A.I. (1973) «Arhipelag GULAG» ["GULAG Archipelago"] *YMCA PRESS*. Paris, 1973.
10. Thurston R. Life and Terror in Stalinist Russia. 1934-1941. - New Haven, 1996. - 140 p.

Об авторе

Олейник Сергей Александрович - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института, Москва (Россия), соискатель ученой степени доктора исторических наук НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, e-mail: oleynik.s.a@mail.ru

Oleynik Sergey Alexandrovich - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the International Law Institute, Moscow (Russia), candidate for the degree of Doctor of Historical Sciences of the Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, e-mail: oleynik.s.a@mail.ru

Проконин Ф.И., аспирант, Орловский государственный университет (Россия)

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА ОБ АНГЛО-ЯПОНСКОМ СОЮЗЕ 1902 ГОДА

В статье рассматривается англо-японский союз 1902 года в оценке прессы Великобритании. Объяснение причин пересмотра внешнеполитической парадигмы, известной как политика «блестящей изоляции», только с экономической и политической точек зрения было бы неполным без учета такого фактора, как «общественное мнение», оказывавшее опосредованное влияние на процесс принятия решений в области внешней политики. Пресса – газеты и журналы, к началу XX века становится важным инструментом выражения общественного мнения и интересов различных общественных групп – чиновников, предпринимателей, рабочих и представителей интеллектуальной среды. В британских газетах и журналах публиковались материалы, освещающие предысторию договора 1902 года, позицию правящих кругов в Англии и союзной ей Японии, отношение стран континентальной Европы и Америки, а также общественных деятелей этих государств к англо-японскому союзу. Британскую публику и журналистов интересовали также экономический потенциал и военная организация империи Микадо. В газетах и журналах оценивались и анализировались все возможные риски, связанные с угрозой эскалации союзной Японии с конкурентом обеих держав – Россией. Автор приходит к выводу, что англо-японский союз 1902 года был комплексно освещен в центральных и провинциальных печатных изданиях Великобритании.

Ключевые слова: англо-японский союз, пресса, Великобритания, Япония, Россия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-106-113

Дальневосточный регион становится одним из важных факторов во внешней политике зарубежных стран. Безусловно, Англия с середины XIX века имела здесь собственные интересы. Британское правительство и общественные круги внимательно следят за зарубежными конкурентами. В правящих кругах Великобритании беспокойство вызывает активность России в этом регионе. Строительство россиянами железных дорог – Транссиба и КВЖДЖ – нарушало геополитические интересы Великобритании.

С другой стороны, Япония набирала силу и международный авторитет на Дальнем Востоке. Постепенно укреплялось сотрудничество Великобритании и Японии. Принимая в расчет японский фактор, британское правительство рассчитывало усилить ослабленные позиции в Китае и в северной части Тихого океана посредством организации между двумя странами стратегического союза.

Цель настоящей статьи состоит в изучении освещения британской прессы англо-японского договора 1902 года и его отдельных аспектов, которые интересовали как самих авторов статей, так и читателей Соединенного королевства – гражданских и военных.

Методологической основой исследования явились принципы научного историзма, объективности и системности, методы общенаучные и частно-исторические методы.

К началу XX века британское общество имело вполне достоверные сведения и представления о том, что из себя представляла империя Микадо. Японская, а не китайская культура становится популярной в Англии. Япония не была неизвестной страной для британского общества, скрытой под семью печатями. Как сообщает британский историк А.Дж. Коббинг, «Лондон привлекал больше студентов, чем любой другой город на Западе» [7, Р.6]. Япония активно принимала участие во Всемирной выставке в Париже 1900 года и в подавлении боксерского восстания в Китае наравне с другими иностранными державами (активное участие Японии в событиях агрессии 8 держав в Китае началось с июня 1900 года). Япония регулярно экспортировала большое количество растений и кустарников в страны Запада. «Barry Herald» отмечал, что любимые цветы в Англии «хризантема и золотая лилия происходят родом из страны восходящего солнца» [5, 7 Mar.]. Ее культурная, политическая, социально-экономическая специфика находила освещение в английских журналах. Другими словами, английская общественность была подготовлена к дальнейшему развитию англо-японских отношений. Как утверждает канадский исследователь М. Макмиллан, империя Микадо «уже стала полноценным игроком на международной арене – если не в мировом масштабе, то уж точно в пределах Азии» [3, С.40-41].

С конца XIX века Англия приступила к поиску союзников. В 1902 году был заключен англо-японский союз. Ему предшествовала оживленная дискуссия в британской прессе и в парламенте. В «толстых» журналах публиковались статьи, дискуссионные по своему характеру о внешнеполитической ориентации Великобритании с учетом ее геополитических интересов. В журналах были представлены различные точки зрения. С одной стороны, пропагандировалась идея сближения Англии с державами франко-русского союза. С другой, в качестве альтернативы предлагалась империя Микадо.

Так, во второй половине 90-х г. в британских «толстых» журналах была развернута дискуссия, посвященная международному положению Англии в Европе и на Дальнем Востоке. На страницах критического журнала «The Contemporary Review» публиковались разноплановые статьи, в том числе ярко выраженной франкофильской и русофильской направленности [18, 1895, Vol.67, P.1-16, 783-787].

Французский публицист Ж. Симон доказывал, что «два народа (англичане и французы – Ф.П.) не могут быть разделены без ослабления обоих» [18, 1895, Vol.67, P.787]. Такие страны, как Англия и Франция, колонизируют мир, осуществляют миссионерскую деятельность, одинаково заботятся о коммерческих интересах, у них «одно и то же Евангелие и один и тот же Бог», одним словом – Англия и Франция имеют много общего [18, 1895, Vol.67, P.786].

Что же касается России, некоторые журналисты также высказывались в пользу сближения с ней. В частности, М. Макколл, британский публицист, указывал, что «из всех европейских держав мы (Англия и Россия – Ф.П.) являемся теми двумя, которые больше всего выигрывают от дружественного положения и больше всего теряют от антагонизма» [18, 1895, Vol.67, P.6]. Он также полагал, что Россия никогда не предпримет попытку атаковать британские владения в Индии. Индийская кампания для неё – слишком рискованное предприятие, не оставляющее шансов на успех [18, 1895, Vol.67, P.2-5]. Однако, не все журналисты были с ним согласны. Например, в леволиберальном журнале «The Fortnightly Review» появилась статья, в которой А.Дж. Френч выразил свое несогласие с аргументацией о том, что Россия не

опасна для Англии в военном отношении, как на это указывал М. Макколл, «не следует забывать, что завоевание Индии – не единственное средство, с помощью которого Россия могла бы помешать британской политике и нанести ущерб, если не разрушить наше (британское – Ф.П.) правление в Индии» [20, Vol.63, P.884]. А. Дж. Френч считал, что в Восточной Азии «еще слишком рано решать, каким должен быть наш (британский – Ф.П.) курс действий» [20, Vol.63, P.894].

В критическом журнале «The Contemporary Review» публиковались статьи, в которых предпринималась попытка проанализировать значение «пробуждения Японии» на Дальнем Востоке. Свое мнение насчет Японии выразили такие авторы, как Ф. Гринвуд, И. Дж. Диллон, Деметриус К. Боулджер, которые в целом достаточно верно определяли ее сильные и слабые стороны, а также выгоды, которые могла извлечь от потенциального партнерства с империей Микадо на Дальнем Востоке Великобритания [18, 1895, Vol.67, P.838-852 ; Vol.68, P.609-631, P.815-825 ; 2, С.319].

В пользу японского варианта отхода от политики «блестящей изоляции» высказывались многие британские политики и общественные деятели. И. Дж. Диллон, британский журналист, например, отмечал, что Англия «убедилась раз и навсегда, что надежда на англо-русский союз <...> иллюзорна», следовательно, Япония является «естественным союзником» Англии [18, 1895, Vol.68, P.627]. Однако впоследствии писал И. Дж. Диллон, о желательности достижения союза Англии с Францией и Россией [18, 1896, Vol.69, P.622]. Капитан Янгхазбенд, а также другие исследователи Дальнего Востока, консерватор лорд Керзон и представитель правых либералов Г. Норман, сравнивая Японию с Китаем, отдавали свое предпочтение стране восходящего солнца. «The Edinburg Review», придерживающиеся правых взглядов, подверг критики взгляды левого либерала Ч. Дилка, настроенного оптимистично по отношению к Китаю [19, 1895, Vol.182, P.132-155; 1896, Vol.183, P.237-266].

Важнейшей дискуссионной площадкой и центральным представительным учреждением Соединенного королевства являлся британский парламент. Депутатами обсуждались сильные и слабые стороны возможных внешнеполитических

комбинаций. Предлагались различные варианты действий в области внешней политики. В начале XX века правящая консервативная партия, находящаяся под руководством премьер-министра лорда Солсбери, сделала исторический выбор в пользу союза с Японией.

Сближению Англии и Японии, в частности, как сообщает американский историк П. Викман, способствовало желание двух государств не допустить усиления России в Манчжурии. Лондонская газета «The Times», поддерживающая британскую правительственную политику, в начале января 1901 года представила факты, значение которых было сильно преувеличено, о намерении России полностью оккупировать Манчжурию. Как отмечает американский историк П. Викман, премьер-министр Японии «граф Като пришел в ярость», а англичане, хотя и «предвидели возможность такого шага со стороны России», тем не менее, «не были особенно довольны перспективой открытого укрепления Россией их маньчжурских позиций» [28, P.111-112].

С целью поддержания политики открытых дверей в Китае, как сообщала газета «The Observer», британское правительство и министр колоний Дж. Чемберлен, в частности, на протяжении нескольких лет прилагали усилия, чтобы объединиться с Соединенными Штатами, Германией и Японией. В результате выяснилось, что только Япония оказалась готова выступить на стороне Великобритании и готова «поддержать свою верность своим мечом» [21, 16 Feb.]. Американский исследователь П. Викман считает, что «Япония <...> имела в целом схожие с Великобританией интересы в Восточной Азии и, <...> казалась, не питала амбиций на территории за пределами Восточной Азии» [28, P.121]. Договор 1902 года вносил серьезные изменения в международные отношения того времени, поскольку он выступил констатацией отказа Англии от традиционной политики «блестящей изоляции» [16, Vol.II, P.114-120].

По оценке канадского историка М. Макмиллан «известия о заключении договора были встречены в Японии большим ликованием и массовыми демонстрациями в его поддержку. В Англии реакция была более сдержанной, и ее правительство это вполне устраивало» [3, С.78]. Такую реакцию англичан британский исследователь

М. Бассет постарался объяснить тем, что «такой союз представлял некоторые сложности для общественного восприятия в Великобритании, потому что японцы не вписывались в концепцию «западной» эдвардианской расовой иерархии, поскольку они не были белыми и европейцами по географии или происхождению» [6, P.45-46]. Хотя в целом следует заметить, что весть о заключении англо-японского союза для прозвучала для англичан как гром среди ясного неба. Англо-японский договор вызвал неоднозначные отклики в британской прессе.

Так, царица газетного мира газета «The Times», поддерживающая правительственную политику, одобрила подписание договора. Следует указать тот факт, что газета с 1898 года выступала за союз с Японией [24, 1898, 26 Mar.]. Газета, не стесняясь, утверждала, что Англия «с большим удовлетворением воспримет важное соглашение между Великобританией и Японией», которое позволит «сохранить мир во всем мире» [24, 1902, 12 Feb.].

Консервативно-джингоистская печать «Daily Mail» и «Daily Express» всецело одобрила политику лорда Солсбери, который преподнес такой сюрприз своей стране в завершении своей блистательной карьеры. Рупору радикалов «Morning Leader» понравился новый договор настолько, что газета даже приписала успех консервативной партии заслугам либерального правительства лорда Розбери [Цит по: 12, 12-13 Feb.; 4, С.183].

Общий тон газет консервативной ориентации был направлен в пользу соглашения с Японией. Либеральная печать, представив читателям разнообразные по содержанию отклики на англо-японский договор о союзе, оценила договор более критично. Либеральная «Daily News» протестовала против договора, который, по мнению газеты, мог усилить антагонизм в англо-русских отношениях. Недовольство англо-японским договором выказал печатный орган либерал-юнионистов «The Spectator», который достаточно враждебно отнесся к внешнеполитическому акту консерваторов, но затем резкость оценок и суждений была скорректирована, смягчена в угоду соблюдения принципов преемственности действий в области внешней политики и сохранения единства нации [23, 15 Feb., 22 Feb.].

В целом разноплановые оценки наглядным образом подтверждают тот факт, что британская общественность была неоднородной по своим политическим взглядам и предпочтениям. Так, одни выступали противниками союза с Японией из расовых соображений или из-за пророссийской ориентации, другие, напротив, радовались установлению союзнических отношений со страной восходящего солнца, третьи сохраняли уверенность в жизнеспособности изоляционистской политики. Эти различия также отчетливо проявились и в ходе парламентских дебатов 1898-1902 гг. [13, 1898, Vol.54, Col.308-322].

В печати в обобщенном виде была представлена информация о ходе дискуссии в верхней и нижней палатах британского парламента зимой 1902 года. Суммируя материалы парламентских прений и публикации в печати, можно обрисовать позицию политиков. Консерваторы поголовно одобрили заключение союза. Так, племянник лорда Солсбери, будущий премьер-министр от консервативной партии, А. Бальфур выразил общее убеждение членов консервативной партии, что этим договором Англия сделает мир более прочным, а также обеспечит «status quo на Дальнем Востоке с равными торговыми возможностями для каждой нации, желающей принять участие в восточной торговле» [13, 1902, Vol.102, Col.1298].

Либералы, в целом, были настроены более критично. Так, например, правый либерал Г. Норман задавался вопросом: а «может ли Англия положиться на благоразумие и даже добрые намерения Японии?»; а У. Харкорт, лидер левых либералов, упрекал правительство консерваторов за договор, от которого отныне зависел «мир и будущее индийской империи» [13, 1902, Vol.102, Col.1281, 1301]. Следует признать, что, в общем и целом, критика договора со стороны либералов была осторожной.

Можно заключить, что позиция политических кругов оказалась сдержанной, тогда как представители крупного бизнеса, имевшие тесные экономические связи с Китаем и Дальним Востоком выступили в поддержку англо-японского договора.

Британские газеты освещали события, непосредственно предшествовавшие заключению англо-японского союза, внимание также уделялось анализу причин и

предпосылок, побудивших Англию вступить в союз с азиатской «пробудившейся» державой на Дальнем Востоке [14, 01 Jan. ; 27, 13 Feb. ; 10, 13 Feb. ; 11, 13 Feb. ; 9, 14 Feb.]. Печать сообщала о тревожном наступлении России на дальневосточном направлении. Англия опасалась превращения России в доминирующую державу в северной части Тихого океана. Газеты сообщали, что интересы Японии также были поставлены под угрозу действиями России, которая помимо Маньчжурии проявляла также интерес к Корейскому полуострову, интересовавший Японию. Следовал вывод о том, что договор 1902 года был выгоден в военном и политическом отношении для держав-подписантов. Газеты также пытались показать связь между визитом японского политического деятеля маркиза Ито в Россию в конце 1901 года и заключением англо-японского союза. Маркиз Ито был представлен в печати в качестве одного из организаторов англо-японской комбинации. Это можно расценивать как некий реверанс в сторону бывшего премьер-министра Японии.

Следует подчеркнуть, что публиковавшаяся информация о реакции общественных институтов Японии была благожелательная по отношению к союзу. Японский посланник в Лондоне барон Хаяси, который непосредственно был причастен к достижению англо-японского союза, в большом интервью отметил, что договор не был направлен специально против России. Что касается России, то, по заверению графа Мацуката, бывшего японского министра, японское правительство руководствуется только искренней миролюбивостью [12, 12 Feb. ; 11, 13 Feb. ; 8, 19 Jul. ; 17, 19 Feb.]. Подобную информацию следует воспринимать с известной долей скепсиса.

Еще одной темой, хорошо представленной в средствах массовой информации, была реакция иностранных держав и их представителей на англо-японское сближение [12, 13-25 Feb.; 25, 15 Feb.; 15, 22 Feb.]. Международная реакция континентальных держав Европы, а также Америки на данный союз в целом была благоприятна. Общее настроение выразила газета «The Pembrokehire Herald and General Advertiser» следующими словами: «приятно знать, что ни одна держава не протестовала <...> против договора» поскольку он заключен в интересах мира [22, 21 Feb.]. Однако, анализ

сделанных заявлений государственных деятелей — представителей дипломатического корпуса, военных кругов и интеллигенции вкуче с теми откликами зарубежной печати, которые были представлены населению Великобритании, показывает, что зарубежное общественное мнение в отличие от политиков, находящихся при исполнении своих должностных обязанностей, смогло более объективно оценить значение англо-японского союза для мира, выразить некоторые опасения насчет истинных замыслов Великобритании и Японии.

Печать просвещала читателей о цивилизованном укладе британского союзника, о темпах развития его экономики, о состоянии его производства и запасах минеральных ресурсов [5, 7 Mar.]. Так, например, «Barry Herald» констатировал, что «ресурсы страны (Японии — Ф.П.) богаты и разнообразны» [5, 7 Mar.]. У британского читателя формировалось представление об Японии как стране, которая к началу XX столетия шла в ногу со временем, т.е. что это была относительно развитая капиталистическая страна с хорошим военно-экономическим потенциалом, и, следовательно, Япония нужна была Британии как военный союзник. Газеты и журналы знакомили читающую публику о состоянии военно-морского флота и сухопутных сил Японии; пресса информировала об общих принципах организации и функционирования вооруженных сил империи Микадо [9, 14 Feb. ; 5, 7 Mar. ; 12, 23 Aug.]. Например, отмечалось, что японский флот имеет в своем составе современные корабли, построенные преимущественно в Англии, некоторые во Франции и в самой Японии. Состав императорского флота был разнообразным, имелись линкоры и крейсера, некоторые более мелкие суда. Армия была организована на основе всеобщей воинской повинности, японцы, как сообщали газеты, могли выставить армию общей численности от 600 до 700 тыс. человек с учетом имеющихся резервов. Подобный материал должен был убедить британское общество в том, что Япония является державой передового ранга, союз с которой может принести Великобритании неимоверные выгоды.

Определенную опасность для Великобритании представляла русско-французская декларация 1902 года [1, С.322-323]. Основная идея декларации заключалась в

том, что державы — подписанты оставляют за собой право предпринимать такие шаги, которые могут потребоваться для защиты их интересов [12, 20 Mar.; 11, 20 Mar.].

Не двусмысленно была обрисована картина будущей войны с Россией. Газеты отмечали антироссийскую направленность союза, хотя другие, напротив, пытались этот факт сокрыть и даже опровергнуть, ссылаясь на заявление лорда Лансдауна и текст договора 1902 года, в котором отсутствовали какие-либо упоминания о России. Пресса рассматривала и не исключала возможность эскалации России и Японии в азиатско-тихоокеанском регионе. Согласно условиям договора 1902 года, Англия была обязана прийти на помощь своему союзнику только в том случае, если бы против империи Микадо выступила коалиция держав. [23, 15 Feb., 22 Mar.; 11, 20 Mar.; 26, 29 Mar.]. На этот случай определялись регионы, из-за которых могла начаться война, театры боевых действий, вопросы стратегии и тактики. Пресса осуществляла психологическую подготовку населения — гражданских и военных к возможной войне, которая должна была восприниматься британским обществом как справедливая война, которая ведется ради принципов свободы, заботу о которых взяла на себя Великобритания.

«The Spectator», например, уделил пристальное внимание вопросам стратегического планирования для Великобритании на случай войны с Россией. Основным замысел состоял в том, чтобы сдерживать Россию и россиян от совершения акта агрессии. В противном случае следовало не отсиживаться в обороне, а вести активные наступательные действия. Сообщалось также, что Россия могла попытаться совершить вторжение в Индию или спровоцировать беспорядки в соседнем Афганистане [23, 22 Feb.].

Можно сделать вывод о том, что британские органы печати и общественность в самом широком смысле были достаточно хорошо осведомлены относительно происходящих событий на международной арене — трансформация британского внешнеполитического курса была в должной мере отражена на страницах британских газет и журналов.

Подводя итог, можно заключить, что англо-японский договор 1902 года вызвал неоднозначные отклики в британской прессе. Общий тон газет консервативной

направленности был направлен в пользу соглашения с Японией. Либеральная печать, представив читателям разнообразные по содержанию отклики на англо-японский договор о союзе, оценила договор более критично. Изменение внешнеполитической парадигмы – важное решение с далеко идущими последствиями для каждого аспекта британской политики.

Англо-японский союз 1902 года рассматривался правительством как большой успех. Либерально-империалистическое крыло оппозиции в отличие от центра и левого крыла либеральной партии менее скептически отнеслось к заключенному договору. Представители крупного бизнеса, имевшие тесные экономические связи с Китаем и Дальним Востоком, выступили в поддержку англо-японского договора.

Публиковавшаяся информация о реакции общественных институтов Японии показывала благожелательное отношение к союзу. Международная реакция на союз континентальных держав Европы, а также Америки в целом была благоприятна.

Однако, анализ сделанных заявлений государственных деятелей – представителей дипломатического корпуса, военных

кругов и интеллигенции вкупе с теми откликами зарубежной печати, которые были представлены населению Великобритании, показывает, что зарубежное общественное мнение в отличие от политиков, находящихся при исполнении своих должностных обязанностей, смогло более объективно оценить значение англо-японского союза для мира, выразить некоторые опасения насчет истинных замыслов Великобритании и Японии.

Таким образом, англо-японский союз открывал окно возможностей для союзников, в геополитическом масштабе союз 1902 года стал краеугольным камнем британской внешней политики как на Востоке, так и в мире, поскольку он способствовал укреплению влияния Великобритании, последующие соглашения с Францией и Россией стали возможны благодаря «японскому» фактору в политике Великобритании. Пресса косвенно принимала участие в разработке и выборе внешнеполитической стратегии посредством организации остро политических дискуссий, в ходе которых анализировались как текущие, так и грядущие события, давались оценки событиям и политическим решениям правительства.

Список литературы

1. Декларация России и Франции по поводу заключения англо-японского союза 1902 г. Спб. 3 (16) марта 1902 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Госполитиздат, 1952. 470 с.
2. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 2018. 848 с
3. Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал Первую мировую. М.: Центрполиграф, 2016. 719 с.
4. Сатурин Д. Очерк периодической печати в Англии // Периодическая печать на Западе: сборник статей. М.: Книга по Требованию, 2022. 458 с.
5. Barry Herald (1902).
6. Bassett M. Port towns and diplomacy: Japanese naval visits to Britain and Australia in the early twentieth century // The International Journal of Maritime History. 2020. Vol.32(1). P. 45-60.
7. Cobbing A.J. The Japanese experience in Britain, 1862-1876: Japan's cultural discovery of the Victorian world in the early years of overseas travel. 1997. 309 p.
8. Daily Telegraph & Courier (London) (1902).
9. Dundee Evening Post (1902).
10. Dundee Evening Telegraph (1902).
11. Edinburgh Evening News (1902).
12. Evening Express (1902).
13. HPD. 4 Ser. Vol.54, (1898) ; Vol.102, (1902).
14. Leeds Mercury (1902).
15. St James's Gazette (1902).
16. The Anglo-Japanese Alliance // British Documents on the Origins of the War 1898-1914. Vol. II The Anglo-Japanese Alliance and the Franco-British Entente. L., 1927. 470 p.
17. The Chester Courant and Advertiser for North Wales (1902).

18. The Contemporary Review, Vol.67-69 (1895-1896).
19. The Edinburg Review, Vol.182-183 (1895-1896).
20. The Fortnightly Review, Vol.63 (1895).
21. The Observer (1902).
22. The Pembrokehire Herald and General Advertiser (1902).
23. The Spectator (1902).
24. The Times (1898-1902).
25. Weekly Irish Times (1902).
26. Weekly Mail (1902).
27. Westminster Gazette (1902).
28. Wickman P.A. China and the Origins of the 1902 Anglo-Japanese Alliance. Columbus, 2018. 137 p.

BRITISH PRESS ABOUT THE ANGLO-JAPANESE ALLIANCE OF 1902

The article deals with the Anglo-Japanese alliance in the assessment of the British press. An explanation of the reasons for the revision of the foreign policy paradigm known as the policy of «brilliant isolation» only from the economic and political points of view would be incomplete without taking into account such a factor as «public opinion», which had an indirect influence on the decision-making process in the field of foreign policy. The press – newspapers and magazines, by the beginning of the 20th century, becomes an important tool for expressing public opinion and the interests of various social groups – officials, entrepreneurs, workers and representatives of the intellectual environment. British newspapers and magazines published materials covering the prehistory of the 1902 treaty, the position of the ruling circles in England and allied Japan, the attitude of the countries of continental Europe and America, as well as public figures of these states to the Anglo-Japanese alliance. The British public and journalists were also interested in the economic potential and military organization of the Mikado Empire. Newspapers and magazines assessed and analyzed all the possible risks associated with the threat of an escalation of the allied Japan with the rival of both powers – Russia. The author comes to the conclusion that the Anglo-Japanese alliance of 1902 was comprehensively covered in the central and provincial print media of Great Britain.

Keywords: Anglo-Japanese alliance, press, Great Britain, Japan, Russia.

References

1. Declaration (1952). Deklaratsiya Rossii i Frantsii po povodu zaklyucheniya anglo-yaponskogo soyuza 1902 g. Spb. 3 (16) marta 1902 g. [Declaration of Russia and France on the conclusion of the Anglo-Japanese alliance in 1902] // Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. [Collection of treaties between Russia and other states] 1856-1917. M.: Gospolitizdat.
2. Kennedi P. (2018). Vzlety i padeniya velikikh derzhav: Ekonomicheskkiye izmeneniya i voyennyye konflikty v formirovaniy mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g. [Rise and fall of great powers: Economic changes and military conflicts in the formation of world power centers from 1500 to 2000]. Yekaterinburg: Gonzo.
3. Makmillan M. (2016). Voyna, kotoraya pokonchila s mirom. Kto i pochemu razvyazal Pervuyu mirovuyu. [The war that ended the world. Who and why unleashed the First World War]. M.: Tsentrpoligraf.
4. Saturin D. (2022). Ocherk periodicheskoy pechati v Anglii [Outline of the periodical press in England] // Periodicheskaya pechat' na Zapade: sbornik statey [Periodical press in the West: a collection of articles]. M.: Kniga po Trebovaniyu.
5. Barry Herald (1902).
6. Bassett M. (2020). Port towns and diplomacy: Japanese naval visits to Britain and Australia in the early twentieth century // The International Journal of Maritime History. 32(1), 45-60.
7. Cobbing A.J. (1997). The Japanese experience in Britain, 1862-1876: Japan's cultural discovery of the Victorian world in the early years of overseas travel.
8. Daily Telegraph & Courier (London) (1902).
9. Dundee Evening Post (1902).
10. Dundee Evening Telegraph (1902).
11. Edinburgh Evening News (1902).
12. Evening Express (1902).
13. HPD (1898, 1902). 54,102.
14. Leeds Mercury (1902).
15. St. James's Gazette (1902).
16. The Anglo-Japanese Alliance (1927). British Documents on the Origins of the War

- 1898-1914. Vol. II The Anglo-Japanese Alliance and the Franco-British Entente. L.
17. The Chester Courant and Advertiser for North Wales (1902).
  18. The Contemporary Review (1895-1896), 67-69.
  19. The Edinburg Review (1895-1896), 182-183.
  20. The Fortnightly Review (1895), 63.
  21. The Observer (1902).
  22. The Pembrokehire Herald and General Advertiser (1902).
  23. The Spectator (1902).
  24. The Times (1898-1902).
  25. Weekly Irish Times (1902).
  26. Weekly Mail (1902).
  27. Westminster Gazette (1902).
  28. Wickman P.A. (2018). China and the Origins of the 1902 Anglo-Japanese Alliance. Columbus.

Об авторе

Проконин Федор Игоревич – аспирант, исторический факультет, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия), e-mail: f.prokonin@gmail.com

Prokonin Fedor Igorevich – Postgraduate student, Faculty of History Orel State University (Russia), e-mail: f.prokonin@gmail.com

УДК 94(100)"1914/19"+741.5

Свиридова А.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КАРИКАТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1916 Г.)¹

В статье предпринят анализ сюжетов карикатуры военной проблематики периода Первой мировой войны. К 1916 г. к союзному блоку Германии примыкает Болгария, в связи с этим и карикатурные образы «врага» на страницах российской печати популярность набирают новые сюжеты, в большинстве своем связанные с изображением взаимоотношений между членами Четверного союза. Для формирования целостного восприятия «образа врага» в качестве основной сюжетной линии для исследования были отобраны, систематизированы и проанализированы карикатуры, изображавшие членов Четверного союза и взаимоотношения между ними в ходе военной кампании 1916 г. Проблематика исследования состоит в том, что карикатура выступала одновременно и средством формирования и способом трансляции информации в условиях цензуры военного времени. В связи с этим целью исследования является выявление способов формирования и отражения «образа врага» в сатирических карикатурах периода военной кампании 1916 г. Представленная работа основана на принципах системности и историзма. Методологической основой для написания статьи послужили специальные исторические методы, позволившие определить идеологическую функцию карикатуры в условиях военной цензуры начала XX века и способствовали формированию целостных образов противников Антанты в Первую мировую войну. Таким образом, в карикатуре исследуемого периода времени прослеживается сатирическое восприятие врага с последующей трансляцией его образа в качестве слабого, алчного и жалкого противника, также высмеиваются взаимоотношения между союзниками по Четверному блоку.

Ключевые слова: Первая мировая война, карикатура военной проблематики, сатира, «образ врага», кайзер Вильгельм II, Франц Иосиф I, турецкий султан, Четверной союз, Антанта, военная кампания 1916 г.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-114-123

В период Первой мировой войны возрастает общественный интерес к ежедневной периодической печати и к публикуемым в ней карикатурам, в частности. Пропагандистский характер карикатуры отражается посредством знаков и символов, характерных каждому образу, формируя определенную концепцию восприятия того или иного образа читателями. Карикатура военной проблематики синтезирует в себе и способ художественной передачи общественного мнения, и эффективное средство его формирования. Факт массовой растиражированности сатирической военной графики в российских средствах периодической печати свидетельствует об актуальности и популярности такого способа отражения восприятия действительности как визуализированная сатира.

Карикатура, одновременно отражая и формируя социально-философский взгляд на происходившие в период Первой мировой войны события, действовала в условиях цензуры, строго регламентирующей то, о чем можно «шутить» и то, о чем не стоит и упоминать. Однако, военная цензура не только ограничивала характер пе-

редаваемой информации, но и транслировала представления российской власти о «плохом» и «хорошем», поскольку в рамках функционирования цензурных ограничений некоторые карикатурные изображения вырезались из средств периодической печати «цензурными ножницами» и попросту не доходили до массового читателя. Таким образом, карикатура как исторический источник представляет собой квинтэссенцию способа и характера функционирования политической системы российского общества в период Первой мировой войны, а также выступает индикатором общественно-политических настроений.

«Образ врага» в карикатурах формируется в результате преломления идей самого художника как носителя общественного мнения, военной пропаганды и цензурных ограничений [2], поэтому воспринимается он соответственно в уже готовом к восприятию в определенном, своего рода «отфильтрованном», но всегда комичном виде.

Карикатура не только несет в себе информацию и затрагивает сферу мышления, формируя в сознании большинства определенные образы, но и воздействует на чув-

© Свиридова А.С.

© Sviridova A.S.

¹ НИР выполнена при поддержке гранта РНФ «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914-1917 г.)» (номер 22-28-00900).

ственную сферу восприятия действительности, в связи с этим - основная публика восприятия воспроизводимой через карикатуры информации - образованное большинство российского населения исследуемого периода времени. Таким образом, мы исследуем карикатурный жанр Первой мировой войны как способ критического осмысления и трансляции социально-политических явлений.

Теоретическую базу исследования составили труды по истории карикатурного жанра Д.Н. Москина [8], Е. А. Вишленковой [3], И. Б. Нойманна [10]. Жанр карикатуры предполагает юмористическое отношение к преподносимой визуальной картине: карикатура в первую, но, возможно, не в основную очередь, высмеивает пороки общественной сферы жизни того или иного периода. Данная идея отражена в «Краткой энциклопедии карикатуры» Д.Н. Москина: «карикатура – это произведение или отдельный художественный образ, в котором в юмористической или сатирической форме преувеличиваются характерные особенности, как отрицательные, так и положительные» [8, с.6]. Конструктивно, карикатурные изображения есть результат сатирического художественного, порой в совокупности с текстовым, отражения совокупности реальных и специфических фантазийных, преувеличенных черт поведения людей. Художники, создающие карикатуры, живут в социуме и чутко реагируют на общественные события. Однако, в определенные периоды их творчество ограничено определенными рамками, в рассматриваемый нами период времени таким ограничителем «сатирического смеха» выступает цензура. Но есть и обратная сторона таких ограничений – в цензурных условиях возрастает сатирическое мастерство художников. Использовались также научные исследования, посвященные непосредственно военной цензуре в период Первой мировой войны [1; 2].

Основная цель данной статьи – определить, каким образом посредством сатирической карикатуры в массовом сознании в период первой мировой войны формировался и отображался «образ врага». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи. Во-первых, рассмотреть приемы и способы формирования и отражения в общественном сознании посредством карикатурной сатиры «образа

врага». Во-вторых, сформировать посредством анализа карикатур представление об «образе врага» в лице членов Четверного союза: немецкого императора Вильгельма II, австро-венгерского императора Франца Иосифа I, турецкого султана и болгарского царя Фердинанда. В-третьих, проследить отображение взаимоотношений между членами Четверного союза с целью формирования представления о восприятии и трансляции собирательного «образа врага» Антанты в лице Центральных держав. Применительно к периоду Первой мировой войны, «для оценок особенностей российской публичной сферы важен анализ механизмов официальной пропаганды и особенностей цензурного контроля за суждениями» [1, с.7].

Источником для данного исследования послужили отечественные и зарубежные (английские, французские) карикатурные изображения, размещенные на страницах российских газет. Представленная подборка сатирических карикатур датируется 1916 г., что обуславливается с одной стороны, окончанием и итогами военной кампании 1915 г., с другой - тем фактом, что именно к 1916 г. сложился Четверной союз (к Германии и Австро-Венгрии в 1914 г. присоединилась Турция, а осенью 1915 г. - Болгария).

Настоящее исследование основано на карикатурах ежедневной периодической печати: умеренно правой газеты «Новое время» (ее вечерний выпуск «Вечернее время») и «Петроградской газеты».

Для каждого образа характерен набор специфических деталей, по которым зритель и определял кто именно перед ним изображен. Основной враг - Германия - чаще всего изображалась в образе кайзера Вильгельма II. В странах Антанты немецкого императора считали главным виновником конфликта, поэтому и карикатуры Англии, Франции и России изображали сходный образ немецкого противника-агрессора. Так, для карикатурного образа Германии характерно изображение Вильгельма II с длинными черными усами, в шлеме, а также в соответствии с традициями российской крестьянской смеховой культуры с длинным «гальским» носом, который также символизировал эгоизм, бесчестность, склонность к воровству [3, с.186]. Сама фигура кайзера изображалась достаточно мужественной и подтянутой по сравнению с его союзниками. Такой визуализированный образ кайзера сложился

еще в ходе военной кампании 1914 г. Но в то же время образ кайзера включал клише, высмеивавшие немецкий педантизм и мелочность, особенно ярко проявившиеся в карикатурных сюжетах о взаимоотношениях Вильгельма со своими союзниками.

Австро-Венгрия представлена собирательным образом дряхлого больного старика - Франца Иосифа I. Как следствие военных кампаний на фронте характерно восприятие австро-венгров российской армией как более слабого противника, нежели немца, поэтому и образ Австро-Венгрии в лице ее монарха Франца Иосифа I слаб и беспомощен.

После военной кампании 1915 г. популярными сюжетами карикатур стали взаимоотношения Вильгельма II и его союзника Франца Иосифа как начальника и подчиненного соответственно, но не равноправных союзников.

Показательна опубликованная в ежедневной Петроградской газете карикатура под названием «Кайзер и его союзник Франц Иосиф I на охоте» [7]. Казалось бы, визуализированный сюжет прост: Вильгельм II и Франц Иосиф I охотятся на медведя, который символично отождествляется с Российской империей. Художник-карикатурист изобразил Франца Иосифа I и Вильгельма II с характерными для восприятия их образов чертами: дряхлого старика и мужчину с длинными раздвоенными черными усами в шлеме. Комичен в данной сюжетной линии, конечно, не сам факт того, что Франц Иосиф I и кайзер затеяли охоту на медведя с холодным оружием, комичны здесь взаимоотношения союзников, а точнее высмеивается трусость и одновременно алчность немецкого кайзера, который, прячась за спиной своего союзника, отправляет его одного на битву с медведем, пытаясь при этом заверить в неопасности этого медведя: «Иди, иди, старичок, не бойся, медведь этот без зубов и тебя не укусит...» [7]. На что Франц Иосиф I саркастически предлагает кайзеру самому разобраться с медведем: «Если русский медведь нам не страшен, отчего же ты дрожишь, спрятавшись за мою спину?..» [7]. Основной акцент данной карикатуры делается на трусости немецкого кайзера. То есть, с одной стороны, высмеивается и порицается трусость кайзера, с другой стороны - подлость кайзера Германии по отношению к своему основному союзнику - Австро-Венгрии.

Стоит отметить, что в карикатурах исследуемого периода достаточно часто можно встретить прием подкрепления визуального вербальным - текстовой речью, которая конкретизирует изображаемый сюжет, а также способствует более конкретному и идеологически направленному восприятию передаваемой посредством данного источника информации. Данные прием используется как в вышерассмотренной карикатуре, так и будем обращаться к нему еще по ходу исследования.

Следующая карикатура, опубликованная в вечернем выпуске «Нового времени», «Вечернем времени», своей сюжетной линией передает специфику отрицательного влияния союзнических взаимоотношений между кайзером и Францем Иосифом I на саму Австро-Венгрию [12]. В карикатуре «Триумфатор» высмеивается и преподносится в сатирическом виде факт того, что предшествующие 1916 г. военные кампании стали для австро-венгерского общества своего рода «пирровой победой», о чем свидетельствует вручение кайзером Францу бутафорского орла, имитирующего победу. «Теперь ты можешь смело идти в Вену, - остерегайся только, чтобы народ не разорвал тебя от восторга», - говорит кайзер [12]. «А если увидят, что орел бутафорский?», - спрашивает у него Франц Иосиф I [12]. На что кайзер отвечает: «Тогда... ну, тогда опять-таки остерегайся, чтобы народ не разорвал тебя» [12]. Таким образом, формируется представление о том, что, либо от радости, либо от разочарования, но в столице Францу Иосифу I уготовлен неблагоприятный для него исход.

Не менее комично изображаются отношения немецкого кайзера с другим союзником - Османской империей, которая традиционно изображается в образе турецкого султана: маленькой фигуры, зачастую больного и перевязанного бинтами человека, с полумесяцем на феске и в традиционных турецких туфлях. Такой образ «больной» Турции периода Первой мировой войны не нов для восприятия ответственности российской империи, поскольку Османская империя слыла «больным человеком Европы» еще со времен Николая I: «враг старый и всегда нами битый» [10, с. 158]. И в Первую мировую войну образ беспомощного и жалкого султана лишь подтверждал слабость Османской империи как противника и как государственного образования в целом.

В карикатурных изображениях турецкого султана и немецкого кайзера есть одно существенное сходство - большие длинные носы - данный визуальный графический прием использовался художниками-карикатуристами для придания образу таких качеств как жадность и алчность. Данный художественный прием отображен на размещенной в Петроградской газете карикатуре «Союзники» [11]. Здесь высмеиваются вовсе не союзнические по своей сюжетной линии взаимоотношения Германии и Турции. Так, по сюжету, турецкий султан застаёт кайзера за «важным» и тайным действием, за одним из древнейших способов предсказания - гадания по ромашке. Турецкий султан же обращается к Вильгельму II с просьбой о помощи: «Слушай, Вильгельм, какой же выход из моего положения?» [11]. На что кайзер, оставив своего союзника без ответа, раздраженно его выгоняет [11]. Таким образом, мы видим, как высмеивается и сатирически транслируется не только полная беспомощность Османской империи в данной войне и отсутствие союзнической помощи или наставлений со стороны Германии, но и своего рода неопределенность самого Вильгельма II в отношении военной кампании 1916 г.

В целом же сюжетная линия сатирического изображения союзнических отношений Германии и Османской империи на протяжении 1916 г. стала передавать чувство раздраженности немецкого императора своим восточным союзником и представлять турецкого султана беспомощной марионеткой в руках кайзера. Похожий сюжет о взаимоотношениях кайзера с Турцией мы видим и на карикатуре Петроградской газеты за авторством художника Тома «Не до того» [9]. Карикатура образно отражает восприятие ситуации на Восточном и Западном фронтах. Плачевная для Германии ситуация на Западном фронте символично представлена Вильгельмом II, загнанным на верхушку дерева, львом (символическое изображение Британской империи) и петухом (символическое изображение Франции). Ситуация на Восточном фронте изображает бегство Османской империи от России, изображенной в традиционном образе медведя. Сюжетная линия данной карикатуры отличается от рассмотренной выше, но общий смысл сатиры схож: Турция просит «товарища» Вильгельма II о по-

мощи, на что тот отвечает отказом: «не видишь что-ли, что я своим делом занят?» [9].

Размещенная на страницах Петроградской газеты карикатура А. Лебедева «Выжимает...» в очередной раз высмеивает беспомощность Османской империи как союзника для Германии: выжимая скрученного турецкого султана Вильгельм II весьма нерадостно восклицает: «ну этого как ни скручивай, больше ничего не выжмешь» [5].

Со временем, сюжетная линия о «выжимании соков», то есть последних союзнических сил немецким кайзером, стала распространяться не только на изображение немецко-турецких отношений, но и при характеристике взаимоотношений среди Четверного союза в целом, как в карикатуре «Кайзер выжимает последние соки» [5]. Стоит отметить, что отдельных сюжетных линий карикатурных изображений, высмеивающих союзные отношения между Германией и Болгарией, не так много, в основном образ Болгарии вписывался в общее представление о вражеском образе Четверного союза, да и отношение к Болгарии немецкого императора было идентичным его отношениям с Османской и Австро-Венгерской империями.

Таким образом, общественность не воспринимала союзников Вильгельма II как серьезных соперников, поскольку в обществе формировался образ союзников-марионеток кайзера, из которых тот выжимал последние соки и которыми он «затыкал дыры» в своих военно-политических просчетах. Опубликованная в «Вечернем времени» карикатура под названием «В волнах войны» не только отражает вышеназванное общественное восприятие союзных отношений противников, но и транслирует мотивы скорого поражения Вильгельма II, находящего практически в безысходном положении: аллегорично союзники изображены на пробитой лодке, несущейся по волнам бушующего моря войны прямо на скалы [4]. По сюжету лодкой управляет сам кайзер, Франц Иосиф I держит сломанную мачту, а турецкий султан и болгарский царь затыкают пробоины по бокам лодки. Карикатуру сопровождает надпись, содержащая, судя по сюжетной линии, риторический вопрос: «А если еще пробоина! Чем заткнуть?» [4]. Соответственно, данная карикатура передаёт общественное настроение в ходе военной кампании 1916 г.: противники близки к очередному поражению, которое

приведет в конце концов их к полному поглотению, а точнее разгрому.

Таким образом, изучение такого специфического источника, как карикатура военной проблематики, позволяет выявить способы конструирования, характер формирования, отражения и последующей трансляции «образа врага». Проанализированные карикатуры средств периодической печати периода военной кампании 1916 г. формируют и отражают образ главного врага в лице Вильгельма II и его союзников-марионеток: слабого старика Франца

Иосифа, большую и беспомощную Османскую империю, алчную Болгарию. Посредством сатирической карикатуры общественностью высмеиваются взаимоотношения между союзниками по Четверной коалиции. Все это способствовало формированию негативных общественных стереотипов восприятия врага, считавшегося странами Антанты главным зачинщиком Первой мировой войны - Германии: образ Вильгельма II демонизируется не только по отношению к странам Антанты, но и по отношению к союзникам Четверной коалиции.

Список литературы

1. Блохин, В.Ф., Антюхова Е.А. Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. - Т.27. - №1. - С. 6-18.
2. Блохин, В. Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольнь») / В. Ф. Блохин // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Российская национальная библиотека Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. - Санкт-Петербург, 2017. - С. 169-186.
3. Вишленкова, Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». - М.: новое литературное обозрение, 2011. - 384 с.
4. В волнах войны // Вечернее время. - 1916. - №1390. - 14 февраля
5. Выжимает... // Петроградская газета. - 1916. - № 93
6. Кайзер выжимает последние соки // Петроградская газета. - 1916. - №51. - 21 февраля
7. Кайзер и его союзник Франц Иосиф на охоте // Петроградская газета. - 1916. - №23. - 24 января
8. Москин, Д. Н. Краткая энциклопедия карикатуры (из истории юмора и сатиры в графике). - Петрозаводск: Петропресс, 2000. - 208 с.
9. Не до того // Петроградская газета. - 1916. - №104
10. Нойманн, И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. - М.: Новое издательство, 2004. - 335 с.
11. Союзники // Петроградская газета. - 1916. - №61. - 3 марта
12. Триумфатор // Вечернее время. - 1916. - №1374. - 29 января

CARICATURE AS A MEANS TO FORM AND REFLECT THE "ENEMY IMAGE" IN WORLD WAR I (BASED ON MATERIALS OF RUSSIAN PERIODICALS 1916)

This article analyzes the subjects of caricature of military problems during the First World War. By 1916 Bulgaria had joined the allied bloc of Germany, and in connection with this the caricature images of the "enemy" in the pages of the Russian press are gaining popularity new subjects, mostly related to the image of relations between the members of the Fourth Union. In order to form a holistic perception of the "image of the enemy" as the main subject line, the cartoons depicting the members of the Fourth Union and the relationship between them during the military campaign of 1916 were selected, systematized and analyzed for the study. The problematic of the study lies in the fact that caricature acted both as a means of formation and a way of transmitting information under wartime censorship. In this connection, the aim of the study is to identify the ways of formation and reflection of the "enemy image" in satirical cartoons during the military campaign of 1916. The presented work is based on the principles of consistency and historicism. The methodological basis for writing the article is provided by special historical methods which have allowed to determine the ideological function of the cartoon in the conditions of military censorship in the early 20th century and have contributed to the formation of integral images of the enemies of the Entente in the First World War. Thus, the caricature of the time period under study traces the satirical perception of the enemy with the subsequent broadcasting of his image as a weak, greedy and pathetic enemy, also mocking the relationship between the allies of the Fourth Bloc.

Keywords: World War I, a cartoon of military issues, satire, "enemy image", Kaiser Wilhelm II, Franz Joseph I, the Turkish Sultan, the Fourth Alliance, the Entente, the military campaign of 1916.

References

1. Blohin, V.F., Antyuhova E.A. (2022). Transformaciya publichnoj sfery v gody Pervoj mirovoj vojny: otnoshenie k vojne i miru [Transformation of public sphere during the First World War: attitude to war and peace] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. - 2022 -T.27. - №1. - S. 6-18.
2. Blohin, V. F. (2017). Voennaya cenzura perioda Pervoj mirovoj vojny i periodicheskaya pechat' «armejskih rajonov» (na materialah gazety «Volyn'») [Military censorship during the First World War and the periodical press of "army districts" (on the materials of the newspaper "Volyn")] / V. F. Blohin // *Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh trudov. Rossijskaya nacional'naya biblioteka Sankt-Peterburgskij filial Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN*. - Sankt-Peterburg, 2017. - S. 169-186.
3. Vishlenkova, E. A. (2011). Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu» [Visual narodovaniye empire, or "To see the Russian is not given to everyone] M.: novoe literaturnoe obozrenie, 2011. - 384 s.
4. V volnah vojny (1916). [In the waves of war] // *Veчерnee vremya*. - 1916. - №1390. - 14 fevralya
5. Vyzhimaet... (1916). [Squeezing out...] // *Petrogradskaya gazeta*. - 1916. - № 93
6. Kajzer vyzhimaet poslednie soki (1916). [Kaiser is squeezing out the last juices] // *Petrogradskaya gazeta*. - 1916. - №51. - 21 fevralya
7. Kajzer i ego soyuznik Franc Iosif na ohote (1916). [The Kaiser and his ally Franz Joseph on the hunt] // *Petrogradskaya gazeta*. - 1916. - №23. - 24 yanvarya
8. Moskin, D. N. (2000). Kratkaya enciklopediya karikatury (iz istorii yumora i satiry v grafike) [A brief encyclopedia of caricature (from the history of humor and satire in graphics)] Petrozavodsk: Petropress, 2000. - 208 s.
9. Ne do togo (1916). [Not Till Then] // *Petrogradskaya gazeta*. - 1916. - №104
10. Nojmann, I. B. (2004). Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej [Using the "Other": Images of the East in the formation of European identities] / I. Nojmann. - M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. - 335 s.
11. Soyuzniki (1916). [The Allies] // *Petrogradskaya gazeta*. - 1916. - №61. - 3 marta
12. Triumfator (1916). [The Triumphator] // *Veчерnee vremya*. - 1916. - №1374. - 29 yanvarya

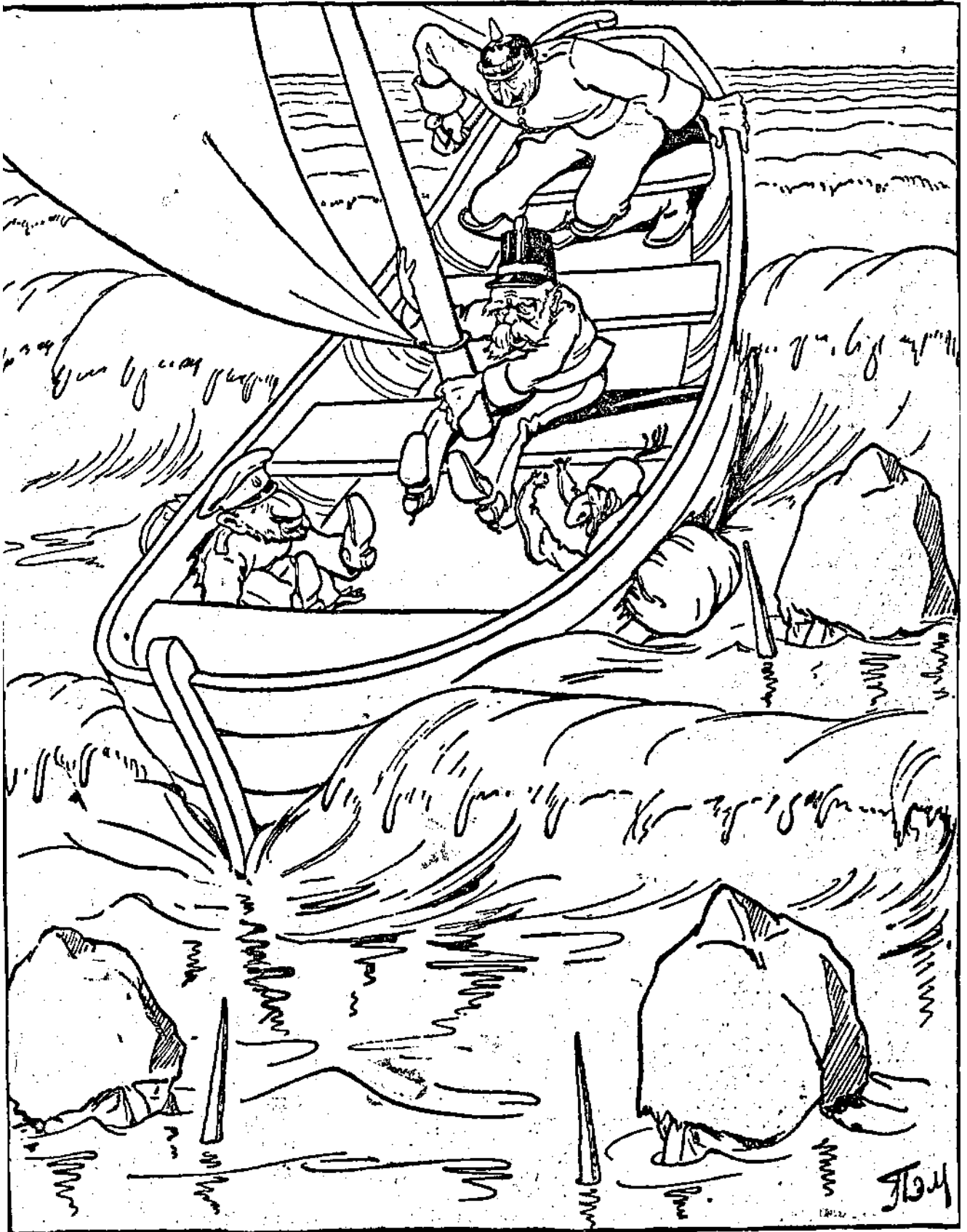
Список иллюстраций

Кайзеръ: «Ну этого какъ ли скрутишь, больше ничего не выжмешь!»

Рис. 1 - Выжимает... Петроградская газета. 1916

Въ волнахъ войны.

— А если еще проболит! Чайки заткнут!

(Перепечатка воспрещается).

Рис. 2 - В волнах войны. Вечернее время. 14 февраля 1916

КАЙЗЕРЪ ВЫЖИМАЕТ ПОСЛЕДНИЕ СОКИ

Рис. 3 — Кайзер выжимает последние соки. Петроградская газета. 21 февраля 1916

Кайзеръ и его союзникъ Францъ Иосифъ на охотѣ (Французская карриатура).

Кайзеръ Германіи (подталкивая впередъ императора Австріи). Иди, иди, старичекъ, не бойся, медвѣдь этотъ безъ зубовъ и тебя не укуситъ...
Францъ-Иосифъ (кайзеру). Если русскій медвѣдь намъ не страшенъ, отчего же ты дрожишь, спрятавшись за мою спину?..

Рис. 4 — Кайзер и его союзник Франц Иосиф на охоте. Петроградская газета. 24 января 1916

Н е д о т о г о

Карикатур. Тома

Махметка.—На помощь!—Товарищ, выручай!
Вильгельм.—Не видишь вот-ли, что я своимъ дѣломъ занятъ?

Рис. 5 — Не до того. Петроградская газета. 1916

С о ю з н и к и

Султанъ. Слушай, Вильгельмъ, какой-же выходъ изъ моего положенія?
Кайзеръ. Пошесть вошь!!!

Рис. 6 — Союзники. Петроградская газета. 3 марта 1916

Триумфаторъ.

— Теперь ты можешь смело идти в Вѣну, — остерегайся только, чтобы народъ не разорвалъ тебя отъ восторга.
— А если увидать, что орелъ бутафорскій?
— Тогда... ну, тогда опять-таки остерегайся, чтобы народъ не разорвалъ тебя.
(Перепечатка воспрещается).

Рис. 7 — Триумфатор. Вечернее время. 29 января 1916

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна — аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna - Postgraduate student, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Степанова О.Б., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

К ИСТОРИИ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Статья посвящена изучению упряжного собаководства северных селькупов. Эта тема до сих пор остается белым пятном в этнографической науке, что подчеркивает ее научную новизну. Исследование проводилось в рамках актуальной практической задачи сохранения традиционной селькупской культуры и помощи современным народам Севера в поиске новых форм этничности. В качестве исследовательских инструментов применялись анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа. Исследование строилось на данных научной литературы и полевых материалах автора. В задачи исследования входило прояснить исторические особенности упряжного собаководства – собственно ездового и грузового – у двух групп северных селькупов – туруханской и тазовской. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Было установлено, что на собачьих упряжках остяки совершали семейные перекочевки на промысловые угодья и объезды поставленных на зверя ловушек в середине XIX в. и ранее. К началу XX в. ни у тазовских, ни туруханских селькупов собственно ездового собаководства уже не было. С упряжным собаководством северные селькупы, вероятно, были знакомы давно и привезли его с исторической родины при переселении на Север. Его исчезновение, предположительно, связывается с развитием у них оленеводства, заимствованного у новых соседей – ненцев, а также, отчасти, дороговизны хороших упряжных собак. Материалы свидетельствуют, что в начале XX в. собаку использовали только туруханские селькупы и только для перевозки грузов. У тазовских селькупов для перевозки людей и грузов использовались олени. Безоленные или малооленные бедняки, восполняя недостаток необходимых им оленей, брали их взаймы у зажиточных родственников за долю в пушной добыче. Современные информанты с Таза утверждают, что тазовские селькупы никогда раньше не ездили на собаках и не возили на них грузы, также не было у них ручной нарты.

Ключевые слова: северные селькупы, тазовские селькупы, туруханские селькупы, упряжное собаководство, история упряжного собаководства, оленеводство, породы северных собак.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-124-130

Собака в системе жизнеобеспечения северных селькупов занимает важное место. Она принимает участие в охоте, значительно повышая ее эффективность, исполняет сторожевые обязанности, защищает хозяина и его движимое имущество. В период, когда в селькупских совхозах практиковалось крупностадное оленеводство, собака выполняла пастушеские/оленегонные функции. В статье рассматривается пятая функция селькупской собаки – ездовая или упряжная/тягловая.

Упряжное собаководство селькупов до сегодняшнего времени не сохранилось. Исследовательской работы по нему нет, разрозненные сведения о селькупских упряжных собаках содержатся в трудах старых авторов – А.И. Андреева [1], Маслова [5], П.И. Третьякова [15], П.Е. Островских [6], К. Доннера [3], В.Н. Скалона [9], Г.Н. Прокофьевой [7] и др. Изучение этого утраченного и до сих пор неопisanного элемента традиционной селькупской культуры имеет особую ценность для фундаментальной науки и решения актуальной сегодня задачи сохранения культурного наследия коренных

малочисленных народов Севера.

В качестве инструментов исследования применялись анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа¹.

В досоветское и раннее советское время упряжное собаководство было весьма широко распространено среди народов Туруханского края, включая селькупов. В описаниях этого явления у старых авторов часто не определяется этническая принадлежность, старым термином ‘остяки’ в них одновременно называются селькупы и кеты, или самоедами обозначаются селькупы и самодийцы северных «пределов» края. Однако отсутствие четкой этнической привязки не создает помех данному исследованию, так как означает, что описываемые качества упряжного собаководства были одинаковы для нескольких народов.

Самое раннее из известных автору упоминаний о ездовом собаководстве народов Туруханского края относится к 1782 г. и принадлежит капитану-исправнику Баширову. «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской округе разного рода ясачных иноверцах» Баширова, где содержатся эти

© Степанова О.Б.

© Stepanova O.B.

¹ Исследование координировалось с результатами одиннадцати экспедиций автора к северным селькупам, вошедшими в ряд публикаций [10, 11, 12, 13, 14 и др.] по различным вопросам селькупской системы жизнеобеспечения, в том числе касающимся собаководства.

сведения, было составлено по требованию Туруханского наместника по запросу Академии наук, собиравшей тогда сведения о народах государства российского [1]. Баширов пишет: «Остяки для перевозки своих чумов и домашнего экипажа имеют собак, а тунгусы и самодеды оленей, якуты для езды на промыслы имеют собак и оленей» [1, с. 88].

Первые более-менее детальные данные об остяцком упряжном собаководстве приводятся полковником Масловым в журнале «Заволжский муравей» в 1833 г. «В исходе декабря каждый старейшина (остяцкого – О.С.) семейства едет со своими домочадцами на ловлю зверей в нескольких нартах, запряженных собаками от 7 до 13-ти по две в ряд с одной впереди, которая называется передовой. Близ Туруханска и на тундре <...> промышленники употребляют собак <...>, на коих перебегают по 200 верст, приостанавливаясь один раз для покормки; каждой достается в делянку по две рыбы: но они могут переносить голод по 8 и даже 12 дней» [5, с. 515]. По сведениям Маслова, наиболее ценными среди промышленников считались передовые собаки, привязанные к своему хозяину настолько, что возвращались к нему вместе со всей упряжкой, если тот выпадал из нарты: «Она бежит беспрестанно оглядываясь к своему хозяину, и ежели заметит, что он вываливается из саней: то, не в силах будучи остановить задних пар, начинает исподволь на всем бегу делать круги, и, увлекая за собой задних, набегает на хозяина. Такие собаки называются оборотятными и стоят иногда 50 белых песцов» [5, с. 515-516].

П.И. Третьяков в труде «Туруханский край, его природа и жители» посвящает туруханскому упряжному собаководству несколько страниц, его сведения относятся к середине XIX в. [15, с. 237 -240]. Согласно сведениям Третьякова, собака оказывает туруханским жителям незаменимые услуги – она не только стережет его жилище и оленья стада, «но и в езде едва ли не полезнее оленя». Третьяков сообщает, что порода сибирских собак с длинной шерстью встречается в Туруханском крае редко и имеет примеси; у туруханских собак рыло острое, шилообразное, рост большой, уши приподняты. У инородцев, кочующих в северных широтах края, собаки небольшого роста и отличаются мягкостью длинной пушистой шерсти. Животные эти кротки, терпеливы, чутки и так сильны, что многие из них смело бросаются на волка [15, с. 237 -240].

Готовясь к дальнему переезду, жители оставляют собак без корма несколько часов, от этого они делаются легче, послушнее и крепче, а также «избавляются от опухоли и трещин на подошвах». Упряжь собаки состоит из одного из одного кожаного или холщового ремешка («алыка») в виде петли, который надевается около задних ног на «поджарую» часть туловища; от «алыка» через задние ноги пропускается постромка (ремень) и привязывается к барану нарты. К передовой собаке не привязывается уздечка и вожжи; она останавливается или поворачивает по приказу хозяина: «так при слове «пост» она поворачивает вправо, слово «нра» заставляет ее идти влево, при крике «та» собака останавливается, а соскочивший с нарты седок тотчас останавливает свой легкий экипаж посредством небольшого кола, имеющего острый железный наконечник. Тормаз (торило) всегда находится привязанным к нарте». В начале пути собаки бегут борзо без всяких понуканий; «остановки возбуждают в них одно только нетерпение». Промысловик, осматривая свои ловушки на двух хороших собаках, делает в сутки до 60 верст и более [15, с. 237 -240].

В описании рабочих качеств упряжных собак Третьяков обращает внимание на важную роль передовой собаки. «Для таких поездок, совершаемых по северным тундрам в туманную или сумрачную погоду, передовая собака должна быть старая и опытная. Бестолковая собака, встретив на дороге свежий звериный след, бросается стремглав, теряет дорогу и нередко затаскивает седока в овраг. Бывали случаи, что во время остановок собаки, испуганные появлением волка, срывались с тормаза, и в страхе, забежав в незнакомые места, пропадали. Опрометчивый охотник, оставшись один в пустыне, тоже нередко погибал. Напротив, умная и хорошо прирученная передовая собака никогда не убежит от хозяина, и даже во время езды, заметив, что ездки свалился, тотчас останавливается и сдерживает прочих собак, или поворачивает назад. В случае же неотыскания хозяина она немедленно бежит к его жилищу. С такой собакой даже во время пурги нельзя заблудиться, за то они и ценятся довольно дорого. Лет 50 или 80 назад, когда в пределах края звероловов было больше, а оленей водилось мало, хорошие ездовые собаки ценились от 200 до 500 руб. асс.» [15, с. 237 -240].

Каждая упряжная собака зимой при хорошей дороге может везти в нарте клади

до 3 пудов на расстояние 50 или 60 верст. С наступлением лета собаки оказывают жителям не менее важную услугу «в отбытии по р. Енисею подвод». Две собаки, пущенные по берегу на длинной бечеве, тянут против течения обыкновенную лодку с грузом в 10 и 15 пудов. Если на пути встречается речка, впадающая в Енисей, собаки ее легко переплывают. Более 50 или 60 верст собаки-бурлаки пробежать не могут, так как сбивают о камни до крови подошвы своих лап. Для предохранения собак от таких повреждений их лапы обвязывают мягкой кожей. То же самое делают и зимой во время крепкого наста. Однако подобные повязки в дороге служат не более 6 или 7 часов. Израненные ноги собак заливают смолой и засыпают пеплом. «Если после продолжительной езды с собакой сделается, по выражению жителей, «шатун» или «накат», то немедленно надрезают ухо или хвост собаки и выпускают несколько крови». В езде собака служит не более 10 или 12 лет [15, с. 237 -240].

Кормят собак преимущественно рыбой, летом сырой, зимой вареной. На каждую собаку в сутки идет до 4 фунтов рыбы. Вяленой рыбы и «халы» до 2,5 фунтов. Когда в рыбе встречается недостаток, делают болтушку из муки. Летом собака требует мало корма, потому что добывает себе в пищу кротов, мышей и даже облинявшую птицу. «Вообще это животное удивительно терпеливо; бывают случаи, когда собака остается без пищи трое или четверо суток» [15, с. 237 -240].

«Замечено, что в северных пределах края почти ежегодно бывает между собаками болезнь – бешенство, оканчивающаяся смертью дня через 3 или 4, в этом состоянии животное отгрызает даже собственные лапы» [15, с. 237 -240].

М.Ф. Кривошапкин, собиравший материалы для своей книги «Енисейский округ и его жизнь» [4] примерно в то же время, что и Третьяков, отмечает, что остяки не едят мясо волка и лисицы, потому что те «похожи на собаку, их единственного друга и помощника, которую уже ни за что не будут есть» [4, с. 134-135]. По сведениям Кривошапкина, собаки остяков зимой живут одних чумах с

хозяевами, следовательно, «грязь, вонь, сырость должны быть непременно принадлежностями таких жилищ, а затем и развитие скорбута (цинги – О.С.)» [4, с. 135]. «Собак своих, так называемых езжалых, остяки очень берегут и кормят остатками своей же пищи, как единственное и полезнейшее у них домашнее животное, потому что оленей у южных остяков вовсе нет, по неимению для них зимой подножного корма, т.е. оленьего мха» [4, с. 135].

П.Е. Островских, его материалы датируются 1899-1904 гг., сообщает, что баишинцы (остяки, туруханские селькупы – О.С.) владели незначительным количеством оленей: редко у кого было 10-12 голов, обычно же 2-3», многие вообще были безоленными [6, с. 166]. Летом баишинцы перекочевывали по воде, а зимой безоленным и малооленным семьям помогали везти груз охотничьи собаки [6, с. 166]. Собаку в качестве тягловой силы баишинские селькупы использовали от бедности: «Алексею Тетерину было 30 лет; семья его состояла из жены, троих сыновей – 10 лет, 6 и 4 л. и девчонки – 3 л. Живет он в яме в окрестностях Туруханска: разгреб снег и обставил стенки елками. У него одна собачонка, помогающая тянуть санку со скарбом. Скарб его составляют: один котел, два топоришка, две чашки, две парки, одна оленья постеля и небольшая санка. В лесу оставлены одно ружьишко, одна ветка и несколько берестяных тисок. Вот и все его имущество» [6, с. 170]. Собаки баишинцев совмещали тягловые обязанности с охотничьими: «Домашним животным им служит одна-две собачонки, по лесу она помогает тащить санку со скарбом, а учует белку, начинает лаять» [6, с. 175]. Нужно заметить, что о езде самих баишинцев на собаках Островских не упоминает.

К. Доннер, предпринявший в 1911-1914 гг. ряд поездок к обским, туруханским и тазовским самоедам (селькупам – О.С.), пишет, что большинство кетских самоедов (группа южных селькупов – О.С.), не имея оленей, используют в качестве ездового животного собак². «Как только в августе и сентябре ложится на поля первый снег, они начинают готовиться к предстоящей охоте. Приводят в порядок нарты или небольшие

² Согласно данным Маслова, Третьякова и Доннера, в XIX и начале XX вв. упряжные собаки активно использовались всем населением Туруханского края и в особенности русскими. Русские промысловики ездили на собачьих упряжках в тундры проверять капканы, жители сел, стоящих на енисейском тракте, исполняли на собаках повинность извоза чиновников, миссионеров и ученых во время их деловых поездок на Север и т.д.

легкие сани, в которые запрягают собак» [3, с. 58]. По материалам Доннера, собаки тазовских селькупов были вхожи в их зимние землянки, где их оставляли ночевать. «Помещение целиком наполнилось людьми, между которыми околачивались стаи злых собак, рычавших по привычке, как только кто-нибудь приближался к их хозяину, что в такой тесноте было просто неизбежно. Многие семьи расположились прямо в помещении, поэтому и день и ночь здесь шумели дети и лаяли собаки, заглушая друг друга» [3, с. 99].

Е.Д. Прокофьева, работавшая среди селькупов вместе с мужем, Г.Н. Прокофьевым, в 1925-1928 гг., в энциклопедическом томе «Народы Сибири» [7] уточняет, что олени и собаки были ездовыми животными у всех северных селькупов — как туруханских, так и тазовских; нарымские (южные) селькупы ездили на собаках и лошадях; езду на оленях в санной упряжке северные селькупы заимствовали после переселения на север у своих новых соседей — ненцев. Прокофьева дублирует наблюдения Островских, подтверждая, что «безоленные селькупы при ходьбе на охоту употребляли ручную нарту, на которой охотник вез продукты питания и боеприпасы. Ручная нарточка (*канджи*) по своей конструкции отличалась от оленной и была сходна с кетской. В эту нарточку в помощь охотнику иногда впрягали собаку» [7, с. 672]. Сведения Прокофьевой не позволяют понять, о каком использовании ездовых собак у северных селькупов идет речь: были они предназначены только для перевозки грузов, или на них также перевозили людей.

В работе Л.Н. Добровой-Ядринцевой «Туземцы Туруханского края» [2] селькупские собаки не упоминаются вовсе, однако в ней содержится информация о малоподвижности безоленных баишенских остяков. «Баишенские остяки указывают обычно один пункт своего местопребывания. <...> Отсутствие оленей сужает круг их промысла белки», — пишет исследователь [2, с. 74]. Эта информация дает основания считать, что баишинцы сами не ездили на собаках, поскольку езда на собаках давала большие возможности в передвижениях. В пользу этой мысли говорит и тот факт, что хорошие ездовые собаки стоили дорого и были бедным селькупам не по средствам.

Информация, приводимая в работах Островских, Доннера, Прокофьевой и

Добровой-Ядринцевой — исследователей, работавших у селькупов на рубеже XIX — начале XX вв., вызывает сомнения в том, что у северных — туруханских и тазовских селькупов в начале XX в. имелось полноценное ездовое собаководство. Также эти авторы не оставили достоверных сведений об использовании собаки в перевозке грузов у тазовских селькупов. Возможно, в прошлом северные селькупы, как и их южные сородичи, и ездили на собаках, но по мере привыкания к заимствованным у ненцев оленям, отошли от ездового собаководства, а богатые оленями тазовские селькупы перестали перевозить на собаке даже грузы: оленеводство оформилось в отрасль экономики северных селькупов к концу XIX в.

На обозначенную проблему проливает свет статья В.Н. Скалона «Собаководство в Туруханском крае» [9], в которой описывается ситуация в туруханском собаководстве конца 1920-х гг. Разбирая состояние пород промысловой, оленегонной и тягловой собаки края, Скалон находит в «изолированной Тазовской тундре» (верхнем и частично среднем Тазе) только беличьих, птичьих и (совсем мало) зверовых собак, чем подтверждает отсутствие на Тазу упряжного (и ездового, и грузового) собаководства. Ученый подчеркивает, что собака как двигательная сила применяется повсюду в русских селениях Туруханского края, включая самые северные станки по Енисею [9, с. 27-28].

Исследователь делает акцент на особенностях развития в крае собачьего транспорта. «Использование лошадей не всегда возможно, а при постоянных заносах и недостатках корма не везде и рентабельно. Отсутствие во многих местах ягельных пространств ставит препятствие к использованию оленя, даже при введении избяного оленеводства, разрешить вопрос может рационально поставленное передвижение на собаках. В это же упирается задача промыслового охвата и эксплуатации бесконечного побережья и островов Северного Ледовитого моря. <...> Берега Енисейского залива, огромные острова и отчасти пространства внутри континента в значительной части лишены оленьих пастбищ. Между тем, эти районы наиболее богаты пушниной и морским зверем, и, рано или поздно, богатства эти должны быть использованы» [9, с. 27-28]. Кроме питания Скалон видит преимущество собаки перед оленем в том, что есть возможность (в

пустынных местах) использовать ее летом как двигательную силу при лодочном сообщении, имея в виду главным образом енисейский тракт «с его увеличивающимся из года в год движением»; в этом собака «превалирует над лошадей, используемой в течение лета лишь на сенокосе». По мнению Скалона, применение собачьего транспорта излечит многие недостатки службы связи при доставке в отдаленные пункты почты и спешных грузов [9, с. 27-28].

В составленный Скалоном перечень территорий, где, как он считает, следовало использовать тягловую собаку, места расселения северных селькупов – тазовских и туруханских – не входят, они не названы им конкретно и не являются местами, где нет оленьего корма. Наоборот, там, где проживают селькупы, много оленьих ягельников; с приходом советской власти у северных селькупов были основаны колхозы, впоследствии преобразованные в совхозы, в которых получило развитие крупностадное оленеводство; советская власть руководила этим процессом и всячески его стимулировала. Этот вывод позволяет заключить, что в начале XX в. у обеих групп северных селькупов ездового оленеводства не было.

Статья Скалона содержит еще несколько интересных замечаний по различным вопросам туруханского собаководства. В частности ученый критикует примитивность применяемой в крае собачьей упряжи и сбруи, которая не дает сколько-нибудь полезного коэффициента ее использования, и отсутствие у населения знания элементарных приемов выучки возовой собаки [9, с. 27-28].

Исследователь обращает внимание на то, что нигде в крае состояние пород промысловых, оленегонных и тягловых лаек не стоит на должной высоте. Причиной тому он называет появление «вымесок», т.е. собак беспородных кровей, и, в изолированных районах, вырождение породы от скрещивания внутри собачьего стада [9, с. 27-28].

Для улучшения породы лайки Скалон предлагает принять несколько мер административного характера: учредить налог на беспородных и инопородных собак; ввести

обязательную кастрацию и цепное содержание собак, не могущих быть использованными на племя; организовать на территории края три питомника – для промысловых, оленегонных и тягловых собак. Питомники, по мысли Скалона, будут удовлетворять потребности края в северных собаках и поставлять собак на экспорт, поскольку «у границы есть интерес к нашим лайкам» [9, с. 27-28].

Решить проблему собачьих кормов, по мнению Скалона, помогут отходы постепенно развивающегося в крае дельфиньего промысла. «Огромные туши прекрасного мяса не идут впрок и могут быть заготовлены в слегка подсоленном или сушеном виде, по самым дешевым ценам» [9, с. 27-28].

Итак, результатом исследования проблемы упряжного собаководства северных селькупов стали следующие выводы. Было установлено, что на собачьих упряжках остяки совершали семейные перекочевки на промысловые угодья и объезды поставленных на зверя ловушек в середине XIX в. и ранее. К началу XX в. ни у тазовских, ни туруханских селькупов собственно ездового собаководства уже не было. С упряжным собаководством северные селькупы, вероятно, были знакомы давно и привезли его с исторической родины при переселении на Север. Его исчезновение, предположительно, связывается с развитием у них оленеводства, замещавшего у новых соседей – ненцев, а также дороговизной хороших упряжных собак. Материалы свидетельствуют, что в начале XX в. собаку использовали только туруханские селькупы и только для перевозки грузов. У тазовских селькупов для перевозки людей и грузов использовались олени. Безоленные или малооленные бедняки, восполняя недостаток необходимых им оленей, брали их взаймы у зажиточных родственников за долю в пушной добыче [8].

Как утверждают современные информанты с Таза, тазовские селькупы никогда раньше не ездили на собаках и не возили на них грузы, также не было у них ручной нарты. «Дети на детские снегоходы без мотора щенков завязывают и так катаются. А взрослые собак никуда не впрягают – зачем, у нас олени для этого есть», – говорят они³.

Список литературы

1. Андреев А.И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. № 1, 1947. С. 84-103

³ Полевые материалы автора, собранные в 2021 г. в Красноселькупском районе Тюменской области.

2. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения. Новониколаевск: Издание Сибревкома. 1925. 101 с.
3. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
4. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб: Имп. Рус. геогр. о-во, на иждивении В.А. Кокорева. 1865. 661 с.
5. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. Казань. № 9, 1833. С. 506-523.
6. Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в.// Советский Север. № 7-8. 1931. С. 161-181.
7. Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 665-687
8. Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза // Советский Север. № 3-4. 1931. С. 70-87
9. Скалон В.Н. Собаководство в Туруханском крае // Охотник и рыбак Сибири. № 11, 1930. С. 27-28
10. Степанова О.Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник, 2006. № 8. С. 52-55.
11. Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа// Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167-173
12. Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. № 2. 2018. С. 365-374.
13. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (30). 2015. С. 126-134.
14. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349-444.
15. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова, 1871. 316 с.

TO THE HISTORY OF DRAFT DOG BREEDING OF THE NORTHERN SELKUPS

The article is devoted to the study of draft dog breeding of the Northern Selkups. This topic still remains a blank spot in ethnographic science, which emphasizes its scientific novelty. The study was carried out as part of the actual practical task of preserving the traditional Selkup culture and helping the modern peoples of the North in the search for new forms of ethnicity. Analysis, description, historical retrospective method and field work were used as research tools. The study was based on scientific literature data and field materials of the author. The objectives of the study were to clarify the historical features of draft dog breeding - actually sledding and cargo - among two groups of northern Selkups - Turukhansk and Taz. As a result of the study, the following conclusions were drawn. It was established that the Ostyaks used dog sleds to make family migrations to fishing grounds and detours of traps set for the beast in the middle of the 19th century. and earlier. By the beginning of the twentieth century. neither the Taz nor the Turukhan Selkups actually had sled dog breeding. The northern Selkups were probably familiar with draft dog breeding for a long time and brought it from their historical homeland when they moved to the North. Its disappearance is presumably associated with the development of reindeer breeding among them, borrowed from their new neighbors - the Nenets, and also, in part, with the high cost of good draft dogs. The evidence shows that at the beginning of the XX century. the dog was used only by the Turukhansk Selkups and only for the transport of goods. The Taz Selkups used deer to transport people and goods. Deerless or low-deer poor people, making up for the lack of deer they needed, borrowed them from wealthy relatives for a share in fur production. Modern informants from Taz claim that the Taz Selkups had never ridden dogs and carried loads on them, and they also did not have a manual sled.

Keywords: Northern Selkups, Taz Selkups, Turukhansk Selkups, draft dog breeding, history of draft dog breeding, reindeer breeding, breeds of northern dogs.

References

1. Andreev A.I. (1947) «Opisaniya o zhizni i uprazhnenii obitayushchikh v Turukhanskoy i berezovskoy okrugakh raznogo roda yasachnykh inovertsakh» [«Descriptions about the life and exercise of various kinds of yasak non-believers living in the Turukhansk and Berezovskaya districts»]. In Soviet ethnography, 1, 1947, 84-103.

2. Dobrova-Iadrinseva L. N. (1925) Tuzemtsy Turukhanskogo kraia: opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya [The natives Turukhansk: edge economic research experience]. Novonikolaevsk: Sibrevkom, 1925, 101.
3. Donner K. (2008) U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter, 2008, 175.
4. Krivoshapkin M.F. (1865) Yeniseyskiy okrug i yego zhizn' [Yenisei district and its life]. St. Petersburg: Imp. Rus. geogr. o-vo, na izhdivenii V.A. Kokoreva, 1865, 661.
5. Maslov. (1833) Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii [Wandering peoples of the Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province]. In Zavolzhskiy muravey. Kazan, 9, 1833, 506-523.
6. Ostrovskiyh P.E. (1931) Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse 19 v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of Turukhansk Territory at the end of the 19th century]. Soviet North, 7-8, 1931, 170.
7. Prokofieva E. D. (1931) Sel'kupy [Selkups]. Narody Sibiri [Peoples of Siberia]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1956, 665-687.
8. Skalon V. N. (1931) Olenevodstvo v basseine reki Taza [Reindeer in Taz Basin]. In Soviet North, 3-4, 1931, 70-87.
9. Skalon V.N. (1930) Sobakovodstvo v Turukhanskom krae [Dog breeding in the Turukhansk region]. In Hunter and fisherman of Siberia, 11, 1930, 27-28.
10. Stepanova O.B. (2006) Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskome obraze sel'kupov [Evil or kind: to the question of the main mythological image of the Selkup]. In Omsk Scientific Journal, 8, 2006, 52-55.
11. Stepanova O.B. (2005) Osobennosti sovremennogo khozyaystvenno-kul'turnogo polozheniya korennykh narodov Severa Krasnosel'kupskogo rayona YaNAO [Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkup district of the YaNAO]. Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestykh Sibirskikh Chteniy. Sankt-Peterburg, 27-29 okt. 2004 g. [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Materials of the Sixth Siberian Readings. St. Petersburg, October 27-29, 2004]. St. Petersburg: MAE RAN, 2005, 167-173.
12. Stepanova O. B. (2018) Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. In Vestnik ugrovedeniya, 2018, 2, 365-374.
13. Stepanova O.B. (2015) Sel'kupy sela Sovrechka [Selkupy village Sovrechka]. In Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3, 2015, 126-134.
14. Stepanova O.B. (2017) Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennym malochislennym narodov Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to the indigenous peoples of the North at the beginning of the XXI century (on the example of the northern Selkups)]. Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. Sankt-Petersburg: MAE RAS, 2017, 349-444.
15. Tret'yakov P.I. (1871) Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg: Bezobrazova Press, 1871, 316.

Об авторе

Степанова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

Stepanova Olga Borisovna – Candidate of Science in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia)

УДК 902:903.23:94(476.4)

Ткачёва М.В., магистр исторических наук, аспирант, Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова (Беларусь)

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПЛЕМЕН КОЛОЧИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ МОГИЛЁВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ)

В статье рассмотрены основные этапы развития керамического производства колочинской археологической культуры на территории Верхнего Поднепровья. Керамический материал изучен на основе морфологического и технологического анализа фрагментов керамики, найденных во время проведения археологических раскопок на городищах Змеевка (Пелагеевское городище) в г. Могилеве, Радомля Чаусского района Могилёвской области, Дашковка Могилёвского района Могилёвской области. Ранее колочинская керамика на территории Беларуси изучалась археологами Э.А. Сымановичем и О.А. Макушниковым, которые сделали описание, произвели замеры сосудов, а также предложили типологические схемы по формам изделий. Актуальность темы статьи обусловлена отсутствием на территории Верхнего Поднепровья комплексного исследования с детальным рассмотрением этапов керамического производства у племен колочинской археологической культуры. Цель работы – рассмотреть этапы керамического производства колочинской культуры по материалам памятников Верхнего Поднепровья. Анализ технологии керамического производства проводился в контексте историко-культурного подхода, разработанного археологом А.А. Бобринским. Весь керамический материал проанализирован в статье по таким показателям, как состав формовочной массы, способ обработки поверхности, особенности изготовления. Сделан вывод о схожих морфологических признаках керамики с керамическим материалом, происходящим из эталонного памятника колочинской культуры – городища Колочин I Речицкого района Гомельской области.

Ключевые слова: лепная керамика, колочинская культура, Белорусское Поднепровье, Змеевка, Радомля, Колочин I, Дашковка-3, керамическое производство, дресва.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-131-137

Ареал распространения колочинской культуры охватывает, по мнению исследователей, Белорусское Поднепровье, нижнее течение р. Березина и часть левобережья Припяти. Большой массив памятников сконцентрирован в междуречье р. Десна, Сейм, в верховьях Сулы и Псла в границах Украины и России. О.А. Макушников отмечал, что выделенный ареал охватывает ядро культуры, но этот ареал включает еще и буферные зоны, характеризующиеся признаками присущими колочинской культуре [10, с. 348].

Керамика колочинской культуры на территории Верхнего Поднепровья целенаправленно начала изучаться с 1960-х гг. Э.А. Сымановичем, который открыл эталонный памятник культуры – городища Колочин I Речицкого района Гомельской области [16, с. 70-76].

Сравнительный анализ керамики из городищ Тушемля, Колочин и Корчак провела И.П. Русанова [13]. С 1980-х гг. исследованием Гомельского Поднепровья третьей четверти I тыс. н.э. занимался О.А. Макушников. Он детально изучил керамический материал из городища Колочин I и предложил оригинальную классификацию колочинской керамики Гомельского Поднепровья [8, с. 18-19]. Изучение коллекции керамики из раннесредневекового горизонта городища Колочин I позволили исследователю

выделить керамические формы, характеризующие как целые, так и сохранившиеся до уровня максимального расширения тулова фрагменты, и сделать вывод о том, что вся керамика лепная, преимущественно грубая, хорошо обожженная и неорнаментированная. С 1980 г. колочинская керамика изучается археологом Н.В. Лопатиным для разработки понятий «тушемлинская культура» и «колочинская культура». Исследователь предложил типологию на основе разделения фрагментированной керамики из городищ Тушемля, Демидовка, Колочин [7, с. 9-15].

В 1981 г. археологом Е.А. Горюновым создана типология лепной керамики из Подесенья, которая стала общей для керамики киевской и колочинской культур [4, с. 17-18].

Древностям колочинского типа посвящена глава в монографии В.В. Седова «Восточные славяне в VI-XIII вв. В ней исследователь обобщил публикации Э.А. Сымановича, П.Н. Третьякова, Е.А. Горюнова Л.Д. Поболя [14, с. 32]. В 1996 г. археолог А.М. Обломский на основе колочинского керамического материала из региона, охватывающего Подесенье, Посеймье, верховья Северского Донца и северную часть лесостепи Днепровского Левобережья, разработал классификацию колочинской керамики этой территории [3, с. 96-107].

В 1998 г. вышла в свет публикация И.В. Зиньковской. В этом тексте

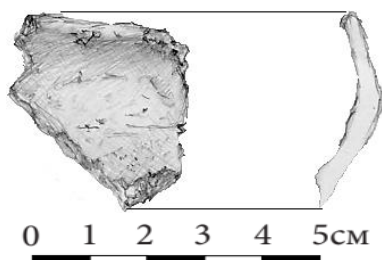
подведены итоги изучения керамики из колочинских могильников Днепроовского Левобережья [5, с. 3-9].

В 2003 г. опубликована типологическая схема Д.В. Середы по материалам Днепроовского Левобережья [15, с. 20-30].

Характер изучения исследователями колочинской керамики носил в основном описательный характер, ими составлялись типологии и классификации, основанные на изучении форм сосудов, которые применялись для сравнения колочинской керамики с сосудами из других памятников и археологических культур. Керамика использовалась авторами как один из элементов для изучения материальной культуры колочинских древностей, а также для изучения ее происхождения.

Автором статьи рассматриваются этапы производства керамики племенами колочинской археологической культуры Могилевского Поднепровья на основе морфологического и технологического анализа фрагментов керамики, найденных во время проведения раскопок на городищах Радомля Чаусского района Могилевской области, Змеевка (Пелагеевское городище) в г. Могилеве, Дашковка Могилевского района Могилевской области.

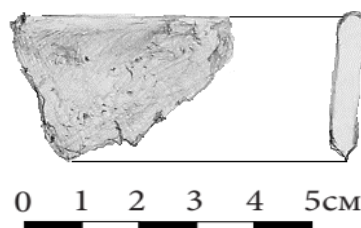
На городище Радомля, исследованном под руководством И.А. Марзалюка в 2007 г. найдено 59 фрагментов керамики схожей с колочинской. Из них 42 фрагмента – стенки (1 стенка с ребром), 16 фрагментов – венчики, (см. рис. 1) 1 днище с пяткой. Толщина стенок варьируется от 8,9 мм до 9,6 мм, толщина придонной части – 9,3 мм. Диаметр венчиков от 28-40 см. [12].

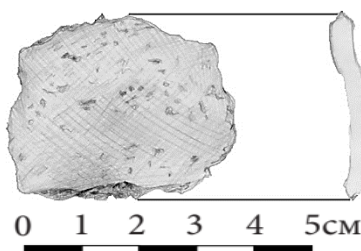
Рис. 1 Венчик из коллекции керамики городища Радомля (Рисунок К.В. Галиновской)

Коллекция керамики, найденная на городище Змеевка (Пелагеевское городище) в 2008 г. археологической экспедицией под руководством И.А. Марзалюка, насчитывает 263 единицы. Из них венчиков – 21 (см. рис. 2), стенок – 231 (см. рис. 3), в том числе стенок с ребром – 4, днищ – 11. Толщина

стенок варьируется от до 5,6 мм до 9,2 мм. Диаметр венчиков от 28-64 см. [11].

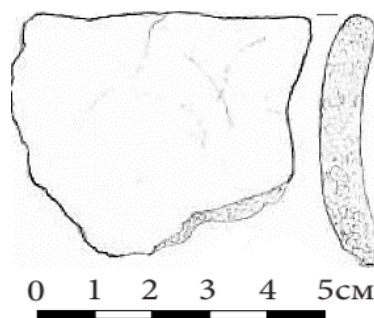

Рис. 2 Венчик из коллекции керамики городища Змеевка (Рисунок К.В. Галиновской)

Рис. 3 Стенка из коллекции керамики городища Змеевка (Рисунок К.В. Галиновской)

Во время археологических раскопок в 2019 г. археологическим отрядом МГУ Кулешова под руководством доцента А.М. Авласовича на городище Дашковка-3 Могилевского района найдено 50 фрагментов лепной керамики колочинских форм (см. рис. 4). Среднее значение толщины стенок – 8 мм. Диаметр венчиков составляет от 20-30 см. [1].

Рис. 4 Венчик из коллекции керамики городища Дашковка (Рисунок А.М. Авласовича)

Вся керамика происходящая из памятников лепная. Венчики из коллекций по форме вертикальные, прямые или слегка отонутые наружу. Стенки груболепные, массивные. Днища по профилировке простые и с монолитным поддоном. На днищах наблюдаются следы подсыпок из песка, пепла и дресвы. На керамике из городища Змеевка прослеживаются отпечатки

деревянных подставок, на которых происходила формовка сосуда. По цвету керамика из рассматриваемых памятников представляет собой фрагменты темно-серой, светло-кремовой и бежевой окраски. Так как коллекции сильно фрагментированные, целые формы сосудов восстановить не удалось.

Отобранные авторов керамические материалы анализировались с привлечением методики, основанной на анализе керамических находок, разработанной А.А. Бобринским [2, с. 14]. По данной методике весь процесс керамического производства представляется в виде целостной системы, состоящей из трех последовательных уровней — стадий: подготовительной, созидательной и закрепительной. Любое гончарное производство имеет такие конкретные стадии, с которыми сталкивается каждый гончар в процессе производства сосуда. Исследователи же в процессе проведения археологических раскопок и во время лабораторной обработки материала сталкиваются с продуктами производства или с остатками гончарных мастерских, пытаясь воспроизвести по следам на черепках пройденные гончаром стадии. Каждая стадия делится на несколько ступеней. Подготовительная стадия состоит из: 1) отбора исходного сырья, 2) составления формовочной массы. В созидательной стадии выделяют: 3) изготовление начина, 4) конструирование полого тела, 5) придание изделиям формы, 6) механическую обработку поверхности сосуда. В рамках закрепительной стадии происходит обжиг готовых сосудов. Каждая ступень — это особая узкая технологическая задача, которая возникает и решается мастером во время процесса изготовления керамических сосудов. Эти навыки адаптивные, зависимые от природных условий и могут изменяться в условиях смещения в течение жизни одного поколения гончаров [18, с. 20-22].

1. Подготовительная стадия. Представления и знания древних гончаров о составе и свойствах исходного пластического сырья являются наиболее консервативными, постоянными навыками в гончарстве, способными сохраняться без изменений в течение длительного периода времени, даже в условиях культурного смешения. В качестве основного пластического сырья для производства керамики из городищ Змеевка, Радомля и Дашковка использовалась глина светло-бежевого, бежевого и светло-серого цвета. Исходя из того, что часть фрагментов имеет светло-бежевый

цвет поверхности, следует предположить, что использовалась слабожелезненная глина. В качестве непластичного исходного сырья использовались искусственно введенные минеральные добавки, представленные зернами толченого камня (дресва) размером 0,7 мм — 2,5 мм., встречаются единичные фрагменты очень крупных размеров — до 3,1 мм. Так как внутренняя и внешняя поверхность фрагментов бугристая и шершавая, можно сделать вывод о том, что кроме дресвы в составе формовочных масс находился также песок, прослеживаются и единичные включения слюды. Большое количество примесей дресвы и песка в формовочной массе может объясняться использованием слишком «жирных» чистых глин, для отошения которых, как раз, используются непластические примеси [2, с. 76].

Таким образом, формовочные массы для изготовления керамики определяются как грубые, рецепты которых можно составить следующим образом: исходное пластическое сырье (глина) + дресва + песок; исходное пластическое сырье (глина с примесями слюды) + дресва + песок. Пока невозможно определить, специально ли добавлялась слюда как отдельный компонент формовочной массы или слюда изначально присутствовала в глиняном сырье [17, с. 34-35; 18, с. 20-22].

2. Созидательная стадия. Вся отобранная для анализа керамика, происходящая из рассматриваемых памятников, лепная. Внешняя и внутренняя поверхность черепков грубая, на ощупь бугристая, что объясняется наличием в формовочной массе крупных зерен дресвы, и является одной из отличительных черт керамики колочинской культуры. Для изготовления начина будущего сосуда использовались донная и донно-емкостная программы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся следы на черепках от соединения жгутов на участке перехода днища в боковые стенки. Согласно исследованию А.А. Бобринского, донно-ёмкостные начини в качестве технологической традиции использовались населением Восточной Европы с древних времен [2, с. 115]. Так как материал из памятников сильно фрагментирован, определить программы для конструирования полого тела не представляется возможным. Формы сосудов определялись по диаметрам сохранившихся венчиков согласно предложенной О.А. Макушниковым видовой классификации керамических форм. По данной классификации керамический

материал из рассматриваемых городищ относится к трем видовым категориям. I вид представляют горшки баночно-округлобочной формы с короткой вертикальной отогнутой наружу шейкой, с диаметром венчика от 10 до 25 см. срез венчика – плоский, округлый, скошенный наружу. Ко II виду принадлежат тюльпановидные по форме сосуды с широкой горловиной, отогнутой наружу шейкой и выделенным элементарным венчиком. К III виду относятся горшки ребристой формы. Они имеют максимальное расширение тулова на уровне середины высоты, которое оформлено в виде ребристого изгиба стенок с невыделенным венчиком. Наличие ребристого перехода – еще одна отличительная черта колочинской керамики. Венчики таких сосудов по форме вертикальные или плавно отогнуты наружу. Верхняя поверхность приплюснута и сглажена в сторону внешнего бортика [9, с. 217-233].

Диаметр венчиков (40-60 см.) показывает, что на городищах найдены фрагменты довольно крупных форм сосудов, которые использовались в качестве корчаг-зерновиков для хранения запасов. Есть и менее крупные фрагменты (20-28 см), которые, вероятнее всего, использовались в качестве кухонных горшков для приготовления пищи. На некоторых фрагментах имеются следы нагара, что может свидетельствовать о длительном использовании сосуда в кухонных целях для приготовления пищи. По терминологии А.А. Бобринского, производство керамики на рассматриваемых памятниках носило неспециализированный характер, так как изготавливалась как кухонная посуда, так и посуда, использовавшаяся в хозяйственно-бытовых целях [2, с. 73]. Следует отметить, что фрагменты из коллекций не имеют никакой орнаментации и внешняя поверхность сосудов практически никак не обрабатывалась. Исключение составляет фрагмент тулова со сломанным венчиком корчаги-зерновки, найденной на городище Радомля, наклепной валик которой украшен четкими, глубокими косыми насечками. Некоторые фрагменты небрежно сглажены с наружной стороны пучком травы или соломы. Внешняя и внутренняя поверхность черепков обычно шероховатая на ощупь, которая проявляется за счет выступающих крупных зерен дресвы. Лощение на фрагментах также отсутствует.

3. Закрепительная стадия. Завершающим этапом в производстве керамических

изделий является обжиг. Процессом обжига керамических изделий называют их термическую обработку с целью придания сосудам необходимых качеств, таких как прочность и водонепроницаемость [19, с. 144]. Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в условиях неполного окислительного обжига, так как черепки имеют неравномерную окраску внутренней и внешней поверхности, которая варьируется от бежевого до темно-серого цвета [6, с. 13]. Фрагменты легко ломаются и крошатся. В изломе большинства фрагментов четко видна темная срединная полоса.

Сравнение изученных фрагментов из городищ Радомля, Змеевка и Дашковка Могилевского Поднепровья с опубликованными данными о керамике из городища Колочин I Речицкого района Гомельской области – эталонного памятника колочинской культуры – показывает сходство по морфологическим характеристикам, по формообразованию, по функциональному назначению. Для керамики из городища Колочин I, как и для керамики из рассматриваемых городищ характерна груболепная, неорнаментированная, шероховатая внешняя и внутренняя поверхность черепков, которая проявляется за счет выступающих крупных зерен дресвы. По форме на всех памятниках присутствуют фрагменты баночно-округлобочной, тюльпановидной, ребристой формы сосудов. Присутствие на городищах фрагментов от больших по размеру сосудов свидетельствует о применении таких форм в качестве посуды для хранения запасов. Исходя из того, что рассмотренные керамические материалы имеют сходство по формообразованию, морфологическим и технологическим свойствам с ранее опубликованными исследованиями археологов Э.А. Сымоновича и А.А. Макушниковой, следует сделать вывод о том, что керамику из памятников Могилевского Поднепровья можно предварительно датировать V-VII вв. Датировать керамику из рассматриваемой территории более поздним временем на сегодняшний день не представляется возможным из-за отсутствия четко выраженного стратиграфического слоя на памятниках, верифицированных датирующими материалами и комплексов этого времени. Для точного датирования в будущем будут привлечены естественнонаучные методы датирования.

Список литературы

1. Авласович А.М. Научный отчет археологических раскопок на памятниках железного века и средневековья на территории Могилёвского района Могилёвской области в 2019 г. (рукопись). – 182 с.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва: Наука, 1978. 272 с.
3. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – Москва: ИА РАН. 1996. – 298 с.
4. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука, 1981. 136 с
5. Зиньковская И.В. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Картамышевский // Вопросы истории славян. Археология, этнография. Воронеж. 1998. № 12. С.3-9.
6. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны восточной Европы). Москва: ИА РАН, 2016. 128 с.
7. Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: О соотношении керамики верхних слоев // Краткие сообщения Института археологии. Москва. 1989. № 195. С. 9-15.
8. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V- середине XIII вв.: Социально-экономическое развитие. Гомель: М-во образования РБ Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
9. Макушников О.А. Раннесредневековая керамика городища Колочин I на Гомельщине // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Материалы по археологии Беларуси. Минск, 2003. № 8. С. 217-233.
10. Макушнікаў А.А. Калочынская культура: у 4 т. Т. 2 Археалогія Беларусі : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларус. навука, 1999. С. 348.
11. Марзалюк І.А. Гарадзішча Змяёўка (Пелагеёўскае гарадзішча) у Магілёве. Археалагічнае даследаванне. Магілёў: УА МДУ імя А.А. Куляшова, 2010. 68 с.
12. Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі вёскі Радамля (Замковішча, Гарадзішча № 2) Чавускага раёна Магілёўскай вобласці ў 2007 г. ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2520. 73 с.
13. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Москва: Наука, 1976. – 194 с.
14. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Москва: Наука, 1982. – 328 с.
15. Середа Д.В. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья) // Краткие сообщения института археологии РАН. Москва, 2003. № 215. С. 20-30.
16. Сымонович Э.А. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Москва, 1959. № 77. С. 70-76
17. Ткачёва М.В. Анализ керамики V-VII вв. из поселения Радомля // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2020 г. : материалы научно-методической конференции, 28 января – 12 февраля 2021 г. / под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. С. 34-35.
18. Ткачева М.В. Керамика V-VII вв. из городища Змеевка (Пелагеевское городище) [Электронный ресурс] // Историческая наука: достижения, проблемы, перспективы : электрон. сб. материалов XIII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и молодых ученых, Брест, 23 апр. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. Е. А. Бурик [и др.]. Брест: БрГУ, 2021. С. 20-22. URL: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/7463>. (дата обращения: 01.07.2022).
19. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. Москва: ИА РАН, 2017. 346 с.

**CERAMIC PRODUCTION OF THE KOLOCHI ARCHAEOLOGICAL CULTURE TRIBES
(BY MATERIALS FROM THE MOGILEV SUBDNIPER REGION)**

The article considers the stages of ceramic production of the Kolochinsky archaeological culture in the Upper Dnieper region. The ceramic material was studied on the basis of morphological and technological analysis of ceramic fragments found during archaeological excavations at the sites of Zmeevka (Pelageevskoe settlement) in the city of Mogilev, Radomlya, Chausy district, Mogilev region, Dashkovka, Mogilev district, Mogilev region. Previously, Kolochinsk pottery was studied by archaeologists E.A. Symanovich and O.A. Makushnikov and had a descriptive character of morphological

features. The relevance of the topic of the article is due to the lack of a comprehensive study on the territory of the Upper Dnieper region with a detailed consideration of the stages of ceramic production among the tribes of the Kolochin archaeological culture. The purpose of the work is to consider the stages of ceramic production of the Kolochin culture based on the materials of the Upper Dnieper region. The analysis of ceramic production technology was carried out in the context of the historical and cultural approach developed by the Russian archaeologist A.A. Bobrinsky. The entire ceramic material is analyzed in the article according to such indicators as the composition of the molding mass, the method of surface treatment, and manufacturing features. The conclusion is made about similar morphological features of ceramics with ceramic material originating from the reference monument of the Kolochin culture - the settlement of Kolochin I, Loevsky district, Gomel region.

Keywords: stucco ceramics, Kolochin culture, Belarusian Dnieper region, Zmeevka, Radomlya, Kolochin I, Dashkovka-3, ceramic production, gruss.

References

1. Avlasovich A.M. Nauchnyj otchet arheologicheskikh raskopok na pamyatnikah zheleznogo veka i srednevekov'ya na territorii Mogilyovskogo rajona Mogilyovskoj oblasti v 2019 g. (rukopis') [Scientific report of archaeological excavations at the monuments of the Iron Age and the Middle Ages on the territory of the Mogilev district of the Mogilev region in 2019]. (manuscript). 182 s.
2. Bobrinskij A.A. (1978). Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moskva: Nauka. 272 s.
3. Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M. (1996) Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [Gaponovsky treasure and its cultural and historical context]. Moskva: IA RAN. 1996. – 298 s.
4. Goryunov E.A. (1981). Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [Early stages of the history of the Slavs of the Dnieper Left Bank]. Leningrad: Nauka. 136 s.
5. Zin'kovskaya I.V. (1998). Keramika kolochinskih mogil'nikov: Lebyazhinskij, Knyazhinskij, Kartamyshevskij [Ceramics of the Kolochinsky burial grounds: Lebyazhinskiy, Knyazhinsky, Kartamyshevsky]. *Voprosy istorii slavyan. Arheologiya, etnografiya* [Problems of the history of the Slavs. Archeology, ethnography Voronezh], № 12, S 3-9.
6. Koval' V.YU. (2016). Pervichnaya fiksaciya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikah epohi Srednevekov'ya i rannego zheleznogo veka lesnoj zony vostochnoj Evropy). [Primary fixation of mass ceramic material (on the monuments of the Middle Ages and the early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe)]. Moskva: IA RAN. 128 s.
7. Lopatin N.V. (1989). Tushemlya, Demidovka, Kolochin: O sootnoshenii keramiki verhnih sloev [Tushemlya, Demidovka, Kolochin: On the ratio of ceramics of the upper layers]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology], № 195, S 9-15.
8. Makushnikov O.A. (2009). Gomel'skoe Podneprov'e v V- seredine XIII vv.: Social'no-ekonomicheskoe razvitie [Gomel Dnieper region in the V-middle of the XIII centuries: Social and economic development]. Gomel': M-vo obrazovaniya RB Gomel'skij gos. un-t im. F. Skoriny. 128 s.
9. Makushnikov O.A. (2003). Rannesrednevekovaya keramika gorodishcha Kolochin I na Gomel'shchine [Early medieval ceramics of the settlement of Kolochin I in the Gomel region]. *Rannie slavyane Belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya. Materialy po arheologii Belarusi* [Materials on the archeology of Belarus], № 8, S 217-233.
10. Makushnikaŭ A.A. (1999). Kalochynskaya kul'tura [Kolochyn culture] u 4 t. T. 2 Arheologiya Belarusi : Zhalezny vek i rannyye syarednyavechcha. Minsk: Belarus navuka. S 348
11. Marzalyuk I.A. (2010) Garadzishcha Zmyayoŭka (Pelageeŭskae garadzishcha) u Magilyove. Arhealagichnae dasledavanne [Zmyaivka settlement (Pelageiv settlement) in Mogilev. Archaeological study]. Magilyoŭ: UA MDU imya A.A. Kulyashova. 68 s.
12. Marzalyuk I.A. Spravzdacha ab arhealagichnyh raskopkah na terytoryi vyoski Radamlya (Zamkovishcha, Garadzishcha № 2) Chavuskaga rayona Magilyoŭskaj voblastci ŷ 2007 g. [Report on archaeological excavations in the territory of the village of Radamlya (Zamkovishcha, Horadishcha №. 2) of the Chavusky District of the Mogilev Region in 2007] Instytut historyi Nacyjanal'naj akademii navuk NAN Belarusi. FAND. Vop. 1. Arh. № 2520. 73 s.
13. Rusanova I.P. (1976) Slavyanskije drevnosti VI-VII vv. [Slavic antiquities of the VI-VII centuries]. Moskva: Nauka. 194 s.
14. Sedov V.V. (1982) Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [Eastern Slavs in the VI-XIII centuries]. Moskva: Nauka. 328 s.
15. Sereda D.V. (2003) Klassifikaciya keramiki kolochinskoj kul'tury (po materialam pamyatnikov Dneprovskogo Levoberezh'ya) [Classification of ceramics of the Kolochin culture (based on the materials of the monuments of the Dnieper Left Bank)] *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii RAN* [Brief reports of the Institute of Archeology of the Russian Academy of

Sciences], № 215, s. 20-30.

16. Symonovich E.A. (1959) Raskopki gorodishcha Kolochin I v Yuzhnoj Belorussii [Excavations of the ancient settlement Kolochin I in South Belarus] *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture], № 77, s. 70-76.

17. Tkachyova M.V. (2021) Keramika V-VII vv. iz gorodishcha Zmееvka (Pelageevskoe gorodishche) [Ceramics of the V-VII centuries. from the settlement of Zmееvka (Pelageevsky settlement)] [Elektronnyj resurs] *Istoricheskaya nauka: dostizheniya, problemy, perspektivy: elektron. sb. materialov XIII Resp. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov i molodyh uchenyh* [Historical science: achievements, problems, prospects: electron. Sat. Materials XIII Rep. scientific-practical. conf. students, undergraduates and young scientists], Brest, 23 apr. 2021 g. Brest. gos. un-t im. A. S. Pushkina ; redkol. E. A. Burik [i dr.]. Brest: BrGU, 2021. S. 20-22 – Retrieved 01 July, 2021 from: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/7463>.

18. Tkachyova M.V. (2021) Analiz keramiki V-VII vv. iz poseleniya Radomlya [Analysis of ceramics of the 5th-7th centuries. from the settlement of Radomlya] *Itogi nauchnyh issledovaniy uchenyh MGU imeni A. A. Kuleshova 2020 g.: materialy nauchno-metodicheskoy konferencii* [Results of scientific research by scientists of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov 2020: materials of the scientific and methodological conference], 28 yanvarya – 12 fevralya 2021 g. pod red. N. V. Makovskoj, E. K. Sychovoj. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2021. S. 34-35.

19. Cetlin YU.B. (2017) Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moskva: IA RAN. 346 s.

Об авторе

Ткачёва Марина Валентиновна – магистр исторических наук, аспирант кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин УО «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова» (Беларусь), E-mail: mrntkcv@gmail.com

Tkacheva Marina Valentinovna – Master of Historical Sciences, Postgraduate Student of the Department of Archeology, History of Belarus and Special Historical Disciplines “Mogilev State University named after I.I. A.A. Kuleshov” (Belarus), E-mail: mrntkcv@gmail.com

УДК 94(47)

Турьгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия).

ОТТО ЛЮБАРШ И ОБРАЗОВАНИЕ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

В статье речь идёт о раннем периоде истории Пангерманского союза (1891-1939) и условиях его возникновения по воспоминаниям немецкого профессора анатомии и патологии Отто Любарша (1860-1933). Эти воспоминания, опубликованные незадолго до его смерти в 1931 г. и названные «Насыщенная жизнь одного учёного: Воспоминания и переживания, борьба и размышления» также характеризуют не только академическую карьеру Любарша, но и многие события политической жизни Германии конца XIX — начала XX века. Ценность воспоминаний с точки зрения условий возникновения пангерманизма в Германии состоит в нескольких ранее неизученных аспектах, отмеченных Любаршем: а) инициатива к объединению исходит из немецкой академической (университетской) среды; б) авторы воззвания к нации «Германия, проснись!» находятся на стажировке за пределами Германии (в Швейцарии); в) специфичным является профессиональная принадлежность авторов воззвания к сфере медицины; г) пангерманизм возникает на фоне критики правительства рейха. История жизни Любарша иллюстрирует важные этапы трансформации пангерманизма в Германии, связанные с динамикой программных целей и задач, радикализации идеологии, изменением структуры и роли Пангерманского союза в немецком обществе.

Ключевые слова: Пангерманский союз, идеология, антисемитизм, медицина, история патологии, колониализм, биография, оппозиционное движение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-138-145

В июне 1890 года ряд немецких газет опубликовал один и тот же короткий текст обращения к немецкой нации, проливавший свет на готовящийся к подписанию англо-германский колониальный договор. Из текста было понятно, что речь шла о разграничении сфер влияния и обмене немецких владений в Восточной Африке на небольшой остров Гельголанд в Северном море. Двусторонний договор, подписанный 1 июля 1890 года, произвёл большой эмоциональный эффект на заинтересованную в активной колониальной политике часть немецкой общественности: «Одним росчерком пера рухнула надежда на великую немецкую колониальную империю! Будет ли этот договор действительно существовать? Нет, нет и ещё раз нет! Немецкий народ должен подняться как один и заявить, что этот договор неприемлем! Договор с Англией вредит нашим интересам и ранит нашу честь; он не должен стать реальностью! По зову нашего кайзера мы готовы сплотиться и покорно выступить против неприятеля, получив взамен награду, стоящую жертвы, награду называться народом-завоевателем, который сам заберёт свою часть мира! Германия, проснись!» [23, с. 31-34].

В последующие за подписанием колониального договора недели это безымянное воззвание под одноимённым заголовком «Германия, проснись!», было опубликовано уже с разными комментариями: «Кто

может помешать 50-миллионному народу, который посвящает все свои силы военной службе, который тратит более полумиллиарда в год на военные действия, разорвать договор, явно предназначенный для того, чтобы обмануть будущие поколения? Поистине, наши жертвы кровью и деньгами были бы слишком велики, если бы наша военная мощь не давала нам возможности отстаивать своё право там, где это идёт вразрез с волей англичан» [6, с. 184].

Некоторые исследователи пангерманизма полагают, что массовая публикация воззвания к немцам была профинансирована «королём прессы и кино» [19, с. 155-156] Альфредом Гугенбергом (1865-1951) с целью понимания очертаний возможной оппозиции официальному внешнеполитическому курсу. Это позволяет отнести Гугенберга к числу соучредителей Пангерманского союза [10, с. 8; 21, с. 532; 18, с. 90]. Однако такое суждение вызывает сомнение, поскольку 25-летний Гугенберг к началу 90-х гг. XIX века занимался научной карьерой, только что защитив диссертацию. Основание им одноимённой медиагруппы *Hugenberg-Konzern* начинается уже после мировой войны с покупки издательства *Scherl* (1916), информационного агентства *Telegraphen-Union* (1916), рекламной компании *Hasenstein & Vogler* (1918) и киноиндустрии *Ufa* (1927). Вероятнее всего, массовая публикация воззвания стала возможной благодаря деятельности

«Германского колониального общества», издававшего собственную еженедельную газету *Deutsche Kolonialzeitung*, редактором которой был Густав Мейнеке (1854-1903). Активными членами общества были авторы воззвания.

Справедливым кажется замечание, что массовая публикация воззвания в периодической печати могла представлять собой попытку определения очертаний формирующейся оппозиции правительственному курсу, что может объяснять его анонимность: В нашем узком кругу друзей, приват-доцента Адольфа Фика и Вальтера Феликса [...] едва воцарился покой, как до нас донеслись вести о Занзибарском договоре с Англией. Очень этим взволнованные, мы решили обратиться к немецкому народу с воззванием выступить против того, что очень напоминало Ольмюцкое соглашение¹. Первоначально текст был опубликован без подписей 24 июня 1890 года в ряде крупных газет под общим заголовком «Германия, проснись!». Поскольку это не имело успеха, мы пошли дальше и 15 июля 1890 года выпустили второе обращение, в котором призвали к основанию «Пангерманского союза». Его подписали: др. В. Феликс из Лейпцига, др. А. Фик из Марбурга, др. О. Любарш из Берлина, А. Мюллер из Фридрихсберга [13, с. 532].

Реакцией на воззвание стал съезд заинтересованной общественности 28 сентября 1890 году во Франкфурте-на-Майне, организованный «Германским колониальным обществом». Под председательством лейпцигского профессора Йоханнеса Вислиценуса (1835-1902), обладавшего «превосходными ораторскими способностями, неизменным спокойствием и присутствием духа, что делало его прирождённым лидером крупных ассоциаций и собраний» [17, с. 4], было принято решение организовать «Всеобщий германский союз» (*Allgemeiner Deutscher Verband*). Учредительный съезд состоялся 9 апреля 1891 года в Берлине [22, с. 30]. После реорганизации 1 июля 1894 года и вплоть до официального роспуска в 1939 году он существовал уже как «Пангерманский союз» (*Alldeutscher Verband*), объединявший этнических немцев вне и за

пределами границ рейха [5, с. 8].

Среди инициаторов создания «Пангерманского союза» был немецкий врач, профессор анатомии и патологии, уроженец Берлина Отто Любарш (1860-1933). Вместе с коллегами, анатомом Вальтером Феликсом (1860-1930) и офтальмологом Адольфом Гастоном Ойгеном Фиком (1852-1937), племянником знаменитого немецкого физиолога Адольфа Фика (1829-1901), находясь на стажировке в Цюрихе, Любарш принял участие в составлении текста знаменитого воззвания. В своих воспоминаниях он так описал происходившие события: Мы хотели создать противовес взбалмошной политике кайзера, нацеленной на сиюминутные внешние успехи, хотели объединить и поддержать все усилия, направленные на то, чтобы дать Германии равное место под солнцем. С потерей Бисмарка закончилась величайшая глава немецкой истории, полная уважения и доверия, которую когда-либо знала Германия, и нам показалось необходимым предложить взамен что-то похожее, достаточно сильное, соответствующее неисчерпаемой воле к жизни немецкого народа, которую он сам должен был бы сначала осознать и укрепить [...] Наша цель состояла в том, чтобы увести людей от чисто материалистического стремления к идеалам и воспитать их для активного участия, в частности, во внешней политике [13, с. 533].

Удивительным кажется то, что в отличие от своих единомышленников и друзей по «Цюрихской группе» Фика и Феликса, Любарш не становился членом официального правления Пангерманского союза. Как замечает он сам, вскоре ему пришлось даже отказаться от обычного членства в Пангерманском союзе. В воспоминаниях он не называет причину, но ссылается на то, что «определённая общественная деятельность организации и некоторых её руководителей больше не казалась адекватной достижению целей» [13, с. 532]. Причина такого поведения, вероятнее всего, кроется в еврейском происхождении Любарша, что вступило в противоречие с усилившимся антисемитизмом Пангерманского союза. Во времена Веймарской республики, отвечая на

¹ Ольмюцкое соглашение — договор между Австрией и Пруссией, подписанный 29 ноября 1850 г. в Ольмюце (чеш. Оломоуц). Договор, ставший позже предметом критики консервативной общественности, заставил Пруссию отказаться от претензий на лидерство в Германском союзе, который после революции 1848 г. был восстановлен под руководством Австрии. Дипломатическое поражение Пруссии способствовало падению её авторитета среди немецких государств и дальнейшему обострению австро-прусского антагонизма.

критику в ренегатстве, исходящую со стороны начальника прессы прусского государственного министерства Ханса Гослара (1889-1945), Любарш парировал, что отрёкся от еврейства ещё в раннем возрасте: Все еврейские впечатления, которые я получил в юности, были по большей части неблагоприятными, если не считать отца, мать и бабушку [...]. В тех родственных кругах, которых избегал мой отец, я рано столкнулся с нетерпимостью, высокомерием, хвастовством и презрением христианского трудолюбия обычного немецкого работника. Я никогда не впитывал еврейских знаний, особенно еврейского учения и этики, когда был молодым, а свои лучшие впечатления почерпнул из германской истории, её греко-римских, а не восточных корней; Моими героями были не Авраам или Моисей, а герои германских саг и героических эпосов, Лютер, императоры Гогенштауфены, Великий курфюрст и Фридрих Великий; из немецкой поэзии и произведений искусства я черпал энтузиазм, который никогда не покидал меня, как и раньше, я продолжаю цепляться за германское прошлое всем своим страстным сердцем [...]. Я ни одной фиброй своей души не принадлежал к еврейству, и поэтому нет более нелепого обвинения против меня, чем обвинение в ренегатстве [13, с. 540-541].

Проблема антисемитизма для пангерманцев всегда была тем центром, вокруг которого они выстраивали своё мировоззрение немецкого единства, провозглашая идентичность народа и государства высшей степенью политической эволюции. Пангерманский публицист Фриц Блей (1853-1931) призывал даже к отказу от государственного мышления XIX в., заявляя, что «вся Германия» есть общность племён, «доказавших свою состоятельность в ходе жёсткого отбора в ледниковый период» [4, с. 20, 23]. Такая общность должна подтверждаться не столько местом рождения, сколько языковым и расовым единством [1, с. 50]. Если саму категорию расы, равно как и производные от неё дефиниции «расового врага» или «расового долга» ещё только предстояло соотнести с программными целями Пангерманского союза («Гобино¹ не только в шкафу, но и в сердце» [2, с. 324]), работа в направлении поиска пангерманской идентичности и придания ей

научной ценности началась сразу после его образования. В этой связи интерес представляет одна из немногих работ о динамике антисемитизма внутри Пангерманского союза немецкого исследователя Йоханнеса Ляйхта, который склонен выделять несколько фаз его развития: «умеренный антисемитизм» Эрнста Хассе (1894-1908) и поиск критериев расового превосходства немцев, радикальный антисемитизм Генриха Класса (1908-1914) и кризис идентичности Пангерманского союза, «военный антисемитизм» (1914-1939) и демонизация расового врага [12].

Несмотря на «умеренный антисемитизм» лидера пангерманцев Хассе, сдерживавшего филиалы Пангерманского союза в их решительном желании исключить евреев [3, с. 6-8] и рекомендовавшего отказаться от «дискуссий по еврейскому вопросу в филиалах для принципиального его обсуждения в будущем» [9, с. 2], Любарш отказался участвовать в правлении. Тем не менее, он предпочёл сохранить членство в дочерних организациях, которым оказывали поддержку пангерманцы («Германское колониальное общество», «Германский флотский союз», «Германское общество Восточной марки»).

Оставаясь в тени руководящего состава Пангерманского союза, накануне и в годы войны Любарш занимался профессиональной деятельностью в области анатомии, патологии и гистологии. С 1899 г. он руководил патологоанатомическим отделением Гигиенического института в Познани, читал лекции по медицине в Институте патологии и бактериологии в Цвиккау, директором которого стал в 1905 г. Два года спустя Любарш получил должность профессора в Медицинской академии в Дюссельдорфе, откуда в 1913 г. переехал в Киль. С 1917 г. Любарш возглавлял кафедру патологии и был директором Патологического института *Charitë* в Берлине. В институте был главным редактором медицинского журнала *Virchows Archiv*. Занимаясь издательской деятельностью, Любарш очень внимательно подходил к проблеме сохранения немецкого языка, что соответствовало общим задачам Пангерманского союза [10, с. 10-11]. В этом своём желании он был настолько скрупулёзен, что иногда становился объектом иронии для коллег. Так, вместо довольно

¹ Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882) — французский писатель и дипломат, один из основоположников расистского мышления, автор арийской расовой теории («Эссе о неравенстве человеческих рас», 1853).

распространённого у медиков термина «аневризма аорты» Любарш предложил громоздкий немецкий вариант «сифилитическое расширение главной аорты» (*Hauptkorperschlagaderlustseuchenerweiterung*) [7, с. 47].

В пангерманском духе Любарш защищал немецкую науку. В своей речи *Wissenschaft und Volkstum* («Наука и народность») в аудитории Кильского университета 27 января 1916 г. он доказывал превосходство немецкой науки над наукой других стран. Для убедительности доводов он ссылается на статистику, упоминая количество иностранцев, получивших образование в Германии, данные об экспорте научных технологий, количестве переведённых на иностранные языки трудов немецких учёных. Не подвергая сомнению цифры, Любарш отметил, что «русские, японцы и североамериканцы населяли наши аудитории больше всего, можно сказать, слишком обильно, и что экспорт наших научных продуктов в эти страны также был самым большим» [14, с. 11]. С сожалением и скорбью он указал, что наука стала средством политики, сославшись на критику «натерпевшейся от войны немецкой профессуры» [14, с. 9]. Однако, не уделив внимания мотивам этой критики, Любарш тут же переходит к обвинению, прежде всего в адрес Англии и Франции. Ход его мыслей довольно оригинален, так как Любарш начинает рассуждать едва ли не об автаркии науки, исключая политический контекст и связывая науку с народностью. Всякий, кто беспристрастно смотрит на развитие исторических отношений между народами, у которых парламентское правление и свобода печати достигли высшей степени организации, - отмечает Любарш, - должен прийти к твёрдому убеждению, что оно несколько не гарантирует ни счастье народа, ни его свободу [14, с. 9].

По сути, за изменением формы правления стояло лишь перераспределение власти в «царстве террора». Любарш заключает, что хуже, чем абсолютные монархи, власть денег и тесно связанная с ней пресса осуществляет там царство террора, подавляют истинное общественное мнение в пользу нескольких богатеющих кругов, развязывает там гражданские восстания и народные войны, делая это все под прикрытием безответственности, присущей большинству, не знающему ни стыда, ни

совести [14, с. 9].

Рассуждения Любарша о власти денег и безответственности, прикрытой большинством, предопределили его отношения к послевоенным событиям – Ноябрьской революции и Веймарской республике. Для него демократия означала господство партий, господство «чисто материального отношения», «приоритет профессиональных интересов» и, в конечном счёте «американизация жизни» [13, с. 571]. В противовес этому он ставил государство во главе с монархией или диктатором, «не имеющим ничего общего с субъективными интересами сторон» [20, с. 95-101].

Война доказала востребованность конкретных медицинских профессий хирургов и анестезиологов, в то время как патология и бактериология, чем занимался Любарш, отошли на второй план. Анализ его послевоенных выступлений доказывает обеспокоенность по поводу утраты немцами лидирующих научных позиций в этих областях, сравнимую едва ли не с утратой рейхом восточных территорий [16, с. 200]. Эта обеспеченность была вызвана планомерными исследованиями Любарша в институте патологии, где под его руководством велись испытания отравляющих веществ на животных.

Так, например, им было установлено, что сыпной тиф, ставший важным фактором потерь в Великой войне, уже не представлял проблемы для Германии, во всяком случае, в 1916 г. в Гамбурге уже был описан возбудитель, а Рудольфом Вайглем была разработана вакцина. Определив локализацию сыпного тифа на восточных границах, Любарш предлагал варианты сотрудничества с русскими врачами, поощряя их публикационную активность и способствуя научному сближению Германии и России в начале 1920-х гг. [8, с. 136-137]. При этом Любарш не высказывал никаких симпатий большевизму, оставаясь его противником. Левых он клеймил ещё в Германии: Разрушена наша промышленность, разрушена наша империя [...], уничтожены богатства наших городов и частных лиц, а то, что от них осталось, будет полностью уничтожено преступным безумием наших социалистов, центристов и коммунистов и идеологией демократов [15, с. 50]. Двойственный подход к Советской России проявился в воспоминаниях Любарша от поездки в Россию на первую послевоенную

конференцию Всероссийского патологического общества в сентябре 1923 г., проходившую в Петербурге: Было мало признаков тирании; Конечно, все старались не говорить об этом. В Кремль, где лежал смертельно больной Ленин, можно было попасть только по особым привилегиям. Признаком новой эры стали изображения нынешних правителей, развешанные повсюду в общественных зданиях. В Петербурге, на приёме по поводу открытия конференции, проходившем в бывшем великокняжеском дворце, при входе красовался колоссальный бюст Карла Маркса, а также портреты Карла Либкнехта, Ленина, Троцкого и Каменева; не обошлось и без портрета Розы Люксембург [...] Все моё пребывание там было переживанием, побудившим к сильным размышлениям о том, как много богатых духовных сил имеется в великой империи, но сколькому из всего этого грозит стать погребённым и уничтоженным от воплощения политических идеалов безжалостной тирании [13, с. 497].

Военное поражение Германии сказалось на финансовом положении науки. Активная деятельность Любарша после 1918 г. была направлена на поиск источников поддержания исследований в институте патологии. Исследователи отмечают, что как минимум до 1925 г. ему удавалось находить их в Министерстве культуры [16, с. 206]. Последующий отказ был связан с превышением полномочий и нецелевом расходовании выделенных средств.

Приход Гитлера к власти Любарш встретил с энтузиазмом, но уже находясь в отставке (1929) [11, с. 55]. О его настроенных по отношению к подъёму национал-социализма свидетельствами вспоминаются, опубликованные Любаршем за несколько лет до этого, в 1931 г. В них Любарш описывает надежды на будущее возрождение Германии, которое он связывает с «правительством, преследующим одну великую цель — укрепить все силы народа, стремящегося к освобождению от внешних врагов», залогом чему станет «сбрасывание оков Версальского договора» [13, с. 576].

1 апреля 1933 года Отто Любарш умер в Берлине от инфаркта сердца.

Воспоминания Отто Любарша представляют большую ценность для понимания мотивов поведения интеллигенции, стоявшей у истоков пангерманизма. Учитывая возможные рамки и ограничения,

связанные со временем их публикации накануне прихода национал-социалистов к власти и пониманием неудач и краха «пангерманского проекта», Любарш дал понять, что Пангерманский союз не всегда был орудием борьбы за власть неправительственной оппозиции. Так или иначе, в первую фазу существования Пангерманского союза в числе его членов был достаточно высок процент умеренно настроенных немцев, стремившихся не к открытому влиянию, а к воспитанию в духе консервативных, националистических ценностей. Он писал, что цель состояла в том, чтобы увести людей от чисто материалистического стремления к ценностным идеалам, воспитав их (после смерти Бисмарка) для активного участия во внешней политике [13, с. 533]. Эти ценности идеалы могли быть достигнуты, если бы Пангерманский союз сконцентрировался исключительно на общественной работе, отметил Любарш [13, с. 533]. Разумеется, такая работа должна была иметь политический резонанс, что подтверждает согласие Любарша с публикационной активностью в ведущих периодических изданиях рейха и подачей петиций правительству. Опыт подачи и подписания петиций во времена становления профессиональной карьеры Любарша имели многие из его авторитетных коллег: Рудольф Бенеке (1861-1945), Давид Ганзельманн (1858-1920), Феликс Маршан (1846-1928), Мартин Бенно Шмидт (1863-1949) и Эрнст Швальбе (1871-1920). Во всяком случае, те, кто читал историю Пангерманского союза, написанную Отто Бонхардом в 1920 году, вероятно, признали бы, насколько высок был процент его умеренных членов, тех, кто не преследовал планов завоевания и нападения, которые были навязаны позже [13, с. 533].

Анализируя воспоминания Любарша о фазе организации и становления Пангерманского союза, можно сформулировать ведущие поведенческие мотивы: *Во-первых*, мысль о создании Пангерманского союза возникает в Швейцарии. Она была связана с потребностью в идентичности немцев за рубежом, где возникали похожие с Германией националистические объединения. В Швейцарии высок процент немецкоговорящего населения, которое стремилось к идентичности на основе немецкого языка и культуры. Мысль о немецком единстве возникает в группе немецких студентов

швейцарского института в Цюрихе. *Во-вторых*, политический энтузиазм последнего десятилетия XIX века, т.н. «эпохи вильгельминизма», вдохновил целое поколение молодых консерваторов, рождение которых пришлось на время создания второго рейха. Потребность в конкуренции за право Германии называться великой державой, современный статус которой связывался со статусом колониальной империи, достаточно быстро интегрировала популярные геополитические теории о жизненном пространстве, земельном голоде, месте под солнцем и т.д. На эти годы пришлась юность и молодость Любарша, что, разумеется, повлияло на его общественные и политические амбиции. *В-третьих*, борьба за профессионализацию отраслей медицины и её международный статус. На фоне научного и технологического прогресса и усиления глобализации, Любарш принадлежал

к той части консервативной немецкой интеллигенции, которая связывала этот прогресс с идеей германства, во всяком случае, с намерением подчеркнуть статус и роль немецкой медицины в мире. Он неоднократно упоминал о том, что пионеры технологического процесса из англо-саксонских стран получили образование в немецких университетах, а также был противником новой медицинской (универсальной) терминологии, стремясь сохранить роль и значение немецкого языка. *В-четвертых*, участие Любарша в образовании и деятельности Пангерманского союза не исключало намерения изменить формирующийся антисемитский дискурс. Имея еврейские корни, Любарш неоднократно предпринимал попытки доказать приоритет политической позиции над происхождением.

Список литературы

1. Alldeutsche Bldtter vom 18. 3. 1894 // Alldeutsche Bldtter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. Berlin, 4.1894 - 6.1896.
2. Alldeutsche Bldtter vom 20. 9. 1913 // Alldeutsche Bldtter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. Berlin, 12.1902 - 27.1917.
3. An die Geschdftsstelle des Alldeutschen Verbandes in Berlin aus Leipzig, den 23. September 1901 // BArch (Bundesarchiv). R 8048/661. Bl. 6-8.
4. Bley F. Der Kampf um das Deutschtum. Heft 1: Die Weltstellung des Deutschtums. Mьnchen: Verlag von Lehmann, 1897. – 48 S.
5. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig, Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
6. Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft. Nr. 15. 12. Juli 1890. S. 184.
7. ForЯmann W. Selbstversuch. Erinnerungen eines Chirurgen. Dьsseldorf: Droste Verlag, 1972. – 384 S.
8. Hamperl H. Werdegang und Lebensweg eines Pathologen. Stuttgart / New York, 1972. – 291 S.
9. Hasse an die Ortsgruppe Frankfurt a. M. des Alldeutschen Verbandes, den 23. August 1901 // BArch (Bundesarchiv). R 8048/661. Bl. 2.
10. Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890-1939. Wiesbaden, 1954. – 258 S.
11. Lawrence C., Weisz G. Greater than the parts: holism in biomedicine, 1920-1950. New York: Oxford University Press, 1998. – 366 p.
12. Leicht J. “Alldeutsch - vielleicht alljьdisch?”: rassistische und antisemitische Semantiken in der Agitation des Alldeutschen Verbandes in den Jahren 1891-1919 // Jahrbuch fьr Antisemitismusforschung. Bd. 13. 2004. S. 111-137.
13. Lubarsch O. Ein bewegtes Gelehrtenleben. Erinnerungen und Erlebnisse. Kдmpfe und Gedanken. Berlin: Julius Springer, 1931. – 606 S.
14. Lubarsch O. Wissenschaft und Volkstum. Rede zur Feier des Geburtstages Seiner Majestat des Deutschen Kaisers Konig von PreuBen Wilhelm II. in der Aula der Koniglichen Christian-Albrechts-Universitat am 27. Januar 1916. Kiel, 1916 – 31 S.
15. Lubarsch O. Zur Frage der Hochschulreform. Wiesbaden, 1919. – 39 S.
16. Prьll G-R. Otto Lubarsch (1860-1933) und die Pathologie an der Berliner Charitь von 1917 bis 1928: Vom Trauma der Kriegsniederlage zum Alltag eines deutschnationalen Hochschullehrers in der Weimarer Republik // Sudhoffs Archiv. Bd. 81. H. 2 (1997). –S. 193-210.

17. Rassow B. Nachruf für Johannes Adolf Wislicenus // Zeitschrift für Angewandte Chemie. Heft 1. 1903. S. 4.
18. Sprengel P. Literatur im Kaiserreich: Studien zur Moderne. Berlin: Erich Schmidt, 1993. – 312 S.
19. Stücker J. Alfred Hugenberg, der Herr über Presse und Film / Jacob Stücker. Männer des deutschen Schicksal. Berlin, 1949. – 233 S.
20. Thimme A. Flucht in den Mythos. Die Deutschnationalen Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen, 1969. – 195 S.
21. Urner K. Die Deutschen in der Schweiz. Von den Anfängen der Koloniebildung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Stuttgart: Verlag Huber, 1976. – 848 S.
22. Werner L. Der Alldeutsche Verband 1890-1918 // Historische Studien. Heft 278. Ein Beitrag zur Geschichte der öffentlichen Meinung in Deutschland in den Jahren vor und während des Weltkrieges. Berlin: Dr. Emil Ebering, 1935. – 71 S.
23. Wertheimer M. S. The Pan-German League. New York: Columbia University Press, 1923. – 257 p.

OTTO LUBARSCHE AND THE FORMATION OF THE PAN-GERMAN LEAGUE

The article deals with the early period of the history of the Pan-German league (1891-1939) and the conditions for its emergence according to the memoirs of the German professor of anatomy and pathology Otto Lubarsch (1860-1933). These memoirs, published shortly before his death in 1931 and entitled "The Rich Life of a Scientist: Memories and Experiences, Struggle and Reflections," also characterize not only Lyubarsh's academic career. The conditions for the emergence of Pan-Germanism in Germany lies in several previously unexplored aspects noted by Lubarsch: a) the initiative for unification comes from the German academic (university) environment; b) the authors of the appeal to the nation "Germany, wake up!" are on an internship outside of Germany (in Switzerland); c) the professional affiliation of the appeal's authors to the field of medicine is worthy of attention; d) Pan-Germanism arises against the backdrop of criticism of the Reich government. The life story of Lubarsch illustrates the important stages in the transformation of Pan-Germanism in Germany, associated with the dynamics of program goals and objectives, radicalization of ideology, changes in the structure and role of the Pan-German league in German society.

Keywords: Pan-German league, ideology, anti-Semitism, medicine, history of pathology, colonialism, biography, opposition movement.

References

1. Alldeutsche Blätter vom 18. 3. 1894 // Alldeutsche Blätter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. Berlin, 4.1894 - 6.1896.
2. Alldeutsche Blätter vom 20. 9. 1913 // Alldeutsche Blätter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes. Berlin, 12.1902 - 27.1917.
3. An die Geschäftsstelle des Alldeutschen Verbandes in Berlin aus Leipzig, den 23. September 1901 // BArch (Bundesarchiv). R 8048/661. Bl. 6-8.
4. Bley F. Der Kampf um das Deutschtum. Heft 1: Die Weltstellung des Deutschtums. München: Verlag von Lehmann, 1897. – 48 S.
5. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig, Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
6. Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft. Nr. 15. 12. Juli 1890. S. 184.
7. Forjmann W. Selbstversuch. Erinnerungen eines Chirurgen. Düsseldorf: Droste Verlag, 1972. – 384 S.
8. Hamperl H. Werdegang und Lebensweg eines Pathologen. Stuttgart / New York, 1972. – 291 S.
9. Hasse an die Ortsgruppe Frankfurt a. M. des Alldeutschen Verbandes, den 23. August 1901 // BArch (Bundesarchiv). R 8048/661. Bl. 2.
10. Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890-1939. Wiesbaden, 1954. – 258 S.
11. Lawrence C., Weisz G. Greater than the parts: holism in biomedicine, 1920-1950. New York: Oxford University Press, 1998. – 366 p.
12. Leicht J. "Alldeutsch - vielleicht alljüdisch?": rassistische und antisemitische Semantiken in der Agitation des Alldeutschen Verbandes in den Jahren 1891-1919 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. Bd. 13. 2004. S. 111-137.
13. Lubarsch O. Ein bewegtes Gelehrtenleben. Erinnerungen und Erlebnisse. Kämpfe und Gedanken. Berlin: Julius Springer, 1931. – 606 S.

14. Lubarsch O. Wissenschaft und Volkstum. Rede zur Feier des Geburtstages Seiner Majestat des Deutschen Kaisers König von Preußen Wilhelm II. in der Aula der Königlichen Christian-Albrechts-Universität am 27. Januar 1916. Kiel, 1916 – 31 S.
15. Lubarsch O. Zur Frage der Hochschulreform. Wiesbaden, 1919. – 39 S.
16. Рыл Г-Р. Otto Lubarsch (1860-1933) und die Pathologie an der Berliner Charité von 1917 bis 1928: Vom Trauma der Kriegsniederlage zum Alltag eines deutschnationalen Hochschullehrers in der Weimarer Republik // Sudhoffs Archiv. Bd. 81. H. 2 (1997). – S. 193-210.
17. Rassow B. Nachruf für Johannes Adolf Wislicenus // Zeitschrift für Angewandte Chemie. Heft 1. 1903. S. 4.
18. Sprengel P. Literatur im Kaiserreich: Studien zur Moderne. Berlin: Erich Schmidt, 1993. – 312 S.
19. Stücker J. Alfred Hugenberg, der Herr über Presse und Film / Jacob Stücker. Männer des deutschen Schicksal. Berlin, 1949. – 233 S.
20. Thimme A. Flucht in den Mythos. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen, 1969. – 195 S.
21. Urner K. Die Deutschen in der Schweiz. Von den Anfängen der Koloniebildung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Stuttgart: Verlag Huber, 1976. – 848 S.
22. Werner L. Der Alldeutsche Verband 1890-1918 // Historische Studien. Heft 278. Ein Beitrag zur Geschichte der öffentlichen Meinung in Deutschland in den Jahren vor und während des Weltkrieges. Berlin: Dr. Emil Ebering, 1935. – 71 S.
23. Wertheimer M. S. The Pan-German League. New York: Columbia University Press, 1923. – 257 p.

Об авторе

Турыгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия).

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Kostroma State University (Kostroma, Russia)

УДК 94(47).066.4+355.1

Цыбаков Д.Л., доктор политических наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОРЛОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА: НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ И КИНБУРНСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1787г.

В статье раскрываются факты и обстоятельства начального этапа русско-турецкой войны 1787-1792 гг., связанные с участием Орловского пехотного полка в обороне крепости Кинбурн в августе-октябре 1787 г. Автор анализирует событийный ряд военных действий в районе Кинбурнской косы против османских войск, и обобщает роль солдат и офицеров Орловского пехотного полка в отражении вражеской агрессии. На основе систематизации источников и исторической литературы обосновывается понятие «Кинбурнская оборонительная операция 23 августа-2 октября 1787 г.». Ключевое внимание уделяется вкладу подразделений и военнослужащих Орловского пехотного полка в разгром турецкого десанта в сражении при Кинбурне 1 октября 1787 г. Рассматриваются конкретные боевые эпизоды оборонительной операции, на основе чего уточняются действия командного и рядового состава на поле боя, дополняются сведения о понесенных потерях, и содержании списков тех, кто был награжден орденами и медалями Российской империи. Делается вывод о предпосылках и причинах победы русских войск при Кинбурне, которые связываются автором с высоким уровнем их боевой готовности, укомплектованностью кадрами из числа сословия однодворцев, и наличием профессионального командного состава в частях гарнизона крепости.

Ключевые слова: генерал-аншеф А.В.Суворов, Кинбурнская оборонительная операция, ландмилиция, обер-офицеры, однодворцы, Орловский пехотный полк, русско-турецкая война, штаб-офицеры

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-146-153

Воинские части, носившие наименование «Орловских» стали участниками ключевых событий отечественной военной истории XVIII-начала XIX столетий. Однако, конкретные обстоятельства и характер их боевой службы, до настоящего времени не привлекали к себе научного интереса со стороны исследователей. Ввиду этого крайне актуальным представляется обращение к исторической судьбе Орловского пехотного/мушкетерского полка первого формирования. Через призму осмысления его участия в военных кампаниях и походах возможно постижение многих общих закономерностей и тенденций развития российской армии, отечественного военного искусства, присущих героическому периоду XVIII столетия.

В исторической памяти нашего народа и научных работах в большей степени отразились деяния Орловского пехотного полка второго формирования – того, что был сформирован в 1811 г. П.Паскевичем в Киеве и позднее был известен в императорской армии как «36-й пехотный генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского Орловский полк». Именно он прославил русское оружие в наполеоновских войнах, при обороне Севастополя 1854-1855 гг. Особенно отличился 36-й пехотный Орловский полк в боях за Шипкинский перевал, где в лютую

зиму 1877-1878 гг. его воины плечом к плечу с Брянским пехотным полком отражали натиск османских войск.

Однако заметный след в военной истории нашего Отечества оставил и его предшественник - Орловский пехотный/мушкетерский полк первого формирования. Воинская часть с таким наименованием существовала с 1727 по 1810 гг. Затем он был преобразован в 41-й егерский, а в 1833 г, в период пребывания в составе Кавказского корпуса - в Мингрельский егерский полк. С 1856 г. и до 1918 г. он именовался «Мингрельским 16-м великого князя Димитрия Константиновича гренадерским полком». Таким образом, в русской армии в разное время существовали две воинские части с названием «Орловский полк». Причем исторической преемственности между ними не отмечено, ввиду чего боевой путь Орловского пехотного/мушкетерского полка первого формирования изучен гораздо в меньшей степени.

Его история начинается с 1727 г. года началось переименование конных полурегулярных частей ландмилиции: вместо фамилий своих командиров они с указанного времени стали называться в соответствии с административно-территориальными единицами, поставлявшими в ряды этих частей кадровый состав (помещики-однодворцы). Таким образом, в документах

начинает фигурировать «Орловский конный полк украинской ландмилиции», которая будучи набрана из бывших служилых людей черноземных уездов Великороссии, несла сторожевую службу на вновь учрежденной Украинской укрепленной линии. Однако ввиду своей весьма условной боевой готовности играли во время военных действий 1734-1739 гг. против Турции главным образом вспомогательную роль.

Современниками отмечался очевидный парадокс, когда командный состав корпуса ландмилиции, направляемый туда по остаточному принципу, не соответствовал по своим служебно-боевым качествам собственным подчиненным, высокая инициативу, ратный дух и выносливость которых неоднократно фиксируется в исторических свидетельствах. Например, в воспоминаниях Х.Манштейна, служившего адъютантом известного военачальника Б.-Х.Миниха, однодворцы характеризуются как «превосходнейшее войско России» [1, с.67.]. Показательно, что именно из этого сословия во многом комплектовались вновь учреждаемые элитные части - Измайловский гвардейский полк и тяжелая кирасирская кавалерия.

Судьбоносным временем для Орловского полка стали годы, предшествующие екатерининским войнам с Турцией. Благодаря инициативам наместника Малороссии генерал-аншефа Петра Румянцева была проведена реорганизация многочисленных иррегулярных формирований и «поселенных войск», в течение многих лет несших службу по южному порубежью. Еще до назначения Румянцева, в 1763 г. из двадцати полков ландмилиции был оставлен один конный полк, а остальные оказались переформированы в десять пеших частей, именуемых по названиям городов и уездов Центрального Черноземья. С началом русско-турецкой войны, 16 января 1769 г. части ополчения стали именоваться не «пешими», а «ландмилицкими пехотными», что свидетельствовало об их грядущем переходе в состав регулярных войск.

При этом ландмилицкая пехота продолжала пополняться почти исключительно помещиками-однодворцами и государственными крестьянами. Именно так, по свидетельству Г.Штрэндмана, в ту пору офицера Воронежского полка, обстояло дело в разгар первой «екатерининской» рус-

ско-турецкой войны [9, с.291]. Великоросский национальный состав и мелкопоместный социальный контингент Орловского полка сохраняется к началу второй войны с Турцией времен правления Екатерины II. Что доказывается содержанием донесений А.В.Суворова о боях в районе Кинбурна в августе – октябре 1787г. В реляциях полководца неоднократно упоминаются нижние чины, которые по своему происхождению относились к сословию однодворцев Центрального Черноземья [6, с.246].

После переформирования Орловский пехотный полк состоял из двух батальонов. Согласно штатам 1756 г. пехотным полкам полагалось четыре медных трехфунтовых орудия и восемь единиц мелкокалиберной артиллерии - так называемых «мортирок». Батальоны состояли из пяти мушкетерских и одной гренадерской роты. Во время военных действий 1768-1774 гг. и 1787-1791г.г. из состава пехотных частей выделялись гренадерские подразделения, которые сводились в отдельные батальоны, действовавшие в качестве самостоятельных боевых частей.

Боевым крещением для Орловского полка стала трехмесячные бои за османскую крепость Бендеры в 1770 г. За проявленные отличия военные части, укомплектованные однодворцами, с 1770 г. были приравнены в статусе к полкам линейной пехоты и избавились от титулования в качестве «ландмилицких». В дальнейшем Орловский пехотный полк действовал на дунайском театре войны, где в течение 1773-1774 гг. Первая русская армия пыталась блокировать и захватить турецкий оплот – крепость Силистрию. Мирное время для солдат и офицеров бывшей ландмилиции наступило только в 1779 г., поскольку после подписания мирного договора в Кючук-Кайнарджи Орловский полк участвовал в умиротворении автономных квазигосударственных образований на вновь обретенных территориях Российской империи. Весной 1774 г. орловцы сыграли решающую роль в разоружении Запорожской Сечи, вслед за чем в 1776-1779 гг. несли службу в Крымском ханстве, будучи привлечены к пресечению не менее трех мятежей против пророссийского правителя Шагин-Гирея.

Командование Кинбурнским оборонительным районом накануне войны 1787-

1791 г. было возложено на полкового командира орловцев - генерала Ивана фон Река, георгиевского кавалера, сподвижника А.В.Суворова по минувшей войне с Османской империей.

Штаб-офицерский состав полка был представлен подполковником Федором Марковым, подполковником Иваном Владимировым и премьер-майором Николаем Смородиным. После объявления Турцией войны России, с 22 августа 1787 г. командование всеми русскими войсками в районе Кинбурнской косы было возложено на генерал-аншефа А.В. Суворова.

Ход Кинбурнского сражения во всех подробностях разобран в исторической литературе. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть роль в нем Орловского пехотного полка, причем событийный ряд, по мнению автора, должен охватывать более широкие временные рамки. Представляется, что оправданным будет обращение к предшествующим бою за Кинбурн 1 октября столкновениям, бомбардировкам и стычкам, которые в совокупности со сражением за крепость могут быть обозначены как «Кинбурнская оборонительная операция 22 августа - 2 октября 1787 года». Ее начало предлагается связывать с нападением османского флота на русские корабли близ Очакова, экипажи которых были пополнены подразделениями Орловского пехотного полка. Датой окончания операции имеет смысл определить 2 октября, когда русские пресекли последние попытки турок эвакуировать остатки своего десанта с Кинбурнской косы.

Солдаты и офицеры Орловского полка первыми из всего отряда Суворова вступили в бой с неприятелем в 4 часа утра 22 августа 1787 г., находясь в качестве усиления фрегате «Скорый» и боте «Битюг», атакованных турецкой эскадрой близ Очакова. Абордажные команды орловцев возглавлялись капитаном Николаем Седовым, подпоручиком Онуфрием Андриевским и сержантом Федотом Ключниковым [6, с.246]. Потери русских составили трех человек павшими в бою.

Положение гарнизона Кинбурна стало угрожающим после сентябрьских штормов, выведших из строя Севастопольскую эскадру. При бездействии Днепровской/Лиманской флотилии турки после 8 сентября, трижды проводили бомбардировки крепости и высаживали на берег

партии разведчиков из изменников-запорожцев. Подчиненные И.фон Река все это время обновляли крепостные укрепления и совершенствовали навыки штыкового боя. Артиллерия Орловского полка к тому времени насчитывала 4 единицы: два восьмифунтовых орудия, один двенадцатифунтовый единорог и одна трехфунтовая пушка.

Кульминация военных действий наступила 30 сентября : отразив третью, самую мощную бомбардировку и отвлекающий десант противника, А.В.Суворов отдал приказ о выдвижении к Кинбурну подкреплений. Без учета этих сил у Суворова имелось 1700 штыков и сабель регулярных войск и около тысячи казаков. Силы противника насчитывали до 5000 человек, представленных «корабельными солдатами» османской эскадры и отрядом из состава очаковского гарнизона – «очаковской хоронги». Во главе десанта находился янычарский командир Сербен-Гешти-Эйбага, которому оказывали содействие несколько французских военных советников, проходящих в исторических документах в качестве «инженеров».

В день сражения 1 октября войска были построены в следующий боевой порядок : первую линию составляли подразделения Орловского и Шлиссельбургского полков – причем на самом острие атаки находились две роты орловцев. За ними помещались две роты шлиссельбургцев, которых поддерживали пять рот Орловского полка. Во вторую линию назначался совершавший марш Козловский полк, фланги прикрывались тремя полками донских казаков, мариупольскими и павлоградскими эскадронами легкой кавалерии. В резерве Суворов оставил четыре роты пехотинцев, из них одна – из Орловского полка. Ход решающего боя при Кинбурне достаточно подробно разобран в исторической научной литературе, ввиду чего не имеется необходимости подробно рассматривать его в настоящей работе.

Однако требуют уточнения важные аспекты участия в сражении воинов Орловского пехотного полка, внесшими весомый вклад в его победный итог.

По всей очевидности, тяжелые потери, и особенно- выход из строя грамотных и авторитетных среди солдат батальонных, а также ротных командиров, привели к серьезному подрыву боеготовности основной части Орловского пехотного полка.

Так, среди раненых во время двух первых атак на турецкие укрепления оказались генерал-майор Иван Рек, пораженный в обе ноги, секунд-майор Орловского полка Самуил Мунцель, а также батальонный командир Шлиссельбургского пехотного полка секунд-майор Иван Мамкин. Тяжелой утратой стала гибель секунд-майора орловцев Егора Булгакова, названного в донесениях Суворова «лучшим среди штаб-офицеров». Также по тяжелому увечью выбыл из строя и другой опытный офицер – Гаврила Былдин, характеризующийся русским командующим как «храбрый орловский поручик», «мой товарищ». Из младших командиров Орловского полка ранения получили сержанты Гаврила Козлов и Кондратий Рябов.

Что ставит под сомнение участие подразделений, которые в первой половине сражения атаковали вражеские позиции, в завершающем разгроме неприятеля. Прямым свидетельством в пользу выдвинутого предположения служит упоминание об этом самого А.В.Суворова. Показателен тот факт, что при последовавшем распределении денежных поощрений среди сражавшихся при Кинбурне гораздо большие суммы из солдат и офицеров Орловского полка получили именно те, кто действовал на поле боя после полудня 1 октября – в завершающем победном натиске. Так по четыре с лишним рубля получили все солдаты 9-й мушкетерской роты в количестве 111-ти человек и 12 полковых артиллеристов. Орловского полка, принимавшим участие в третьей атаке на неприятеля. Участники первой и второй фаз боя, то есть в событиях до ранения командира орловцев И.фон Река, и повторной неудачной атаки, получили вдвое меньше – 554 солдат и 5 канониров полковой артиллерии были поощрены суммой по два рубля каждому.

Потери русских в решающем сражении Кинбурнской оборонительной операции составляли 136 убитых и более 300 раненых. Около ста человек скончались от ран вскоре после окончания сражения. Учитывая легко раненных, которые могли оставаться в строю, отдельные источники упоминают о тысяче русских воинов, пострадавших в Кинбурнском сражении. На Орловский полк пришлось семьдесят девять человек павшими на поле боя и около пятидесяти раненых. Всего полк безвоз-

вратно потерял одного штаб-офицера – секунд-майора Егора Булгакова, пятерых унтер-офицеров. В рядовом составе полк лишился 72 воинов, а также одного барабанщика. Из-за полученных увечий из строя вышли двадцать пять человек. По состоянию на 1 марта 1788 г. в госпиталях продолжали находиться 14 человек продолжали находиться на излечении, включая поручика Гавриила Былдина.

После понесенных потерь ряды Орловского полка насчитывали в строю оставалось 783 солдат и младших командиров. Помимо семи сотен рядовых, в это число входили 38 унтер-офицеров и капралов, 17 артиллеристов, 18 музыкантов и барабанщиков, 6 нестроевых. Кадровый некомплект этой части оценивался командованием в 477 человек. Таким образом, более половины из всех павших в сражении солдат и командиров кинбурнского отряда приходится именно на Орловский пехотный полк.

Отметим, что неоднократно опубликованный список офицеров, удостоенных за сражение ордена Св. Георгия до настоящего времени породил ряд исторических недоразумений. Всего за сражение кавалерами этой награды стали шесть человек: командир Орловского пехотного полка генерал-майор Иван фон Рек и командир казачьего полка, подполковник Войска Донского и его будущий атаман Василий Орлов получили орден 3-й степени, подполковник Войска Донского Иван Исаев, секунд-майор Павлоградского легкоконного полка Даниил Шуханов, секунд-майор Муромского полка Иван Калантаев, лейтенант Черноморского флота Джулио де Ломбарди и подполковник Федор Марков были награждены 4-й степенью самой почетной военной награды. Вопросы вызывает служебная принадлежность последнего из награжденных.

Согласно списку награжденных, составленному в 1793 г. по реляциям главнокомандующих русскими армиями, Федор Марков прямо не упоминается как командир Козловского пехотного полка. В этом документе указывается, что он «предводительствовал» этой воинской частью [5, с.115]. В свою очередь, «Список воинскому регламенту...» относит Ф.Маркова к именно Орловскому полку, в рядах которого он числился с 1785 по 1788 гг. [3, с.101]. Кроме того, к этой же воинской части Ф.Маркова

причисляет в своих «Записках» Н.Я.Трегубов, ошибочно называя подполковника ее командиром [7, с.311-328]. Истина, согласно авторской позиции, состоит в том, что Федор Марков на момент сражения при Кинбурне официально оставался военнослужащим Орловского полка, но по решению высшего командования по какой-либо веской причине был откомандирован на должность командира другой воинской части.

Следует помнить, что Орловский и Козловский полки происходили из ландмилиции, и тесная связь между ними сохранялась и в рядах регулярной армии. Например, в первые годы войны 1768-1774 гг. эти части состояли в одной пехотной бригаде и плечом к плечу вынесли тяжесть боев за крепость Бендеры. Именно в Козловском полку в течение ряда лет нес службу будущий командир орловцев Иван Рек. Поэтому перевод на пост командира названной части офицера из именно Орловского полка имел под собой несомненную логику, продиктованную осведомленностью командного состава двух формирований о состоянии служебных дел друг у друга.

Отметим, что помимо ошибки с принадлежностью Ф.Маркова к Козловскому полку, которая возникла в документах в условиях военного времени и носила в целом объективный характер, добавляются и погрешности современных российских авторов. Так, в публикации 2005 г. при описании Кинбурнского боя подполковник Орловского полка Федор Иванович Марков произвольно заменен личностью Ираклия Ивановича Маркова [8, с.106.]. Отметим, что указанный в упомянутой работе офицер на самом деле именовался И.И.Морковым. Принадлежа к известной фамилии военных и дипломатов, Ираклий Морков действительно отличился в русско-турецких войнах, однако его награждение орденом св.Георгия 4-й степени произошло за взятие Очакова в 1788 г.; об участии будущего генерал-лейтенанта в деле при Кинбурне не упоминается ни в одном из документов или мемуарных источников того времени [2, с. 480-481].

Со своей стороны, подтверждая принадлежность Ф.И.Маркова к Орловскому полку, Н.Я.Трегубов начисто отрицает его заслуги в Кинбурнском сражении и само участие в нем [7, с.318]. Необходимо отметить, что упоминаемые нами «Записки» вообще весьма тенденциозны и переполнены

разного рода эскападами в адрес русского командования и особенно А.В.Суворова. При этом сам мемуарист в Кинбурнском деле непосредственно не участвовал, прибыв на поле боя в составе эскадрона Петербургского драгунского полка уже по окончании баталии. Принимая во внимание, общую моральную обстановку, которая царила в вышедших из сражения частях, очень трудно представить себе, чтобы к высшей государственной награде был представлен человек, совсем не побывавший в тот день в боевой обстановке. Тем более трудно предположить, как такие требовательные командиры, как А.В.Суворов или И.Г.фон Рек, и сами получившие тяжелые ранения, допустили, чтобы, кто-нибудь из их подчиненных уклонился в тот день от исполнения воинского долга и был бы еще награжден за фактическое дезертирство.

Помимо чего, среди вновь обретенных георгиевских кавалеров находились заслуженные боевые офицеры, из которых капитан Иван Калантаев и подполковник Иван Исаев были ранены в гуще сражения. Все они могли позволить себе иметь собственное мнение, высказанное публично, относительно гипотетического несправедливого представления кого-либо к высшей воинской награде.

Не только Федор Марков, дослужившийся впоследствии до генерал-майора, но и другие командиры Орловского полка получили после победы при Кинбурне повышение по службе. При этом получение чинов во внеочередном порядке не означало синхронного перевода на более высокую должность.

За проявленную отвагу были удостоены более высоких воинских званий — подпоручика и прапорщика были удостоены и состоявшие в бою при А.Суворова Федот Ключников и Аким Лисицын. Также подпоручиком стал отличившийся в сражении прапорщик орловцев Лев Федоров.

Многие его офицеры и солдаты отметились участием в победных сражениях войны с Турцией, будучи переведены в другие части. С отмеченным обстоятельством следует связывать последовавшее обновление командного состава Орловского полка. В 1789 г. чин полковника в Орловском полку носил Михаил Гедеонов. Со званием подполковника в полку числилось два офицера — получивший повышение Н. Смородин и сверхкомплектный И.Владимиров. В

часть был переведен премьер-майор Василий Барыков, секунд-майорское звание носил Степан Пламенков [4, с. 148].

В качестве заключения отметим, что боевой ресурс Орловского пехотного полка первого формирования был использован русским командованием на всем протяжении Кинбурнской оборонительной операции. Именно орловцы первыми из русской армии вступили в бой с неприятелем в морском бою близ Очакова 21 августа 1787 г. Для военного искусства Нового времени было обычным направление пехотных подразделений для усиления команд боевых кораблей. Так, одну из первых побед на море Петр Великий совершил во главе нескольких посаженных на лодки рот лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, которые под его началом взяли на абордаж шведские корабли «Гедан» и «Астрильд» в устье Невы 7(18) мая 1703 г.

Во время русско-турецких войн широко практиковался перевод во флотское подчинение мушкетерских и гренадерских рот и батальонов. Части регулярной морской пехоты - морские стрелки, имелись к тому времени весьма в ограниченном количестве, преимущественно на Балтике. В войну 1787-1791 гг. особенно часто воины-пехотинцы сухопутных войск использовались на гребных кораблях Херсонской (Днепровской) флотилии. Так, практически весь экипаж галеры «Десна», прославившейся в сражении при Кинбурне, состоял из солдат Тамбовского пехотного полка. Поэтому вполне оправданным выглядит отправка солдат роты Орловского пехотного полка во главе с капитаном Седовым в качестве абордажных партий на усиление команд фрегата «Скорый» и бота «Битюг», на борту которых они и вступили в морской бой с турецким флотом сразу после объявления войны в августе 1787 г.

В решающем сражении на Кинбурнской косе 1 октября семь рот Орловского полка составили большую часть первой линии отряда Суворова, причем две из них находились на острие атаки, в авангарде русского войска непосредственно столкнувшись с турецким десантом. Полковые офицеры фактически руководили всем ходом операции — в начале кампании капитан Н.Седов командовал абордажной командой фрегата «Скорый», генерал-майор И.фон Рек действовал в качестве начальника всего Кинбурнского боевого участка, а подполковник Ф.Марков был направлен в Козловский пехотный полк, во главе которого и принял участие в решающем сражении. И в дальнейшем боевой путь Орловского полка был связан с военным гением Александра Суворова, в составе армии которого он прошел Швейцарский поход 1799 г.

Высокие боевые качества этого формирования, проявленные в Кинбурнской оборонительной операции 1787 г. и в других военных кампаниях второй половины XVIII столетия, могут объясняться сохранением ратных традиций среди помещиков-однодворцев, из которых комплектовались полки бывшей ландмилиции, а также достойным уровнем профессионализма командного состава регулярной пехоты. Именно строевые офицеры под началом таких полководцев, как П.А.Румянцев, П.И.Панин, А.В.Суворов, которым в разное время подчинялся Орловский полк в период «екатерининских войн» с Турцией, обеспечили тактическую выучку и воинскую дисциплину среди своих подчиненных. После преобразования в 1810 г. в 41-й егерский полк эта воинская часть отличилась в наполеоновских войнах, а далее под наименованием Мингрельского егерского и Мингрельского гренадерского полков участвовала во всех войнах России XIX столетия на кавказском театре и в сражениях Первой мировой войны.

Список литературы

1. Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727-1764. СПб.: Тип. С.В.Балашова. 1875. — 399 с.
2. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Сборник. Т. VII. М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. С. 288 — 645.
3. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам..на 1788 г. СПб: при Государственной Военной коллегии, 1788. — 254 с.
4. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам... на 1789

год. СПб: При Государственной Военной Коллегии, 1789. – 332 с.

5. Список, сочиненный из реляций главнокомандовавших армиями во время последней турецкой войны о чинах, отличившихся в течение оной разными деяниями, с показанием подвигов каждого и какое кто получил награждение. // Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1982. – 288 с.

6. Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М.: Воениздат, 1990. – 478 с.

7. Трегубов Н.Я. Дела давно минувших лет. Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова. // Русская старина. 1908. Том 136. Книга 11. С. 311 – 328.

8. Шишов А.В. Генералиссимус великой империи. Новое прочтение биографии. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 477 с.

9. Штрандаман Г. Записки Густава фон Штрандмана 1742-1803. // Русская Старина. 1882. Т. 34. №5. С. 303-606.

PROBLEMATIC ISSUES OF THE PARTICIPATION OF THE OREL INFANTRY REGIMENT IN THE KINBURN DEFENSIVE OPERATION OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1789-1791.

The article reveals the facts and circumstances of the initial stage of the Russian-Turkish war of 1787-1792, associated with the participation of the Orel Infantry Regiment in the defense of the Kinburn fortress in August-September 1787. The author analyzes the event series of military operations in the area of the Kinburn Spit of the Ottoman troops, and summarizes the role of soldiers and officers of the Orel Infantry Regiment in repelling enemy aggression. Based on the systematization of sources and historical literature, the concept of the "Kinburn defensive operation of August 23-October 2, 1787" is substantiated. The key attention is paid to the contribution of units and military personnel of the Oryol Infantry Regiment to the defeat of the Turkish landing in the Battle of Kinburn on October 1, 1787. Specific combat episodes of the defensive operation are considered, on the basis of which the actions of the command and enlisted personnel on the battlefield are clarified, information about the losses incurred and the contents of the lists of those who were awarded orders and medals of the Russian Empire are supplemented. The conclusion is made about the prerequisites and reasons for the victory of the Russian troops at Kinburn, which are associated by the author with the high level of their combat readiness, staffing from among the estate of *odnovorets*, and the presence of professional command staff in the parts of the garrison of the fortress.

Keywords: General-in-chief A.V.Suvorov, Kinburn defensive operation, land militia, chief officers, *odnovorets*, Oryol Infantry regiment, Russian-Turkish war, staff officers

References

1. Manshtejn, H.G. (1875). *Zapiski Manshtejna o Rossii. 1727-1764* [Manstein's notes on Russia. 1727-1764. SPb.:Tip.S.V.Balashova. 399 s.

2. *Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh dejstvij protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg.* (1996). [Dictionary of Russian generals, participants in the hostilities against the army of Napoleon Bonaparte in 1812-1815]. // *Rossijskij arhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.* [Russian Archive. The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries] : Sbornik. T. VII. M.: studiya «TRITE» N. Mihalkova. S. 288 – 645.

3. *Spisok Voinskomu departamentu i nahodyashchimsya v shtate pri vojske, v polkah, gvardii, v artillerii i pri drugih dolzhnostyah generalitetu i shtab-oficeram..na 1788 g.* (1788). [A list to the Military Department and to the generals and staff officers who are on staff with the army, regiments, guards, artillery and other positions..on 1788]. SPb: pri Gosudarstvennoj VoЕННОj Kollegii. 254 s.

4. *Spisok Voinskomu departamentu i nahodyashchimsya v shtate pri vojske, v polkah, gvardii, v artillerii i pri drugih dolzhnostyah generalitetu i shtab-oficeram... na 1789 god.* (1789). [A list of the Military Department and the generals and staff officers who are on staff with the army, regiments, guards, artillery and other positions... for the year 1789]. SPb: Pri Gosudarstvennoj VoЕННОj Kollegii. 332 s.

5. *Spisok, sochinennyj iz relyacij glavnokomandovavshih armiyami vo vremya poslednej turckoj vojny o chinah, otlichivshihhsya v techenie onoj raznymi deyaniyami, s pokazaniem podvigo kazhdago i kakoe kto poluchil nagrazhdenie.* (1982). [A list composed from the reports of the commanders-in-chief of the armies during the last Turkish war about the ranks who distinguished themselves during this by various deeds, with an indication of the exploits of each and which who received the award]. // *Bazhova A.P. Russko-yugoslavyanskije otnosheniya vo vtoroj polovine XVIII v.* [Bazhova A.P. Russian-Yugoslav relations in the second half of the XVIII century]. Moskva: Nauka. – 288 s.

6. Suvorov A.V. (1990). *Pohody i srazheniya v pis'mah i zapiskah*. [Campaigns and battles in letters and notes]. Moskva: Voenizdat. 478 s.
7. Tregubov N.YA. (1908). *Dela davno minuvshih let. Zapiski senatora Nikolaya Yakovlevicha Tregubova*. [The affairs of bygone years. Notes of Senator Nikolai Yakovlevich Tregubov]. // *Russkaya starina*. [Russian antiquity]. Т. 34. №5. S. 311 – 328.
8. SHishov A.V. (2005). *Generalissimus velikoj imperii. Novoe prochtenie biografii*. [Generalissimo of the great Empire. A new reading of the biography]. Moskva: OLMA PRESS. 477 s.
9. SHtrandaman G. (1882). *Zapiski Gustava fon SHtrandmana 1742-1803*. [Notes of Gustav von Strandmann 1742-1803]. // *Russkaya Starina*. [Russian Antiquity]. Т. 34. №5. S. 303-606.

Об авторе

Цыбаков Дмитрий Леонидович - доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия), E-mail: d413839@yandex.ru

Tsybakov Dmitry Leonidovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russia), E-mail: d413839@yandex.ru

УДК 94(47)(470.56)

Чекед Р.С., кандидат исторических наук, Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия)

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, Курское отделение Российского общества историков архивистов (Россия)

РАССЕЛЕНИЕ ОДНОДВОРЦЕВ В УЕЗДЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЮЖНЕЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

На основе различных архивных и нарративных источников авторы аналитически сопоставляют особенности освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты. Исследователи выбрали Павловский и Бобровский уезды Воронежской губернии, на территории которых, в XVIII в. они систематизировали все разновидности переселений. В ходе сравнительного анализа авторы обнаружили различия в освоении изучаемой местности. Например, влияние земляческого принципа в переселениях на территории Павловского уезда. В целом же между означенными округами прослеживалось больше общих черт. Авторы установили, что идентичная речная система и география расположения изучаемых уездов обуславливала одинаковое влияние процессов препятствующих этой территории в становлении традиционными местами обитания однодворцев. Между исчезновением опасности от кочевников и активной помещичьей колонизацией у потомков служилых людей имелось временное окно всего в пол века для освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты. Ещё данному процессу препятствовали прекращение покровительства со стороны правительства в освоении ЦЧ и сильная эксплуатация однодворцев на Украинской линии, вызывавшая их массовое бегство. Всё это происходило на фоне душевого владения землёй однодворцев на изучаемой местности, которое значительно сужало их ареал расселения, при этом улучшая его качество. К тому же было выявлено, что период добровольной активной фазы расселений связан с периодом созревания переселенческих очагов в освоенных ранее местностях. В изучаемом же авторами временном промежутке ещё повсеместно не прослеживалась зрелость этих очагов. Дальнейшая активная фаза помещичьей колонизации с сер. XVIII в. окончательно предопределила социальный облик изучаемой территории не в пользу потомков служилых людей. В итоге авторы заключают, что традиционные места обитания однодворцев формировались благодаря длительному периоду благоприятных условий для освоения пространства служилыми людьми и их потомками.

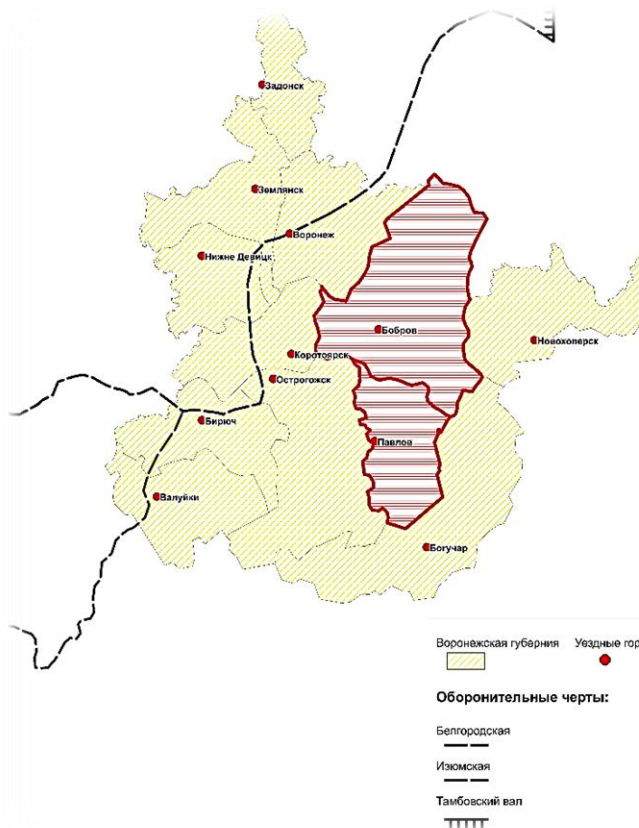
Ключевые слова: военнослужащие, однодворцы, мелкие землевладельцы, поселенцы, уезд, Центрально-Черноземный регион.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-154-164

На наш взгляд, более всего с Белгородской чертой в ЦЧ связаны 4 губернии (Курская, Воронежская, Тамбовская и Орловская). Согласно указанным географическим рамкам, типы переселений в данном крае делятся на три вида: расселения, выселения и заселения. Расселение — это распространение однодворцев по упомянутым нами 4 губерниям ЦЧ. Заселение и выселение выходят из ареала этой местности, распределяясь по критериям прибыли и убыли однодворцев путём переселений. В свою очередь, каждый тип упомянутых переселений тоже подразделяется на составляющие по географическому признаку. Например, расселение бывает между изучаемыми нами регионами ЦЧ, уездами одной из указанных губерний и селениями одного уезда. Подобным образом подразделяются заселения и выселения.

Очень показательны все типы расселений будут наблюдаться в уездах, расположенных южнее Белгородской черты. Это вызвано тем, что означенный процесс мас-

сово происходил с нач. XVIII в., когда северные территории уже были более или менее освоены, откуда и протекал сам процесс расселения. В выбранных нами губерниях ЦЧ имеются только 6 уездов, которые сплошь расположены южнее Белгородской черты. Два из них находятся в Тамбовской губ., а остальные — в Воронежской. По свидетельству специалиста по сельскому хозяйству Н.Л. Рубинштейна, подобные территории в ЦЧ позже всех остальных подверглись экономическому освоению, завершающемуся, особенно в её южных частях, лишь на протяжении XIX века [35, с. 227–228]. В связи с этим цель данного исследования состоит в аналитическом сравнении особенностей расселения в двух уездах Воронежской губ. размещающихся южнее Белгородской черты: Бобровском и Павловском. Исследуемая территория представлена на следующей карте.

Рис. 1. Расположение Белгородской черты по отношению к Бобровскому и Павловскому у. Воронежской губ. в территориально-административных границах XIX века¹.

Обратим внимание ещё на то, что в данном исследовании мы применили методологию сопоставления территориально-административного деления кон. XVII с XIX веком.

Теперь обратимся к историографии изучаемого вопроса. Из дореволюционных исследователей наиболее подробно уделил внимание заселению Битюцкого, Икорецкого и Осередского уожьев служилыми людьми Д.И. Багалей [1, с. 104–140]. В знаменитом труде М.А. Германова зафиксировано всего 7 случаев переселения однодворцев в изучаемую нами местность [7, с. 183–327]. В своём добротном исследовании, не больше материала нам предоставил Д.К. Зеленин [9]. Косвенно изучаемого нами вопроса касались Ф.А. Щербина и Н.А. Попова [39, с. 465–481; 34, с. 281–330].

В советский период некоторые частные случаи подвижности однодворцев в означенную местность были упомянуты в исследованиях П.М. Проторчиной и Л.Н.

Чижиковой [33, с. 35–49; 38]. По инициативе В.П. Загоровского теме заселения Воронежского края был посвящён целый сборник статей, в котором отметим пространное исследование упомянутого автора [28; 8, с. 3–23]. Отдельно нужно выделить В.И. Панову, подготовившую хорошую диссертацию и ряд статей, где упоминается изучаемая нами тематика [32; 31, с. 68–76].

В постсоветский период были написаны диссертационные исследования Д.В. Василенко и О.В. Василенко [4; 5]. И если последняя освещает другие географические рамки, то первый из них написал работу имеющую для нас наибольшую научную ценность, среди всех озвученных выше трудов. Географии заселения пространства справа от Дона и Белгородской черты служилыми людьми и их потомками, особенностям и периодизации этого процесса Д.В. Василенко уделил целый параграф. Отметим, ещё статьи О.Ю. Титовой и других авторов, частично упоминающих о заселении Бобровского и Павловского уездов [37, с. 6–14; 36]. Общая переселенческая траектория однодворцев вместе с особенностями их подвижности исследованы ещё лучше. Особенно нужно выделить труды М.А. Германова, Д.И. Багалей, И.Н. Миклашевского, Н.А. Благовещенского, Д.К. Зеленина, Л.Н. Чижиковой, В.М. Важинского и В.П. Загоровского и некоторых других исследователей [7; с. 183–327; 1; 30; 3; 9; 38; 6; 8, с. 3–23].

Уникальность данной статьи состоит в своеобразном аналитическом сопоставлении опубликованных материалов, нетрадиционных для аналогичных исследований. Вместе с тем авторы привлекли значительный массив неопубликованных ранее источников, в основном раскрывающих вопрос подселений однодворцев в изучаемую местность, особенно между 1762–1795 годами. Означенный процесс исследователи оригинально вписали в канву общего исторического движения населения в ЦЧ, что является очередной особенностью настоящей статьи. К тому же её выводы имеют неоспоримую научную новизну.

Итак, начнём с Бобровского уезда. Нужно отметить, что эта округа не являлся традиционным однодворческим местом обитания, т.к. в 1795 г. представители этого сословия там составляли 24,8 % от всего

¹ Карту составил Кудланов Д.Б., студент 2 курса Естественно-Географического факультета Курского государственного университета. Выражаем ему глубокую благодарность!

населения в уезде [38, с. 27–28]. Сначала Бобров был селом дворцовой волости, в 1711 г. его сделали городом, затем снова обратили в село, а в 1779 г. повторно сделали городом [34, с. 283]. Однако, всё же передовым колонизирующим элементом там традиционно были военно-служилые люди (дети боярские, казаки, стрельцы, пушкарки, затинщики, воротники, копейщики, рейтары и др.), которые на постоянной основе начали заселять Бобровский у. в конце XVII века [39, с. 408]. По мнению, специалиста в области подвижности однодворцев, М.А. Германова – эти потомки служилых людей в Бобровский у. в основном расселялись как из западных уездов Воронежской же губ. (Воронежского, Землянского и Коротоякского), так и из уездов соседних губерний ЦЧ (Елецкого, Козловского и Усманского) [7, с. 310]. Начиная с 1686 по 1730 гг. по притокам рек Икорца и Битюга они основали до 15 селений. Особенность бобровских однодворцев состояла в ограниченности их ареала расселения по уезду. Те, кто приходил в эту местность после 1730 г. не основывали новых сёл, а подселялись в прежние [7, с. 309], по причине общинного владения землёй последних [7, с. 310]. Это обстоятельство свидетельствует о том, что данные сельские очаги тогда не были ещё достаточно заполнены, по причине незначительного переселенческого потока в них. На наш взгляд, это было вызвано тем, что к тому времени в традиционных местах обитания воронежских однодворцев имелось ещё много неосвоенных земельных пространств. Если же там и появлялись излишки, то их подвергали службе и натуральным повинностям на Украинской линии, а иногда и совсем выселениям туда [29, с. 21]. Другая же часть активного однодворческого населения, в противовес этим повинностям, самовольно бежала подальше от своих мест обитания [3, с. 327].

Таким образом, до сер. XVIII в. бобровские однодворцы не расселялись по имеющемуся свободному земельному фонду уезда по внутренним причинам. Когда же сельские очаги расселения начали созреть и высылать мало-помалу однодворцев по близлежащим деревням и хуторам [7, с. 309], тогда их движению начала препятствовать внешняя причина активной помещичьей колонизации. С середины XVIII в. многие земли Бобровского у. по

течению рек Дона, Осередь, Казинки, принадлежавшие однодворцам, начали захватывать крупные помещики Трубецкой, Воронцов, Сафонов и другие [38, с. 18–21]. Возможности для расселения однодворческого населения были совершенно пресечены около 1764 – 1770 гг., когда не только вся земля, остававшаяся ещё пустопорожнею, но и многие удельные села, вместе с их землями, были записаны за помещиками Орловым-Чесменским, Безбородко и другими [7, с. 310].

Несмотря на малую численность бобровских однодворцев, в их среде мы встречаем не только все разновидности расселений, но и заселения и выселения. Так, на примере подвижности селений Гнилуши, Матренки и Ертиля, мы наблюдаем сразу три подвида расселений. Эти села возникли ранее прочих не позднее начала XVIII века. Известно, что Ертиль и Матренка были основаны выходцами преимущественно из Орловской губ. Елецкого у.; Тамбовской губ. Лебедянского у. и из сёл Усманского у.: Демшина, Поддубравок, Сторожевого, а также из своей же Воронежской губ. Воронежского у. и из сёл Задонского у.: Старого-Дубового, Вербилова и других [7, с. 313]. В свою очередь, избыток однодворческого населения из с. Ертиля уже около 1740 г. начал выходить в новообразованную д. Ечейку расположенную в 7 км от него [7, с. 313].

Не менее разнообразным было движение однодворцев в с. Верхние-Острожки (Козловка). Оно было образовано в нач. XVIII века. До 1783 г. это село в территориально-административном делении принадлежало к г. Козлову и было населено однодворцами, вышедшими из уезда одноимённому городу, преимущественно из с. Чурукина [7, с. 314]. Наличие выселения и заселения однодворцев этого села подтверждаются следующим случаем. Так, в 1788 г. из Молдавии вернулся в то селение С. Козлов, которого вновь причислили туда в подушный однодворческий оклад [11, л. 195]. Помимо всего, это село являлось очагом расселения по уезду. После 1810 г. часть однодворцев Козловки основали, недалеко от своего прежнего места жительства, д. Озерки. Кстати, последняя деревня после 1849 г. стала селом [7, с. 315].

Частные случаи подвижности однодворцев были зафиксированы нами в следу-

ющих селениях. Так, однодворцы с. Мечетка вышли из Приваловки и Икорцев Землянского уезда [7, с. 315–316]. В с. Коршево, после 1-й ревизии к дворцовым крестьянам подселили потомков служилых людей из Орловского уезда [33, с. 45]. Подобным образом однодворцев подсаляли к дворцовым крестьянам и в селах Старая Тойда и Старая Чигла [37, с. 11]. В последнее село впоследствии неоднократно записывали новоприбывших из дальних местностей. Так, в 1745 г. это был вышедший из Молдавии беглый солдат Архангельского полка И. Попов [27, л. 347], а в 1784 г. переселившиеся из Польши старообрядцы М. Морозов и Г. Головкин [12, с. 254].

Подводя итог, по географии притока в Бобровский уезд, отметим, что он располагался по течению рек Дона, Битюге, Осередь, Икорце и Казинки. Эта территория не являлась традиционным местом обитания однодворцев, т.к. там мы обнаружили около 24 селений, где они проживали. По причине того, что Бобровский у. располагался южнее Белгородской черты, системное освоение этой местности началось в кон. XVII и продолжалось весь XVIII век. Из-за этого в переселенческом процессе Бобровского у. доминируют все виды расселений, а к известным нам заселениям можем только отнести одного беглого солдата, возвратившегося из Молдавии. Между изучаемыми нами губерниями ЦЧ основной поток расселения двигался из Орловской губ. Елецкого и Орловского уездов, а также Тамбовской губ. Лебедянского у., из сёл Усманского у. (Демшина, Поддубравок, Сторожевого) и сел Козловского у. (преимущественно из с. Чурукина). Из Воронежской губ. расселение однодворцев протекало из Воронежского у., из сёл Задонского у. (Старого-Дубового, Вербилова и др.), а также из сел Землянского у. (Приваловки и Икорцев). Масштабы расселения внутри Бобровского у. не были значительными и распространялись лишь на деревни Ечейка и Озерки.

Теперь перейдём к изучению расселений в Павловском уезде. Заселение этой местности в значительной степени связано с развитием в Воронежском крае с конца XVII в. судостроения по рекам Битюг, Осеред и левобережью Дона [38, с. 20]. Сам же Павловск был основан только в 1709 году [34, с. 283]. Так же, как и Бобровский у.,

Павловский не являлся традиционным местом обитания однодворцев, т.к. располагался за Белгородской чертой. По свидетельству Т.М. Проторчиной в 1718 г. однодворцев на территории Павловского у. не наблюдалось [33, с. 45]. Все они там появились впоследствии и уже в 1795 г. потомков служилых людей, по сравнению с другими сословиями там насчитывалось 38,9 % [38, с. 27–28]. По замечаниям знатока однодворческих говоров Д.К. Зеленина, основной поток потомков служилых людей в Павловский у. пришёл из Рязанской и Орловской губерний [9, с. 112]. Историк-этнограф д.и.н. Л.Н. Чижикова уточняет, что места выхода в означенных регионах были Данков и Кромы, а также добавляет ещё Воронежский у. и некоторые местности Тамбовской губернии [38, с. 21]. Однако, нам удалось обнаружить дополнительные очаги расселения для Павловского уезда.

По свидетельству М.А. Германова с. Верхний Мамон было населено после 1720 г., в том числе однодворцами из Кром и Данкова [7, с. 319]. Однако, основной зафиксированный нами переселенческий поток из этой местности протекал во второй пол. XVIII века. Земляческий признак в заселении указанного села прослеживается неоднократно. Например, в июне 1782 г. однодворцы С. Кузмищев и М. Фалев из Данковской округи переселились в то же место, куда их земляки сошли почти 60 лет назад [20, л. 15]. С аналогичной ситуацией только из Орловского наместничества мы сталкиваемся в октябре 1782 г. с однодворцем И. Анпиловым [21, л. 392–393]. В с. Нижний Мамон в мае 1782 г. был зафиксирован потомок служилого человека В. Голова переселившийся из с. Истобного Раненбургской округи [15, л. 27]. Таким образом, этим селения свойственны идентичные места выходов, повторяющиеся на протяжении длительного времени.

Хотя с. Шестаково было основано ещё в нач. XVIII в. [7, с. 319], нам удалось обнаружить места выхода только её последующих подселенцев. Так, в мае 1782 г. однодворец И. Салков из с. Богородицкого Нижнедевицкой округи переселился в с. Шестаково Павловской округи [16, л. 21]. Туда же в мае 1782 г. переселился однодворец П. Попов из г. Гвазды Тамбовского нам. [17, л. 14], а в июне 1782 г. подселена ещё одна семья тамбовских однодвор-

цев [19, л. 110]. Кстати, в 1783 г. город Гвазды с его округой (села Клеповка и Пузево, а также д. Чернавка) за отдалённостью от Тамбова были переданы в Воронежскую губернию [36].

Аналогичное положение дел прослеживалось в с. Гороховка, населённой не позднее 1710 года [7, с. 318]. Известно, что туда в апреле 1782 г. были причислены однодворцы Рудаковы из с. Котова Старооскольской о. [13, л. 47–48], а уже в мае 1782 г. потомки служилых людей Сафроновы из д. Яшной Орловского наместничества [14, л. 113].

Относительно д. Осетровки возникшей в сер. XVIII в. [7, с. 319] известно, что она сформировывалась из разнообразных однодворческих групп. Одну соборную, пришедшую из Курского и Орловского наместничеств перевели в подушный однодворческий оклад той деревни в октябре 1782 г. [22, л. 193–193об.], вторую же – в октябре 1785 г., сформированную из выходцев разных сёл Курского наместничества [24, л. 14].

Село Гнилуша возникло во втор. пол. XVIII века [7, с. 320]. Известно, что туда причислили в декабре 1783 г. однодворца Ф. Филипкова вышедшего из Курского наместничества [10, л. 5]. К этому времени указанный выше сельский очаг настолько окреп, что смог высылать своих представителей в другие селения вниз по течению р. Гнилуши. Один такой случай был зафиксирован в августе 1792 г., когда однодворец И. Костин сошёл от туда в д. Журавку [26, л. 11].

Помимо этого, в архивных фондах нам удалось обнаружить ещё несколько частных случаев расселения в Павловский у. как из соседних уездов, так и из губерний. Первую разновидность расселений мы встретили в с. Ерышевке, когда туда в апреле 1783 г. были причислены П. Сарычев, Ф. Подосинников и другие однодворцы вышедшие из с. Радчины Воронежской округи [23, л. 13]. Помимо этого, встречалось нам и расселения четвертных крестьян из Курского наместничества. Так, в мае 1782 г. однодворец И. Толмачев из Курской округи переселился в с. Буйлово [18, л. 21]. А в 1785 г. к с. Пузеву были приписаны Я. Якушев с семьёй вышедший из дер. Горещуковой Рыльского у. из-за неимения земли [25, л. 537–538]. Кстати, последнее обстоятельство было самым рас-

пространённым объяснением среди потомков служилых людей ЦЧ, указывающих причину своего переселения.

Таким образом, основной поток подселений однодворцев в Павловский у. протекал во второй пол. XVIII века. Большая часть была нами зафиксирована между 1762 и 1782 гг., но нередки были пришедшие и между 1782 и 1795 годами. Всех этих подселенцев причислили в подушный однодворческий оклад тех мест, куда они водворились. Чёткое прикрепление к этим годам вызвано тем, что все поселившиеся в селениях лица записывались в однодворческое общество не сразу, а лишь в период ревизий. Переселялись же они на территорию уезда в разное время. Нужно ещё заметить, что не все желающие были приняты в сельские общества однодворцев.

Подводя итог по данному уезду, отметим следующее. На территории Павловского у. протекали реки Битюг, Осеред и левобережье Дона. Как и Бобровский у. эта территория размещалась южнее Белгородской черты, поэтому не являлась традиционным местом обитания однодворцев. Там мы встретили около 16 селений, где они проживали [7, с. 312–322]. География заселения Павловского у. имела малый радиус губерний ЦЧ. Если быть точнее, то она протекала из Рязанской губ. Данкова и его уезда, а также селений Ранербургского у. (с. Истобного и др.). Широта географии расселения между губерниями ЦЧ была масштабна. Она вытекала из некоторых местностей Тамбовской и Орловской губ., в последней из Кромского у. и Малоархангельского у. (д. Ясной Поляны), а также разных селений Курской губ., в том числе из одноимённой губернии уезда, Старооскольского у. (с. Котова и др.) и Рыльского у. (дер. Горещуковой). Расселение внутри Воронежской губ. протекало из Нижнедевицкого у. (с. Богородицкого и др.) и Воронежского у. (с. Радчины и др.). Масштабы расселения внутри Павловского у. не были значительными и распространялись лишь на с. Шестаково и д. Журавки.

Особенность Павловского у. состояла в следующем. Во-первых, во время территориально-административных преобразований часть селений из Гваздинской округи Тамбовского нам., имевших свою особенную географию притока, были присоединены к Павловскому уезду. Во-вторых, в притоке на изучаемую территорию

имел влияние земляческий принцип. Следовательно, выходцы из старых переселенческих очагов в местах водворения поддерживали связь со своей метрополией. В-третьих, наличие выходцев из Курской губ. являлось особенностью Павловского у., что, кстати, не прослеживалось в соседнем Бобровском уезде.

Все виды переселений в изучаемых нами уездах имели свою очерёдность и ограничивались различными временно-пространственными факторами. Идентичная речная система и география расположения изучаемых нами уездов обуславливала одинаковое влияние на них процессов, препятствующих этому пространству в становлении, как традиционного места обитания однодворцев. К препятствующим факторам нужно отнести общинное владение землёй у потомков служилых людей исследуемой нами территории, частичная зрелость переселенческих очагов в ЦЧ, а также формирование мест обитания соседних сословий и этносов, в том числе первоначальный фактор опасности от крымских татар и ногаев. Перечислим всё озвученное более подробно.

Так, М.А. Германов заметил, что бобровские однодворцы по причине общинного владения землёй после 1730 г. в основном не основывали новых сёл, а подселялись в старые [7, с. 309]. Из этого можно заключить, что общинное владение землёй ограничивало расселения однодворцев по изученным нами уездам. И действительно, после Петровских реформ душевая форма владения землёй начинает вытеснять традиционную для однодворцев – четвертную. Последняя имела индивидуальный родовой характер, а первая – общинный [3, с. 172]. При душевом владении однодворцу, при окружавшем его многоземельи, не нужно было заботиться о том, где будут жить его потомки, т.к. это входило в компетенции общины. Четвертное же владение раньше душевого открывало перспективу малоземелья для потомков однодворца. Из-за этого среди них был распространён как официальный прииск, так и захваты свободных земель. Частые расселения однодворцев для земельного стяжания, какие мы видим в XVII в. на территории будущего Фатежского у. Курской губ. [3, с. 314–317] в Бобровском уезде не наблюдались. Как следствие, на осваиваемой местности прослеживались крупные душевые

селения и ограниченная распространённость однодворцев. Маленькие четвертные населённые пункты на территориях, расположенных южнее Белгородской черты, были уже не актуальны. Время упразднило политику заказных городов [6, с. 171], распространяло масштабы земельных пожалований вельможам и обычным дворянам [2, с. 75]. В условиях внутренней конкуренции четвертники-одиночки были более уязвимы к захватам земли от помещиков, нежели душевые владельцы. К тому же крупная община проще осваивала новую территорию. Следовательно, душевое владение землёй значительно сужало ареал расселения по осваиваемой местности, но улучшало его качество. Четвертное же владение расширяло ареал расселения, представляло перспективу для заполнения пустых четвертных земель с помощью последующего высокого естественного прироста, но было малоэффективным без правовой поддержки государства.

Значительное место в освоении этого пространства занимали расселения из изучаемых нами губерний ЦЧ. Таким образом, в некоторых местностях, осваиваемых с кон. XVI в. и даже ранее, созрела очередная партия переселенцев, от их высокого естественного прироста и следовавшего за ним малоземелья. Следовательно, главной категорией переселенцев в процессе расселения являлись малоземельные или недовольные однодворцы, распространявшиеся по близлежащей местности в поисках лучшей доли для себя и своих потомков. Из этого нужно заключить, что период добровольной активной фазы расселений связан с временем созревания переселенческих очагов в освоенных ранее местностях.

Однако судя по малым объемам расселений в уезды, расположенные южнее Белгородской черты, можно заключить, что данный процесс созревания переселенческих очагов не был тогда ещё повсеместным в ЦЧ. И действительно до сер. XVIII в. однодворцы мало расселялись по свободному имеющемуся земельному фонду Бобровского и Павловского уездов по причинам незначительного количества притока новых переселенцев. Видимо, к тому времени запасы свободной земли в традиционных местах обитания однодворцев были ещё достаточными. К тому же конкурентом различного вида расселений в ЦЧ являлись массовые выселения однодворцев

на Украинскую линию [29, с. 25] как временно для службы и натуральных повинностей, так и на постоянной основе. Другая же часть активного однодворческого населения, в противовес этим повинностям, самовольно бежала подальше от своих мест обитания [3, с. 309]. Когда же уровень расселения стал повышаться благодаря созреванию переселенческих очагов, тогда их движению начали сильнее препятствовать внешние причины соприкосновения с активной колонизацией других сословий и этносов.

Подводя итог статьи, отметим, что ареал расселения однодворцев на территории ЦЧ всегда был ограничен. Сначала влиял фактор безопасности, не позволявший выселяться однодворцам за Белгородскую черту до периода замирения края. От этого селения в данной местности начали основываться только в нач. XVIII в. и нередко были случаи основания во второй пол. XVIII века. После замирения края, первенствующее значение в ограничении ареала расселения однодворцев начинают занимать межсословные взаимоотношения.

Однако, истоки этих внутренних процессов зарождались ранее. На севере ЦЧ уже с нач. XVII в. и далее однодворцев выталкивали крупные феодалы, в том числе с помощью русских помещичьих крестьян. На юге ЦЧ уже с сер. XVII в. они стали

тесниться малороссиянами, которые впоследствии были расселены практически по всему периметру юга ЦЧ. Последним отступать тоже было некуда, т.к. ещё южнее их ограничивали Донские казаки, а с севера – те же однодворцы. Пик вкрапления в прежние места обитания потомков служилых людей в ЦЧ со стороны дворян посредством их помещичьих крестьян и малороссиян наблюдался во время всего правления Екатерины II, после чего этот процесс пошёл на спад. Окончательно же ареалы обитания всех сословий ЦЧ сформировались лишь к сер. XIX века.

Таким образом, для освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты, у однодворцев имелось временное окно всего в пол века. И то данному процессу препятствовал ряд перечисленных выше причин. Дальнейшая же активная фаза помещичьей колонизации с сер. XVIII в. окончательно предопределила социальный облик изучаемой нами местности не в пользу потомков служилых людей. Таким образом, по всем упомянутым причинам уезды, расположенные южнее Белгородской черты, нельзя назвать традиционным местом обитания однодворцев. Последние же формировались благодаря более длительному периоду благоприятных условий для освоения пространства служилыми людьми и их потомками.

Список литературы

1. Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI – XVII ст. Т. 2. Вып. I. Харьков: Тип-я К.П. Счасни, 1890. 458 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Москва: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Благовещенский Н.А. Четвертное право. Москва: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.
4. Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII–начале XVIII вв.: На материалах Центрального Черноземья: дис...канд. ист. наук. Воронеж, ВГУ. 2003. 191 с.
5. Василенко О.В. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII вв.: на примере его Центральной части: дис...канд. ист. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 216 с.
6. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк облтипография, 1974. 237 с.
7. Германов М.А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки императорского русского географического общества. кн. XII. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1857. С. 183–327.
8. Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23.

9. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Санкт-Петербург: Тип-я А.В. Орлова, 1913. 544 с.
10. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И245. Оп. 1. Д. 34.
11. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 55.
12. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 62.
13. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 610.
14. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 615.
15. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 616.
16. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 617.
17. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 618.
18. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 619.
19. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 623.
20. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 624.
21. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 633.
22. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 634.
23. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 640.
24. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 664.
25. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 728.
26. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 800.
27. ГАВО. Ф. И290. Оп. 2. Д. 18.
28. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма / Загоровский В.П. и др. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 142 с.
29. Кудланов К.Б. Влияние комплектования и пополнения Украинской ландмилиции на демографическое положение однодворцев Курского края с 1713 по 1770 гг. // История, теория, практика Российского права: сборник научных работ, приуроченный к празднованию 15-летия юридического факультета КГУ. Курск, 2019. Вып. 12. С. 15–30.
30. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. Москва: Тип-я Д.И. Иноземцева, 1894. 310 с.
31. Панова В.И. Воронежское Прибитюжье в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII – XVIII вв.). Воронеж: Изд-во ВГУ. 1981. С. 68–76.
32. Панова В.И. История заселения русских земель донского левобережья в XVI – XVIII веках: дис...канд. ист. наук. Воронеж, ВГУ, 1981. 177 с.
33. Проторчина П.М. Расселение воронежских однодворцев в XVIII веке (по материалам ревизских сказок) // Труды Воронежского государственного университета. Том 51. Сборник работ историко-филологического факультета. Воронеж, 1958. Вып. 1 (исторический). С. 35–49.
34. Попова Н.А. Очер землевладения и межевания в Воронежской губернии // Воронежский сборник в память 300 летия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1. С. 281–330.
35. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). Москва: Госполитиздат, 1957. 495 с.
36. Село Гвазда, Гвазденское сельское поселение Бутурлиновского района Воронежской области. [Электронный ресурс]. URL: Heraldicum.ru
37. Титова О.Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны (к проблеме формирования) // Берегиня 777 Сова. Воронеж, 2013. № 1 (16). С. 6–14.
38. Чижикова Л.Н. Русско-украинское приграничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века). Москва: Наука, 1988. 250 с.
39. Щербина Ф.А. Четвертное землевладение в Воронежской губернии // Воронежский сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. 1886, Воронеж. Т. 1. С. 465–481.

SETTLEMENT OF THE ONE-COURTYARD PEOPLE IN COUNTIES, WHICH LOCATED TO THE SOUTH FROM THE BELGOROD LINE

Based on various archival and narrative sources, the authors analytically compare the features of the development of counties, which located at the south from the Belgorod line. The researchers chose the Pavlovsky and Bobrovsky counties of the Voronezh province, on which territory, they systematized all kinds of migrations during the XVIII-th

century. In the course of a comparative analysis, the authors found differences in the development of the studied area. For example, the influence of the compatriot principle in resettlements in the territory of the Pavlovsky county. In general, there were more common features between the aforementioned counties. The authors found that the identical river system and the geography of the location of the studied counties caused the same influence of the processes that prevented this territory from becoming the traditional habitats of smallholders. Between the disappearance of the danger from the nomads and the active colonization of landowners, the descendants of the military service people had only half of the century time window for the development of counties, which located to the south from the Belgorod line. This process was also hindered by the termination of government patronage in the development of the Central Chernozem region and the strong exploitation of the one-courtyard people on the Ukrainian line, which caused their mass exodus. All this happened against the background of communal land ownership by the smallholders in the under study area, which significantly narrowed their area of settlement, while improving its quality. In addition, it was revealed that the period of the voluntary active phase of resettlement is associated with the period of maturation of resettlement centers in previously developed areas. In the studied time period the authors, the maturity of these foci has not been yet observed everywhere. Further active phase of landlord colonization from the middle of the XVIII-th century finally predetermined the social appearance at the studied territory not in favor of the descendants of the military service people. As a result, the authors conclude that the traditional habitats of one-courtyard people were formed due to a long period of favorable conditions for the development of area by the military service people and their descendants.

Keywords: military service people, one-courtyard people, smallholders, settlers, county, Central Chernozem region.

References

1. Bagaley, D.I. (1890). *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy v XVI – XVII st* [Materials for the history of colonization and life of Kharkov and partly of Kursk and Voronezh provinces in the XVI-th – XVII-th centuries]. Vol. Issue. I. Khar'kov: Tip-ya K.P. Schasni.
2. Belyavskij, M.T. (1984). *Odnodvorcy Chernozem'ya (po ix nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moskva: Moscow University Press.
3. Blagoveshhenskij, N.A. (1899). *Chetvertnoe parvo* [Quarter right]. Moskva: Tov. Kushnerev i Ko Print.
4. Vasilenko, D.V. (2003). *Dvizheniye naseleniya yuzhnoy okrainy Rossii vo vtoroy polovine XVII–nachale XVIII vv.: Na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya* [The movement of the population of the southern outskirts of Russia in the second half of the XVII-th – early XVIII-th centuries: Based on the materials of the Central Chernozem region]: dis...kand. ist. nauk. Voronezh, GU «Voronezh TSNTI», 191 p.
5. Vasilenko, O.V. (2010). *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v XVII-XVIII vv.: na primere yego Tsentral'noy chasti* [The history of settlement and economic development of the Voronezh region in the XVII-th – XVIII-th centuries: on the example of its Central part]: dis...kand. ist. nauk. Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina. 216 p.
6. Vazhinskij, V.M. (1974). *Zemlevladieniye i skladyvaniye obshhiny' odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhny'x uezdov Rossii)* [Land ownership and the formation of smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia)]. *Uchebnoe posobie k speczkursu dlya studentov istoricheskix fakul'tetov pedagogicheskix institutov. Voronezh: Lipeck region Publ.*
7. Germanov, M.A. (1857). *Postepennoye rasprostraneniye odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii* [Gradual spread of the one-courtyard population in the Voronezh province]. *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]*. XII, 183–327.
8. Zagorovskiy V.P. (1987). *Obshchiy ocherk istorii zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya yuzhnykh okrain Rossii v epokhu zrelogo feodalizma (XVI – nachalo XVIII veka)* [General outline of the history of settlement and economic development of the southern outskirts of Russia in the era of mature feudalism (XVI – early XVIII century)]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma [History of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism]*. Voronezh, 3–23.
9. Zelenin, D.K. (1913). *Velikorusskie govory' s neorganicheskim i neperexodny'm smyagcheniem zadnenezny'x soglasny'x s svyazi s techeniyami pozdneyshej velikorusskoj kolonizatsii* [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. Sankt-Peterburg: Print. A.V. Orlova.
10. State Archive of the Voronezh Region (hereinafter GAVO). F. I245. Op. 1. D. 34.
11. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 55.
12. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 62.

13. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 610.
14. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 615.
15. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 616.
16. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 617.
17. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 618.
18. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 619.
19. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 623.
20. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 624.
21. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 633.
22. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 634.
23. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 640.
24. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 664.
25. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 728.
26. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 800.
27. GAVO. F. I290. Op. 2. D. 18.

28. Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma [The history of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism]. (1987). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.

29. Kudlanov, K.B. (2019). Vliyanie komplektovaniya i popolneniya Ukrainskoj landmilicii na demograficheskoe polozhenie odnodvorcev Kurskogo kraja s 1713 po 1770 gg. [The influence of recruitment and replenishment of the Ukrainian Land Militiion on the demographic situation of the smallholders in the Kursk region from 1713 to 1770] // *Istoriya, teoriya, praktika Rossijskogo prava: sbornik nauchny'x rabot, priurochennyj k prazdnovaniyu 15-letiya yuridicheskogo fakul'teta KGU [History, theory, practice of Russian law: a collection of scientific papers dedicated to the celebration of the 15-th anniversary of the Faculty of Law of KSU]*. 12, 15–30.

30. Miklashevskiy, I.N. (1894). K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. CH. 1. Zaseleniye i sel'skoye khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moskva, Tip-ya D.I. Inozemtseva.

31. Panova, V.I. (1981). Voronezhskoye Pribityuzh'ye v XVII veke [Voronezh Pribityuzhye in the XVII-th century]. *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII – XVIII vv.) [Voronezh region on the southern borders of Russia (XVII – XVIII centuries)]*, 68–76.

32. Panova, V.I. (1981). Istoriya zaseleniya russkikh zemel' donsogo levoberezh'ya v XVI – XVIII vekakh [The history of the settlement of the Russian lands of the Don left bank in the XVI-th – XVIII-th centuries]: dis...kand. ist. nauk. Voronezh, VGU. 177 p.

33. Protorchina, P.M. (1958). Rasselenie voronezhskix odnodvorcev V XVIII veke (po materialam revizskix skazok) [Resettlement of Voronezh single-palace residents in the 18th century (based on revision tales)] // *Trudy' Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Voronezh State University]*. 51 (1), 35–49.

34. Popova, N.A. (1886). Ocher zemlevladieniya i mezhevaniya v Voronezhskoj gubernii [Essay on land ownership and land surveying in the Voronezh province] // *Voronezhskij sbornik v pamyat' 300 letiya g. Voronezha [Voronezh collection in memory of the 300-th anniversary of the city of Voronezh]*, 1, 281–330.

35. Rubinshtejn, H.L. (1957). Sel'skoe xozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. (Istoriko–e'konomicheskij ocherk) [Agriculture in Russia in the second half of the XVIII-th century. (Historical and economic essay)]. Moskva: Gospolitizdat.

36. Selo Gvazda, Gvazdenskoe sel'skoe poselenie Buturlinovskogo rajona Voronezhskoj oblasti [Gvazda village, Gvazdenskoye rural settlement of Buturlinovsky district, Voronezh region]. Retrieved 15 June, 2022 from [http:// Heraldicum.ru](http://Heraldicum.ru)

37. Titova, O.Yu. (2013). Lokal'ny'e gruppy' russkogo naseleniya yuzhnorusskoj e'tnograficheskoy zony' (k probleme formirovaniya) [Local groups of the Russian population of the South Russian ethnographic zone (on the problem of formation)]. *Bereginya 777 Sova [Bereginya 777 Owl]*, 1 (16), 6–14.

38. Chizhikova, L.N. (1988). Russko-ukrainskoe prigranich'e. Istoriya i sud'by' tradicionno-by'tovoj kul'tury' (XIX – XX veka) [Russian-Ukrainian borderland. History and fate of traditional everyday culture (XIX – XX centuries)]. Moskva: Nauka Publ.

39. Shherbina, F.A. (1886). Chetvertnoe zemlevladienie v Voronezhskoj gubernii [Quarter land ownership in the Voronezh province]. *Voronezhskij sbornik v pamyat' trexstotletiya g. Voronezha* [Voronezh collection in memory of the tercentenary of the city of Voronezh]. 1, 465–481.

Об авторах

Чекед Роман Станиславович – кандидат исторических наук, заместитель директора Курского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия), E-mail: RSCheked@fa.ru

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Cheked Roman Stanislavovich – PhD (History), deputy director of Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), E-mail: RSCheked@fa.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), chairman of the youth section of the Kursk branch of the Russian Society of the Historians and of the Archivists (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – **исторические науки**.

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; **5.6.2.** - Всеобщая история; **5.6.3.** – Археология; **5.6.5.** - Историография, источниковедение, методы исторического Исследования; **5.6.7.** - История международных отношений и внешней политики.

Требования к структуре статей (см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1, 25 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 16 000 знаков с пробелами и не превышать 34 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

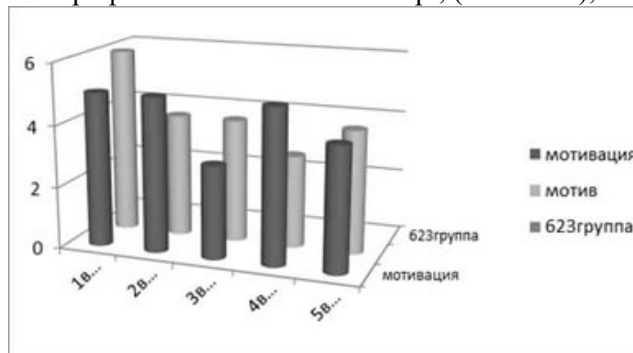
Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (53) 2022

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 21.09.2022.

Дата выхода журнала в свет: 29.09.2022.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 21. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+